

Николай Водневский

ЖИЗНЬ КАК ОНА ЕСТЬ

Flip

НИКОЛАИ ВОДНЕВСКИЙ

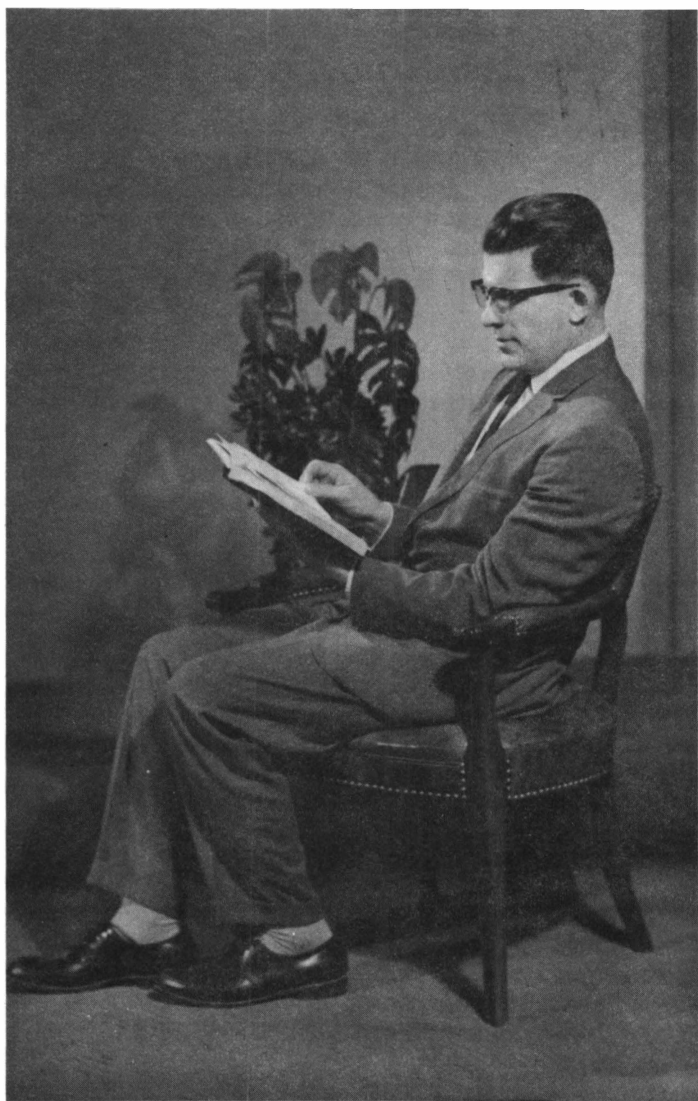
ЖИЗНЬ, КАК ОНА ЕСТЬ...

(ЗАПИСКИ ВЕРУЮЩЕГО ЭМИГРАНТА)

— САКРАМЕНТО, КАЛИФОРНИЯ —

1968 год

Thib

LIFE — HOW IT IS...
BY
NIKOLAI WODNEVSKY

Все права сохранены за автором.

Иллюстрации и обложка
художника ЛЕОНИДА ТАРАСОВА

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О КНИГЕ

«ЖИЗНЬ, КАК ОНА ЕСТЬ» — книга без определенного сюжета, без замысла, без плана. Это небольшие зарисовки из повседневной жизни. Одни из них я делал под живым впечатлением переживаемых событий, другие — по следам того или иного случая, третьи — в минуты раздумий, вспоминая недавнее и давнее прошлое.

«ЖИЗНЬ, КАК ОНА ЕСТЬ» — это своего рода записки верующего эмигранта. Материал для них был всегда рядом: на работе, в церкви, в путешествии, на отдыхе.

«ЖИЗНЬ, КАК ОНА ЕСТЬ» — это бесконечная тема. Жизнь сложна и многообразна и таит в себе много нераскрытых тайн. Делая эти записки, я придерживался одного правила: не отходить в сторону от жизненной правды, не приукрашать жизнь и не наводить на нее темных пятен.

Пятнадцать лет тому назад мною была издана биографическая повесть «ПОД КРОВОМ ВСЕВЫШНЕГО». Она разошлась очень быстро. Так как с той поры интерес к книге не был читателями утрачен, то я решил включить ее в этот сборник. Тем более, что свидетельство о пережитом — это ведь тоже. «Жизнь, как она есть».

В книгу вошел также и сокращенный вариант поэмы «ИВАН СЛЕДОПЫТ». Сюжет поэмы тоже взят из жизни и потому вполне соответствует общему направлению книги.

Выпуская в свет эту книгу, я имею только одно желание: помочь некоторым людям в раскрытии смысла жизни, помочь им обрести его в Том, Кто сказал о Себе:

«Я ЕСМЬ ПУТЬ И ИСТИНА И ЖИЗНЬ» (Ин. 14:6).

Н. Водневский

НАПУТСТВИЕ

Я переживаю огромную радость по случаю выхода в свет книги: «ЖИЗНЬ, КАК ОНА ЕСТЬ».

Читая все эти миниатюры, зарисовки, картинки, размышления, я всегда удивлялся способности автора — подмечать в жизни то, что не замечают другие. Я всегда думал: «Как это просто, трогательно, правдиво и назидательно».

Каждая страница книги — это драгоценная жемчужина, это искрящийся на солнце бриллиант.

Каждая строка вылилась из душевных недр автора-христианина и потому будет доходить до каждой души, как олицетворение искренности, человечности и правды.

Я уверен в успехе этой книги. Я рад за читателей, которые будут ее читать. Сколько глубоких мыслей, сколько добрых чувств возникнет в их душах при чтении. Многие страницы они будут перечитывать по несколько раз, они будут горячо советовать своим друзьям:

— Прочтите со вниманием эту удивительную книгу!

Родион Березов

ОСЕНЬ

Не хочется верить, что в природе царствует осень. Но это так. От недавно выпавших дождей позеленела трава, приукрасились поля Калифорнии, а посмотришь на сады — там полыхают пожары, осыпаются листья.

Горизонт стал мутновато-розовым. В нем скрылись очертания гор Сиеро-Невады.

Даже в полдень в воздухе стоит непривычная прохлада, в открытые окна тянет свежестью. Короткие дни проходят у меня за стенами фабрики и только изредка я успеваю взглянуть через окно на красоту торжествующей осени.

Осень — хорошее время года. Благодарная земля отдает свои плоды человеку, отдает с лихвой, просится на отдых.

Осенью люди чаще размышляют о жизни и смерти. Это — благородная тема, но думают не все. Многие говорят так: «Пусть лошади думают. У них головы большие». Но кто умеет думать, тот умеет жить. А кто умеет жить, тому не страшно умирать.

Сегодня ехал через опустевший парк. На траве валяются обломленные ветром сучья и ветки эвкалиптов, подчищены дорожки. Печальным выглядит озеро. Там, где в июне нельзя было найти место для автомобиля, теперь пусто и уныло.

Что же все-таки украшает осень?

Плоды земли.

Что украшает «осень нашей жизни»? Плоды труда.

РАДОСТЬ ТВОРЧЕСТВА

Когда на сердце бывает грустно, я пою. Напрасно улыбаются те, кто слышал мой голос. Я пою для самого себя. И как это помогает!

Великую силу таит в себе песенное слово. Недаром, в давние времена волжские бурлаки с лямкой на спине певали:

«Мы по бережку идем,
Песню солнышку поем...»

И я пою о том, чем живу. Мелодия обыкновенно приходит вместе со словами. Хорошо, что меня никто не подслушивает.

Во время обеденного перерыва на фабрике, я бегло просматриваю газету. Волнуют события во Вьетнаме. Когда я читаю о них, в моей голове, как пчелы, выются рифмы. Рифмы обрастают словами, рождаются строки и я невольно ищу в кармане огрызок карандаша и записываю на обверточной бумаге первые слова:

Где-то стонут, где-то плачут,
А ведь все хотели б жить.
Непосильную задачу
Без Христа не разрешить.

А в это время сердце диктует другие слова и я, подчиняясь его воле, дополняю стихотворение новыми строками:

Но когда по всей планете
Разыграется война,
У меня есть на примете
Безопасная страна.

Знаю, что мои стихи — это еще не поэзия, но они все-равно меня радуют и эта радость понятна только

тем, кто знает, что такое творчество.

Вечером, после работы я вышел во двор облегченным и обрадованным. Рабочий день окончен. Но вот беда: на площади, где паркуют автомобили, я не могу обнаружить моего «Плимута.» (Младшая дочь называет автомобиль — «климат».) Брожу по аллеям, между сотен голубых, коричневых, белых и черных автомобилей, слагаю песню: «Где же, где же ты, мой «плимут»? Не могу тебя покинуть... Ты мне нужен, даже очень, но найду ль тебя до ночи?»

Нет, я не могу найти мой автомобиль. Забыл, где поставил. Я вернулся к воротам фабрики, поведал о своем горе знакомому охраннику. Он громко рассмеялся, как смеются ковбойцы, его лицо покраснело.

— Слушай, Ник, — сказал он сквозь смех, — ты приехал сегодня на велосипеде... Видишь, он стоит в том углу, ожидает хозяина?...

И мне стало стыдно за мою забывчивость.

С целью экономии я иногда езжу на работу на велосипеде.

Меня со свистом обгоняют автомобили. Я усердно вращаю педали, напевая песню. Пою и думаю: как ярко в Америке надписи о правилах безопасной езды. Теперь людям надо ездить немножко тише, чтобы успевать читать эти надписи.

ЗАБЫВЧИВОСТЬ

В НАШЕЙ обыденной жизни забывчивость иногда стоит очень дорого. В прошлом году, например, я забыл во время купить лицензию на автомобиль и это мне стоило 20 долларов. Недавно забыл снять ручной тормоз автомобиля, отправляясь в путь. Однажды забыл проверить в автомобиле воду. По этой причине расплавился радиатор. И снова убыток.

Но гораздо дороже стоит забывчивость по отноше-

ни» к нуждам нашей души. За житейской суетой можно забыть самое важное — о запросах своей души: прочесть Слово Божье, помолиться, послушать хорошую радиопередачу...

Душа человека в некотором смысле похожа на музыкальный инструмент. Ее нужно беречь от пыли и грязи, о ней нужно заботиться. Музыкальный инструмент должен быть настроен, чтобы он мог давать мелодию. Трудно ожидать от скрипки мелодичности, если с ней обращаться небрежно: надоело — бросил в пыльный угол, забыл о ней.

Точно так относятся к своей душе многие люди, а потом удивляются, почему у них нет расположения идти в воскресенье в церковь, почитать духовную литературу, слушать духовные песни или сделать доброе дело веры.

Заморенная душа теряет аппетит к хлебу жизни.

И этого больше всего должен опасаться христианин.

ОН УМЕЛ ДУМАТЬ

ХУДЕНЬКИЙ, небольшого роста, элегантно причесанный парень лет тридцати стоял перед столом моего меланхоличного боса и, улыбаясь, отвечал на его вопросы.

Через несколько минут меня позвал бос и, указывая на парня, сказал:

— Ник, познакомься. Он будет тебе помогать.

Мы приступили к работе.

Шестнадцатифутовая лестница была не по плечам Глину, моему партнеру. Когда он ее поднимал, на его шее, напрягаясь темнели вены. Мне казалось, что Глин не вытянет на этой работе одной недели.

— Ну, как? — спросил я его перед обедом.

— Окей! — ответил он бодро. — Для меня это не

работа, а прогулка. Я ведь шесть лет работал на фармах, в Девисе. Там действительно была работа...

Глаза у Глина темные, выразительные, с веселым огоньком. Мне казалось, что в них задержалась слезинка и так постоянно в них светится.

Обедать мы сели за одним столом. Глин закрыл глаза и склонил голову. Он молился.

— Вы христианин? — спросил я.

— Верно! Я — христианин.

Мы еще раз пожали друг другу руки.

На другой день Глин рассказывал о себе:

— Я сын фермера. Мать была верующей, отец — алкоголик. Сколько она, бедная, перенесла от него побоев. И терпела, не уходила от нас. До армии я держался матери, но в армии все забылось и я запил. Мать умерла в день моей демобилизации. Я вернулся в Девис и начал работать на фармах. Домой приходил грязный, усталый. Ну я и пошел по следам отца. Три раза меня сажали в тюрьму за драки.

Глин тяжело вздохнул худой грудью и долго молчал, складывая в руках бумажную салфетку. Отпив глоток кофе, он продолжал:

— Два года тому назад, зимой, когда шли дожди, я сидел без работы и без денег. Случилось так, что на дороге я поднял мокрый листок и прочел заголовок: «Остановись и подумай!...». Делать было нечего, томила скука, я положил листок в карман и дома его прочел. Листовка рассказывала о блудном сыне. Начал и я думать, вспомнил мать, всплакнул...

В тот же день я был в Сакраменто на христианском собрании. И в тот же день меня подобрал Христос. Вытащил прямо из грязи. Очистил мою шелуху. Теперь я вот, кажется, и на человека похож...

Наша дружба крепла. Я брал с собой Глина в Сан-Франциско, на русские религиозные собрания. Несколько месяцев спустя, Глин приехал на фабрику необычно.

венно радостным.

— Ник, — обратился он ко мне, — ты будешь вечером свободен?

— Если это нужно, могу. В чем дело?

— Меня пригласили в Девис на пробудительные собрания. Там ведь меня не только все люди, но каждая собака знает. Бывало, никто никогда мне «халло» не говорил, а теперь объявление в газете на полстраницы: «Глин Карпентер будет проповедовать на тему: «Старое и новое»...

Его проповедь была потрясающей. Собственно, это и не была проповедь: это было свидетельство. Он не бросал в публику текстами Евангелия. Он сам был живым евангелием. На многих лицах светились слезы смирения. Потом люди выходили к платформе, каялись в своем маловерии. Прошло полгода.

Однажды утром Глин пришел на фабрику в белой рубашке.

— Брат, — сказал он, — я пришел к тебе проститься. Вечером я уезжаю в Техас. Недавно я молился Богу. «Пошли меня на проповедь Евангелия. Жены у меня нет, жить научился на 20 долларов в неделю». И вот вчера Господь ответил. Меня пригласили на миссионерскую работу.

ВЯЧЕСЛАВ ДОЛИН

От второй мировой войны осталось много неприятных воспоминаний. Но есть и приятные. Сегодня вспомнил Вячеслава Долина, артиста Орловского драматического театра. Встретился я с ним в конце 1942 года в лагере пленных. Лагерь размещался в бывших колхозных конюшнях, на окраине деревни Игнатово, в двух километрах от шоссе Московской — Рославль.

Была поздняя, холодная осень. За пригорками дымился паровоз. Он маневрировал между разъездом Кня-

зеву и станцией Бахмутово. Там размещались немецкие артиллерийские склады, где нам приходилось работать.

Вечером, после возвращения с работы, мы получали по котелку баланды, усаживались на нарах и приступали к еде, как к священнодействию. Тишину нарушал только звон пустых котелков. Как только обед заканчивался, старшина Максимов зычно подавал команду:

— Выходи на поверку!

Если подсчет был точным, нас быстро отпускали в бараки-сарай. Там, разбившись по группам, люди проводили вечерние часы в разговорах. Наиболее многочисленной группой была та, где рассказчиком был Вячеслав Долин. Я всегда пробивался ближе к артисту и слушал его, затаив дыхание.

Велика сила художественного слова! Оно проникало в наши сердца, завораживало нас, мы забывали о своей судьбе и не раз просили чтеца читать нам еще и еще. И он читал, читал вдохновенно и пылко. Меня поражала его богатая память. Он читал нам монологи каждый вечер наизусть, неповторяясь.

Однажды он сказал:

— Сегодня я вас познакомлю с большим русским поэтом о котором, вероятно, вы ничего не слышали. Он расстрелян большевиками. Его имя Николай Гумилев.

Откашлявшись, он начал:

«Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня,
Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.
Но не надо нам яств земного
В этот странный и светлый час,
Оттого, что Господне слово
Лучше хлеба питает нас».

Я был удивлен, что о таком большом, даровитом

поэте нам ничего не говорили в Институте, скрывали его от нас..

Спросил об этом Долина.

— А-а, браток, знаешь почему они замуровали его от молодого поколения? Он не верил, что коммунисты, отвергая Бога, могут построить царство справедливости.

Позднее я переписывал стихи Гумилева под диктовку Долина, брал их на работу, заучивал наизусть и читал их про себя, таская бревна для блиндажей. И до сих пор помнится полюбившееся мне стихотворение, в котором поэт молитвенно обращается к Господу:

«Храм Твой, Господи, в небесах.

Но земля тоже Твой приют.

Расцветают липы в лесах

И на липах птицы поют..

Если, Господи, это так,

Если правильно я пою,

Дай мне, Господи, дай мне знак,

Что я волю понял Твою».

Вячеслав Долин был одним из первых, кто поколебал мою веру в гениальность Сталина. Тяжело и смешно делается на душе у меня, когда вспомню о том, как по-детски я верил «отцу народов». Позднее, когда я больше и чаще начал встречаться с бывшими политзаключенными, от моего коммунистического мировоззрения не осталось даже тумана. Все рассеялось, все испарилось, все ушло.

Помню, Долин говорил:

— Сталин — это усатый зверь. Он бросил меня в тюрьму за один анекдот. А когда началась война, он освободил меня и погнал на фронт искупать вину, которой у меня не было. Я за него, тирана, воевать не буду...

Спустя некоторое время Вячеслава Долина немцы вызвали в Рославль или Смоленск. С той поры я ничего о нем не слышал.

В последний вечер мы пели песню ямщика и там,

где он выводил тенором слова: «передай привет родной матушке», у многих начинали сверкать слезы.

Утром нас погнали на расчистку шоссе от снежных заносов. Колочая снежная пыль была нам в глаза, забиралась под ветхое тряпье, которым мы заматывали головы, мерзли руки, а в моей душе весь тот день звучали гумилевские слова, написанные мною под диктовку Долина:

«Я — угрюмый и упрямый зодчий
Храма, восстающего во мгле,
Я возревновал о славе Отчей,
Как на небесах, и на земле.
Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,
Стены Нового Иерусалима
На полях моей родной страны.
Крикну я... но разве кто поможет,
Чтоб душа моя не умерла? —
Только змеи сбрасывают кожи,
Мы меняем души, не тела».

ЛЮБОВЬ ДЕЙСТВУЮЩАЯ

Давно это было, а вот помнится и сегодня.

Погожий осенний день 1943 года. На тихой Десне играют блики солнца. Поднимая пыль, по дороге тянутся военные обозы. Это немцы отступают на запад. Несколько советских самолетов долго кружились над мостом возле деревни Михалевка и, не сбросив ни одной бомбы, повернули на восток. Оттуда доносился гул артиллерийской канонады. Там шли бои за Спас-Деменск.

Немцы присмирили: русские сбили им гордыню. Вечером ко мне подошел фельдфебель и на ухо сказал: — Скоро нет война. Крик капут...

Он незаметно положил мне в карман плитку шоколада.

Раньше этого нельзя было бы даже представить.

В тот вечер я познакомился с русской девушкой. Она мне очень понравилась. Сколько трудов мне стоило убедить ее взять от меня плитку шоколада.

С той поры, каждый раз, когда мне удавалось достать что-либо сладкое, я искал возможности встретиться с этой девушкой и ей передать. Я приносил ей сладкое не потому, что ей это нужно было, а потому что мне нужна была ее любовь.

Вскоре мы расстались, но год спустя снова встретились в Польше.

Она стала моей женой. И вот уже 22 года мы идем рука об руку.

Что я хочу этим сказать?

То, что настоящая любовь всегда хочет проявить себя на деле.

Точно так, кто любит Христа, кто любит Евангелие, тот обязательно будет искать возможностей проявить эту любовь на деле.

Живая, спасающая вера проявляется только в действующей любви.

ЗАПАХ И ПАМЯТЬ

КАЖДЫЙ раз, когда я бываю на заправочной станции которые мы в Америке называем газولينками, где продают дешевый вонючий газолин, я сразу же вспоминаю город Елец.

Летом 1940 года я ехал в маленький городок Курской области — Валуйки. В Ельце была пересадка. Так как поезд нужно было ожидать несколько часов, а было раннее утро, мой спутник, студент литературного факультета Михаил Кольцов, постоянно улыбающийся парень, будто он родился с улыбкой, предложил пойти поотреть, как просыпается город.

Мы перешли большой мост. На правой стороне,

возле лавки стояла огромная толпа людей. От толпы тянулась длинная очередь.

Это ельчане стояли в очередь за керосином. Лавка была еще закрыта. Постукивая пустыми банками и бутылками, люди стояли в очереди, вероятно, с полночи.

Вокруг стоял тяжелый запах керосина.

Когда мы подошли ближе, в толпе начался шум. Отодвигаясь в сторону людей, к дверям пробирался милиционер.

— Граждане, дайте дорогу! Дайте дорогу! — выкрикивал его голос.

Из толпы, как из мешка вытащили молодую женщину. Ее руки беспомощно болтались, голова безжизненно склонилась на грудь.

Женщину положили на траву. Кто-то начал делать ей искусственное дыхание.

Толпа шумела:

— Воздуху не хватало! Задавили...

— Не первый раз, — робко подал некто голос.

Наше настроение было испорчено. В город мы не пошли, а возвратились на вокзал.

Острый запах дешевого газа до сих пор напоминает мне елецкое утро, длинную очередь за керосином, пустые бочки, расставленные вокруг лавки, а на траве женщину с облитыми водой волосами.

КРАСИВОЕ СЛОВО

Однажды, мудрец спросил:

— Какое самое красивое слово?

— Здоровье! — ответил больной.

— Молодость! — проговорил старик.

— Хлеб! — отозвался голодный.

— Победа! — громко провозгласил солдат.

— Свобода! — воскликнул заключенный.

— Нет, все эти слова хороши, но самое красивое слово — правда! — заключил мудрец.

Но в это время в стороне раздался детский голос. Это был мальчик-сирота. Он сказал:

— Самое красивое слово на свете — МАМА! Нет слова красивее этого!

И все, включая мудреца, согласились с мальчиком.

ПСАЛТИРЬ МЕРТВЫМ

В ДЕТСТВЕ меня всегда удивляло одно явление. Оно живет в памяти до сих пор. Каждый раз, когда в нашей деревне кто-либо умирал, у изголовья умершего обязательно читали Псалтирь. Читали ночью, когда никто возле покойника не присутствовал. Чтеца привозили из соседнего поселка. Это был сухой старичок с тонким, пискливым голосом.

И я думал, и верил, что умерший слышит, когда ему читают книгу Божию. Но позднее не раз приходилось слышать такую поговорку: «Ему нужно то или другое, как мертвому псалтирь».

На самом деле, нужно ли умершему Евангелие, или Псалтирь? Разве нельзя было собраться в избе, и оставив курение крепкого самосада, читать Евангелие? А зимние вечера были у нас томительно скучными. Люди не знали, как убить время. И как было бы кстати чтение Писания!

Если бы священнослужители этим занимались, возможно революция прошла бы мимо России. Но беда была в том, что тех, кто собирался по домам для чтения Евангелия, сразу же называли штундистами, людьми вне закона.

Н А Ш Я З Ы К

ОДНАЖДЫ писатель Лавренев, стоя в очереди в московском буфете, услышал как юноша обратился к буфетчице:

— Пупка, накупись стан лимки...

Писатель не понял о чем просил юноша, но буфетчица поняла и налила ему стакан лимонаду.

Стоит ли после этого удивляться, когда слышишь в Америке от русских эмигрантов такие выражения:

— Да мы только что перемуховались.

— Зашатай доры!

— Что ты хошь на лонч?

Все это — трагедия нашей эмигрантской судьбы. С каждым годом бледнеет наш язык. Недавно сын спросил меня:

— Папа, как сказать правильно: «молодёжь» или «мóлодежь»?

— Молодёжь, — говорю я. — Ударение на последнем слоге.

— Хорошо, согласился сын, — тогда почему сегодня русские проповедники говорили один за другим: «наша мóлодежь...»

— Это еще ничего, — вмешалась в разговор наша знакомая. — Вчера я слушала по радио русского проповедника, который вместо слова «блуждать», «блуждал», девять раз повторил: «целый день я блудил в лесу...» Или: «нам всем приходилось блудить»...

— Как это вам нравится? — спросила она.

К сожалению, таким примерам нет конца.

Да, тем кто выступает публично или по радио с проповедью Евангелия, следовало бы не забывать о языке. Конечно, гораздо важнее не то, КАК человек говорит, а то, Что или О ЧЕМ он говорит. НО и слушать изуродованную, искаленную русскую речь — мало удовольствия. Малограмотные ораторы не должны злоупотреблять терпением своих слушателей.

КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ

ПЕРЕЧИТЫВАЯ Паустовского я думаю, как много мне еще надо учиться работать над словом, над предложением и, разумеется, над самим собой. Конечно, главное — о чем писать, но не менее важно и то, как писать.

Что мне нравится в Паустовском? Его простота, законченность мыслей, его человеколюбие, его понимание природы и самой жизни, его непреклонная борьба за чистоту совести.

В молодости Паустовский увлекался экзотикой, но сблизившись с родной землей, с родным народом, он нашел счастье: в другом плане : в слиянии с природой и правдой жизни.

В предисловии к шеститомному изданию Паустовский писал: « Я не променяю среднюю Россию на самые прославленные и потрясающие красоты земного шара. Всю нарядность Неаполитанского залива с его пиршеством красок я отдам за мокрый от дождя ивовый куст на песчаном берегу Оки.

С этим кустом и с пасмурным небом, помаргивающим дождем, с дымкой деревень и сырым луговым ветром накрепко связана моя жизнь.»

Паустовский - большой мастер короткого рассказа.

Паустовский - большой психолог . Герои его рассказов долго живут в памяти читателей.

Нам, начинающим писателям, надо учиться у Па-

устовского. Мы пишем о великих вечных идеях, но пишем худосочно, вяло, скучно, словно мы сами не верим в то, о чем пишем.

Когда глубокие мысли облакаются в скудную одежду скупых, избитых, сотни раз повторенных слов, мысль делается серой, обескровленной, не убедительной.

16 лет тому назад моя душа была тронута любовью Божьей и я стыжусь, когда пишу о Божьей любви не так сильно и горячо, как умеет писать Паустовский.

ЖИТЬ — ЭТО ТВОРИТЬ

КАЖДОМУ делу нужны время и энергия. Самое трудное дело — найти легкое дело. Главное в том, чтобы то, что я делаю служило на пользу человеку. Каждому, кто трудится, нужно бы думать об этом, потому что все мы — члены одной семьи, имя которой — человечество.

Кто трудится без понимания истинной цели жизни, тот крутится-вертится по земле, как щепка на Бродвее, пока ее не загонит ветер под забор или за кладбищенскую ограду.

Надо сказать правду: некрасивая эта жизнь, когда человек думает только о животе, да о хорошей мебели, забывая о собственной душе.

Душа, как птица, ищет хлеба,

А этот хлеб дает нам Бог.

Одна дорога есть на небо,

В погибель — тысячи дорог.

Мы привыкли к теплу, к уюту, к сытости, но истинная радость жизни не только в этом. Все, что нас окружает, все, что мы переживаем — это только условия для произростания дивного семени, имя которому — душа.

Некто с горечью сказал: «Зачем меня Бог создал? Не вижу я пользы в том, что существую». Ему ответили: «Может быть от тебя действительно нет пользы, но то, что ты это сознаешь, говорит о том, что с тобою дело еще

не закончено».

Да, мы все проходим стадию обработки. Счастлив тот, кто оохотно доверяет себя в руки Небесного Мастера.

Для меня жить — это творить и этим служить моему ближнему. А служить ближнему, это служить Богу.

Я был рожден в труде и потому не могусидеть, ничего не делая. Я был рожден в огне и потому не могу сидеть в дыму и смраде. Мне нужен чистый воздух для горения.

Если человек строит дорогу с сознанием, что по этой дороге будут ездить люди — его труд будет вдвое легче и интересней.

Нет ничего ужаснее бесцельного труда.

Несколько человек делали одно и то жедело. Кто-то спросил у одного:

— Что ты делаешь?

— Зарабатываю мои 35 долларов, — был ответ.

Спросили у другого:

— Что ты делаешь?

— Обтесываю камни.

Спросили у третьего:

— А что ты делаешь?

— Строю дом для пользы человека и для славы Божьей.

Когда я пишу эти слова, я думаю о моих «Записках эмигранта». Будут ли они полезны моим читателям? Мне писали: «Ваши Записки интересны». Для меня этого мало. «Интересны» — это не все. Я хочу, чтобы мой труд был полезным моему собрату.

Из моих записок я не извлеку для себя никакой пользы, но вот мой друг, читая их, может сказать: «Здесь нужно подумать...».

«А думать всегда полезно», — писал когда-то Михаил Зощенко.

Возбудить у читателя желание думать — вот цель моих записок.

ЗА ВИШНЯМИ

НОВЫЙ день встает с Востока величественно и тихо. Спит стеклянная гладь реки Сакраменто. У ее берегов застыли стаи причаленных лодок. Огромные эвкалипты, кажется, недавно сбежали с холмов, но встретив на пути реку, стали в один ряд и замерли, не решаясь войти в глубокую воду.

Где-то в отдалении самолет пересекает холодное небо. Его то затихающий, то возрастающий гул едва доносится до моего слуха. Куда летит он? Возможно в Вьетнам. Или наоборот, возвращается оттуда с ранеными солдатами.

Я еду в вишневый сад, расположенный в пяти милях от города. Небольшими стайками носятся над дорогой проснувшиеся птички. Серая полоса асфальта светлеет с каждой минутой. Перелетая с куста на куст, хлопотливо мечутся белобокие сороки. Это единственное место, где я встретил в Калифорнии сорок.

Вишни крупные, сочные, но не очень сладкие от обилия ирригационной воды. Если снимать их с дерева самому — они не дороги: 15 центов фунт. Этой дешевой пользой пользуются предприимчивые эмигранты. В день открытия сада они приезжают со всех концов.

В окно автомобиля со свистом врывается речной

воздух. Он пахнет гнилыми водорослями и протухшей рыбой.

Мой сын, широко открыв глаза, следит за красотой разгорающегося утра.

— Папа, мы будем в саду первыми, — решает он. — Видишь, мы на дороге одни...

Но это было не так. Как только мы свернули в сад, вся дорога оказалась облепленной автомобилями разных марок и размеров. Огромный сад оглашался русскими голосами:

— Та-а-а-ня, где Ми-и-ша?..

— Петя, тащи сюда лестницу!..

— Мать? Где ты, мать? — кричит расторопный муж.

— Ты что тут ругаешься? — шутит его знакомый и тут же затевает с ним разговор о положении во Вьетнаме.

— Жена вот ушла за крючком, а теперь ищи — свищи... — поясняет приятель.

Зеленый густой сад кажется обрызганным каплями темно-красной крови. Кисти вишен гнут ветви до земли. Вокруг каждого дерева уже толпятся сборщики и, как ни странно, среди них почти нет американцев. Люди переговариваются между собою о житейских делах.

Я люблю слушать русские голоса и хотя слова густо смешаны с американскими, но все равно это — родная речь:

— Увер ю бин, Дан? — спрашивает русская мать сынишку и тут же добавляет по-русски:

— Целый час пропадал, а ведро пустое...

Мальчик с черными от вишен губами виновато молчит. Он карабкается на дерево, где вишни крупнее и спелей.

— Куда лезешь! Не смей! — командует отец.

Пряный запах вишен и каких-то трав будит во мне

память, воскрешает детство. В деревне, где я родился и провел детство, было много вишневых садов. В нашем саду красовались шесть больших деревьев, с которых я много раз падал, счастливо отделяваясь ушибами. Когда подходила жатва, созревали вишни. В полдень семья возвращалась с поля на обед, а после обеда каждый взбирался на дерево, собирал вишни не в ведро, а в собственный рот.

Все это было давно, очень давно, лет тридцать тому назад. Теперь времена иные, — думаю я, взбираясь повыше на дерево. Когда-то я прыгал по веткам, как белка, а теперь не то. Я еле держусь на сучьях, слушаю о чем «гутарят» люди и наполняю ведро вишнями.

Голубая ткань неба уже давно посветлела, солнце успело подняться над рекою и теперь в саду качаются рябые тени веток.

На другой стороне дороги бежит, извиваясь, река. Вдоль реки стоят домики, уютные и красивые, как на картинках. Их кутают в зеленую шубу сады. Из-за реки несется раскатистый гул грузовых автомобилей. Возле здания телевизионной станции стоит, воткнутая в землю, огромная вышка — антенна. Она похожа на лестницу, дерзновенно поднятую к небу. В странном беспорядке белеют разбросанные на полях фермерские домики. Возле каждого домика стоит один или несколько автомобилей.

Высокая фигура фермера в синем комбинезоне широко шагает по зеленым рядам помидоров, присматриваясь к густым кустам, где протекает ручеек, орошающий большое поле.

Я приехал домой с семидесятью фунтами вишен, собранными за 2 часа.

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

МИЛЯХ в двадцати от Калистоги, в Калифорнии, по пути на Гайзерс, есть крутые подъемы. Узкая дорога ввинчивается в отвесные скалы, сползает в ущелье и снова, извиваясь, набирает высоту. Я поднялся высоко и обнаружил, что в радиаторе моего автомобиля закипела вода. Я остановился на удобной площадке и моему взору открылась чудесная панорама.

Город Гилсбург, охваченный предвечерней дымкой, лежал передо мною, как на ладони. В бинокль хорошо были видны разбросанные домишки Винсдора. Как стрела, желтела под солнцем новая шоссе́йная дорога, дымились две лесопилки, а за ними, как игрушка, мелькал паровоз с несколькими вагонами.

Русская река казалась ручейком, затерянным в густой растительности берегов.

Я долго сидел на сером камне и, погрузившись в свои думы, забыл о давно остывшем моторе.

Широта и грандиозность вида захватили мой дух и я чувствовал себя парящим в воздухе. Я думал о том, как трудно мне было подняться на эту высоту, но зато какой простор душе, сколько красот природы можно обозреть с этого места!

Простой, но удивительный закон Создателя: поднимаешься выше — увидишь больше. Значит, новые горизонты открываются только с новых позиций, но эти позиции должны быть выше предыдущих.

Не в этом ли призвание каждого человека: подниматься выше, чтобы видеть больше. И как хорошо, что на крутых подъемах христианина поддерживает рука Спасителя!

С О С Н А

НЕКТО сказал, что одна из чистых, светлых радостей — это отдых после труда. И вот я уже второй день отдыхаю и радуюсь красной штатного парка возле Маркелвиля, в Калифорнии.

Недалеко от бассейна горячей минеральной воды, у поворота дороги, стоит огромная сосна. Трудно определить, сколько ей лет. Вероятно, она еще помнит первых открывателей этого чудесного края. Как и все горные деревья, она не высока, но в диаметре более двух метров. В ее тени стоят столы и печь к услугам отдыхающих.

На стволе этой сосны остались сотни пометок. Каждому хотелось чем-нибудь отметить свое здесь пребывание. Таким образом, на стволе появились ножевые раны, вбитые гвозди, дыры, зарубки. Кто-то умудрился откалывать дерево для печки. Одни раны уже зажили, зарубцевались, другие — свежи, но зеленое дерево стоит попрежнему непоколебимо. В его ветвях шумит ве-

тер, прячутся птицы. Под тенью дерева укрываются от жары люди.

Я сижу в автомобиле возле дерева, смотрю на него и думаю о назначении христианина в этом мире. Если верующий человек войдет корнями своими глубоко в основание своей веры, он будет похож на это дерево. Мир нанесет его сердцу много ран, он не раз будет обманут, оклеветан, оскорблен, но он будет попрежнему зеленеть, потому что корни его связаны с источником неувядающей жизни.

П И О Н Е Р РУССКОГО ЕВАНГЕЛЬСКОГО ДВИЖЕНИЯ

НЕДАВНО мне довелось слушать старейшего русского проповедника Федора Дмитриевича Ефимова. Его голос часто терялся, но к нему прислушивались. Люди знали, что говорит человек, умудренный опытом.

Теперь Ефимову свыше восьмидесяти лет, но как богата его память! Смотрел я на его согбенную фигуру, на его дрожащие руки и думал: вот пионер русского евангельского движения! Испытанный в вере Апполес.

За проповедь Евангелия Федора Дмитриевича преследовало царское правительство. По той же причине его не раз бросала в тюрьмы и советская власть. Удивительно сбываются слова Христа: «И будете гонимы за имя Мое».

Лицо у него спокойное, вдумчивое, прищуренные глаза с огоньком внутренней радости. Тексты Евангелия читает наизусть безупречно. Он говорит о своем тяжелом прошлом, но говорит без обиды, как будто все это так должно было быть, не иначе.

Федор Дмитриевич говорил о «соли земли», о сущности христианства.

— Довелось мне также бывать и возле Астрахани,

где добивалась соль. Ляжет она, добытая, под открытым небом года три, прежде чем пойти в обработку. И горячее солнце ее печет, и ветер продувает, и мороз зимой сушит. Не знал я в чем тут дело, пока мне не рассказали добытчики. «В соли, — говорят они, — бывает горечь, а эту горечь надо удалить. И это как раз делает погода и время...».

— И подумал я тогда, — продолжал далее старец, — вот где для нас, христиан урок. У нас ведь тоже горечи немало. Горечь — это наше «Я». И эта горечь должна испариться, выветриться, пройти через испытания. И только тогда христианин может быть настоящей «солью земли».

Мудро сказано.

ПОРА ПОНЯТЬ

ВЧЕРА и сегодня, начиная с полдня, в небе расписываются два самолета. Они вычерчивают затейливые фигуры, оставляя за собой следы белого дыма. Вероятно, летчики испытывают моторы. Белые кольца дыма долго украшают небо, превращаясь в молочные ручьи. Наблюдая за ними, я вспомнил годы войны, когда немецкие самолеты-разведчики очерчивали, как чертежник циркулем, круги. Так намечались районы бомбежки. Через несколько минут земля начинала стонать от взрывов сбрасываемых бомб.

Это время ушло, а вместе с ним безвозвратно ушли миллионы молодых жизней. Кто знает им цену?

Всем хотелось бы, чтобы это никогда не повторилось.

Многие спрашивают: будет война или нет? Некоторые отвечают: это зависит от Бога...

Ничего подобного! Зачинщик всех войн — человек. Это зависит от тебя, брат, от меня, от каждого. Каждый из нас может или гасить пожар или раздувать его.

Сегодня в газете видел фотоиллюстрацию. Молодая мать-вьетнамка прижалась к земле, прикрывая рукой девочку лет двух. В узках, но выразительных глазах матери застыл испуг. Она забыла о себе. Кто знает, что она думает в этот момент, прикрывая рукой дочь? Девочка не знает, что такое война, как коварен человек. Страх инстинктивно передался от матери к девочке. Она, подражая матери, прячет голову за бугорок свежевырытой земли. Крупные капли слез застыли на ее зерных ресницах.

Очаги большой войны тлеют во всех концах земли. Предотвратить войну могут только люди и только тогда, когда прочувствуют свою ответственность перед Богом.

Каждый раз, когда начинается война первой ее жертвой является правда.

Жизнь человека, единственная, неповторимая обещена самими же людьми до минимума.

Когда в фабричной столовой начался разговор о потерях во Вьетнаме, один рабочий, выпуская дым из трубки, заметил:

— Подумаешь, потери!.. 1200 человек... У нас от автомобильных катастроф погибает больше. А тут, все-таки, война!

Кто-то подал голос:

— Вьетнамцев убивают много... А они разве не люди?..

— Их не перебьешь. Они плодятся, как муравьи. Сто убьют, а двести на свет рождаются, — спокойно заметил рабочий.

Тяжело слушать разговоры, которые исходят от непонимания цены жизни одного человека.

А пора бы знать, что блага всего мира не стоят жизни одного ребенка.

ПРИМЕРНЫЙ СЫН

ГОРЯЧИЙ полдень. Синь застилает высушенную солнцем даль. Мутная пелена висит над притихшим городом. Я вижу его с холма, как огромный сад. Его границы раскинулись далеко за восточный берег реки.

Ветерок подувает с севера. Каждое его дуновение не охлаждает, а приносит жар. Земля дышит огнем и солнце кажется чудовищной раскаленной печью. В воздухе пахнет сушью и расплавленным асфальтом. Термометр показывает 102.

Черная собака, запрокинув неуклюжую голову, лениво легла под дерево, прикрыв один глаз. Другим она жалобно смотрит по сторонам. По ее впавшему животу видно, как она учащенно дышит, пастью хватая воздух... Ее хозяин, добродушный молодой американец по имени Джим идет со мною рядом рывками, словно несет за плечами ношу. Поднимая лицо, он улыбается и его верхняя губа почти касается длинного крючковатого носа. Глаза у него настолько узки, что узнать их цвет невозможно. Он присел в тени огромного эвкалипта, продолжая рассказывать мне о своей жизни.

Слушал я его и удивлялся, что такое непривлекательное лицо скрывает в себе чуткую добрую душу. Джим имеет жену и детей, зарабатывает 90 долларов в неделю, из которых 15 долларов в неделю отсылает матери.

— Знаете, лекарства стоят дорого, — говорит он, сметая веткой пыль со своих ботинок. — А мама у меня больна.

— Жена не обижается? — спросил я.

— О, нет! Жена у меня христианка. Мы идем во всем вместе.

В узких глазах Джима блеснула искорка глубокого удовлетворения. И я понял, что Джим регулярно помогает матери, как благородный сын, делает это не по

долгу, а из любви к родившей и воспитавшей его матери.

Разные бывают американцы. И русские не все одинаковы.

— У вас есть братья? — спросил я.

— Имею брата. Он хорошо зарабатывает, но матери не помогает.

— Почему?

— Потому что его жена больная. Все деньги уходят на докторов. Она на нервы жалуется...

Джим улыбнулся, как будто вспомнил нечто смешное и продолжал:

— Когда ей брат заметил, что врачи у нее ничего не находят, она ему ответила:

— Оттого я и нервная, что они ничего не находят...

Джим встал и, коснувшись рукой моего плеча, сказал:

— Это между прочим, а вообще — брат у меня хороший.

Ветерок снова принес запах гари и я сразу же вспомнил костры, которые я жег у стада, вспомнил безрадостное детство и ласковое лицо моей матери.

Где-то жгли высохшую траву.

ГОРОД, В КОТОРОМ Я ЖИВУ

НА БЕЗМОЛВНОМ, синевато-голубом небе, как только можно окинуть глазом, не видно ни одной точки. Высоко над городом почти неподвижно стоит горячее солнце. В небольших зеленых парках притаилась тишина: не пробежит ветерок, не шелохнется ни один листочек, не пропоет птичка. Сухой, нагретый до 105 градусов воздух кажется трескучим.

Я сижу в автомобиле у жаром дышащего тротуара. На другой стороне улицы фантастической спичечной коробкой, поставленной на ребро, высится четырнадцатизатяжное здание — самое высокое здание в городе.

Тротуары забросаны окурками, обрывками газет, бумажными чашками от мороженого. Люди устало снуют по тротуарам и, кажется, они что-то потеряли и теперь тщетно пытаются найти утерянное.

Вот идет пожилой худощавый порториканец. На нем измятая рабочая одежда и серый, с большим козырьком, картуз. К жаре он привычен. Он несет на руках мальчика лет трех. Мальчонка весь в папу: смуглолицый, черноволосый, с красивыми, черными, как вишни, глазами. Он обхватил папу за шею, прижался к нему, будто давно его не видел. Отец доволен, улыбается и что-то шепчет мальчику на ухо.

А вот тонкий, как жердь, почти безволосый пенсионер. Он идет, покачиваясь во все стороны, тупо смотрит под ноги и сам с собой разговаривает. Из бумажного пакета выглядывает красная головка бутылки. Не трудно догадаться, что старик несет бутылку виски. С жилистой и серой, как земля, длинной шеи спадает цепочка, а на ней — крестик.

рюмый толстяк лет пятидесяти. Брови густые, поддер-

За ним, глядя в сторону, ритмично движется угнутые сединой волосы причесаны аккуратно. При каж-

дом шаге его полные щеки вздрагивают, как студень. Рот у него приоткрыт. Видно, страдает одышкой.

Не хочу утомлять читателя описанием людей. Их в городе Сакраменто 250 тысяч. Русских жителей легко отличить от природных американцев.

На лицах моих земляков остались следы тяжелых душевных и физических переживаний, в их глазах просвечивает тихая, едва уловимая грусть, задумчивость. Даже старого эмигранта, не пережившего коллективизации и ужасов прошлой мировой войны, легко по виду отличить от нового или новейшего эмигранта. Время делает свое дело.

Сегодня мне хочется рассказать о городе. Я бы с удовольствием провез моего читателя в автомобиле, показал бы ему крепость исторического города. Впрочем, все города можно назвать историческими: каждый имеет свою историю.

История Сакраменто не большая, но бурная. Крепость превращена в музей и носит имя основателя города Джона Саттера. Рядом с нею — отделение с индейскими экспонатами.

Первые поселенцы обосновались в городе в 1839 г. Вблизи рек было найдено золото. Мужественный и мудрый капитан Джон Саттер привлек многих переселенцев в долину двух рек. В 1849 году большое наводнение почти смыло город, а в 1862 году внезапный пожар опустошил город настолько, что от города остались только дымящиеся головешки.

Но золото, как магнит притягивало людей из всех штатов, поднимало их на подвиги. Быстро отстраивался город.

Как и все города Америки, Сакраменто растет очень быстро. Фабрика, где я в 1951 году начал работу, едва насчитывала 500 рабочих. Теперь их около двух тысяч. Фабрика производит консервированные супы. В России это дело потерпело бы полный крах. Там любят свежую

пищу: из печки на стол пахнувшие огородом щи, а не суп трехлетней давности. В Америке, где, надо прямо сказать, женщины ленивы, консервированные супы в моде.

Есть в Сакраменто и русские (а где русских нет?). От уборщиков до докторов. Живут люди по-разному. Одни общительны, тянутся к дружбе, как к солнцу, когда оно не печет, а только греет.. Ведь так и должно быть у биологически нормальных людей. Есть и такие, которые всячески отгораживаются от своих соотечественников. Они не любят ни русской книги, ни русской газеты, ни русского общества. Они питают душу каталогами «Сирс Робак Ко», живут в обществе кошек и комнатных псов. Живого человека им заменил телевижен.

Животных, конечно, надо любить, но не надо забывать, что человека Бог поставил выше. И человеку не должно бы скатываться со своего пьедестала. Но в Америке каждый человек сам себе бос, каждый живет так, как ему нравится.

Несколько слов о сакраментских ночах. Ночи здесь прохладные, даже в июле. Обыкновенно, в 7-8 часов вечера жара спадает, на деревьях начинают шевелиться листочки, словно ими играет волшебная рука, учащается дыхание ветра.

Обилие зелени делает город похожим на сад. Деревья стоят, как гиганты, разбросив свои густые ветви над улицами, образуя местами сплошной зеленый туннель.

Недалеко от большого красивого парка, на другой стороне дороги, за насыпью могуче несет свои воды река Сакраменто. В праздничные дни там много моторного шума. Извергая рев, одна за другой проносятся моторные лодки, мелькают коричневые спины лыжников. Припоивают пиво, непрестанно курят и посылают проклятия мотористам. Известно, при таком моторном лае рыба клюет плохо.

Через густо заселенный город проводят широкую автостраду. Меня поражает грандиозность этого проекта.

Огромные, как чудовища, экскаваторы и землечерпалки настойчиво выгрызают неровности земли, другие машины укатывают полотно будущей дороги. И я не раз думал: как много еще нужно тянуться России, чтобы достигнуть таких успехов в жилищном и дорожном строительстве, каких достигла Америка без соцсоревнований и громких фраз о перевыполнении планов.

Частная инициатива и материальная заинтересованность остается двигательной силой общества.

Моральная сила американского народа — свобода. Люди любят свободу, они ее завоевали, но беда только в том, что эта свобода все больше приобретает уродливые формы. Но в этом виноваты сами люди.

ЛЮДИ И ФАКТЫ

Больше всего материала для моих заметок дают люди, которых я встречаю на работе. С одними приходится соприкасаться близко, с другими — издали. Вчера, например, случай свел меня с человеком, которого все знают, как неукротимого говоруна. Он сыпал словами, как из лукошка, не переставая. Два передних зуба у него почернели и каждый раз, когда он улыбался, прикрывал их кончиком языка. Он делал это инстинктивно и также по привычке сплевывал разжеванную рыжую кашу табака.

Он спросил меня:

— Читал, как в наше посольство в Москве пришли из Сибири 50 христиан?

— Не пятьдесят, а трудцать два, — заметил я.

— Значит, читал? Давай об заклад в 100 долларов: всех их расстреляют!

— Но ведь этого ни вы, ни я не узнаем. Советская Россия — не Америка...

Собеседник не дал мне высказать мою мысль и начал свое:

— У нас, в Америке, смотри, сколько иностран-

цев! Сколько церквей! Каждый молится, как хочет, идет в церковь, в какую хочет...

— Вы-то ходите в церковь? — спросил я.

— Нет, я в церковь не хожу. Некогда, — ответил собеседник, понизив голос до шепота, а потом добавил громче:

— Покойная жена всегда в церковь ходила. Я ей не запрещал...

Он снова улыбнулся, прикрыв щербу кончиком языка.

РОССИЯ НА ФИЛМОРЕ

Вчера я снова заглянул в Сан Франциско, прошел несколько кварталов по Филмору. Эта улица знаменита не только нападением негров и европейскими кондитерскими, но множеством русских. Я узнавал их сразу. И не по одежде, не по говору, а интуитивно, каким-то необъяснимым чувством.

Вот она, группа русских. Они остановились на углу Эдди и Филмор: трое мужчин и две женщины. На лицах пожилых мужчин застыла какая-то отчужденность, печать былых потрясений. Кажется, их кто-то когда-то напугал и этот испуг так и остался на лицах. Один из них, вероятно, контуженный, моргал глазом, подергивая плечами, словно отгонял надоедливую комара. Второй в шляпе с широкими полями, похожий на старый гриб-боровик, курил сигарету в мундштуке, лихорадочно затягиваясь дымом. А третий, вероят-

— Я его предупреждал: отстань, Колька, от Стрелки. Не послушал...

но, глуховатый на одно ухо, стоял как-то наискось, пригнув голову и прислушивался к разговору:

мостившись под вербами, лениво зевают рыболовы. Они

Ветер схватил следующие слова и унес их от меня в сторону океана.

Две пожилых женщины тоже были заняты разговором.

Я зашел в кондитерскую «Европа» маленькую лавченку на Филморе. За одним из двух столиков сидели типичные представители «былого класса»: он в пенсне с пробором седых реденьких волос, а она — полная дородная дама с выжженной бородавкой на шее. Он говорил тихо, может быть он вспоминал о том «изящном прошлом», о котором я сегодня прочел в «Русской Мысли»:

«На чужбине нам дом вспоминается отчий,
Стародавнего быта погибший уют...».

На столе лежал субботний номер русской газеты, где была напечатана моя очередная Евангельская Беседа. Читали ли они ее, озаглавленную: «Куда нам идти?».

Над Филмором опускался вечер. Дул сильный холодный ветер. С крыш слетали голуби, путались у прохожих под ногами и снова взлетали под крыши, готовясь к ночлегу.

ТРАГЕДИЯ ГЛЕБА УСПЕНСКОГО

В СТУДЕНЧЕСКИЕ годы я с большим наслаждением читал рассказы и повести Глеба Ивановича Успенского. Меня трогали его любовь к простому человеку, которого на каждом шагу обижали власть имущие.

Вчера читал очерк о последних годах его жизни. Успенский в конце своей жизни обратился к Евангелию. Это поразило его друзей и они позаботились отправить его в психиатрическую лечебницу.

Вот что писал Глеб Успенский своей жене: «Уверяю тебя, дорогая моя, горячая любовь к Богу с каждой минутой охватывает меня все больше и больше. Я люблю всех и в этой любви ко всем страждущим и обремененным я воскресаю».

Что можно сказать об этом?

Только одно: побольше бы таких «сумасшедших» было на земле.

ЖИЗНЬ — ПУТЕШЕСТВИЕ

Много верст пройдено, много городов и стран изведано и везде одно и то же: все чужое, нет ничего нашего, родного.

Такова доля эмигранта.

Жизнь — путешествие, но не в роскошном автомобиле по широким выглаженным дорогам, где на остановках к вашему удовольствию все: развлечения и закуска.

, Жизнь — преодоление узкого, тернистого пути, иногда переходящего в тропку, подобную тем, по которым мы ходили в родных местах. Идешь, бывало, по лесной дороге, вдыхаешь всей грудью смолистый аромат сосны, слушаешь щебетание птичек, гул пчел, **исходящий как из басовой трубы**, идешь и не замечаешь, как бледная колея дороги делается все менее заметной. И вот уже не дорога, а тропа, даже не тропа, а только след. Бывает, теряется и след.

Чтобы не заблудиться в лесу, я поднимал голову и в просветах деревьев искал солнце. Оно никогда не меняет свой маршрут, свое направление. Оно всегда там, где должно быть соответственно времени.

Не напонимает ли это нам Вечное Солнце Правды. Христос — никогда не заходящее Светило каждому путешественнику в этой жизни. Глядя на Него, не заблудишься, даже, если не будет видна дорога.

На путях-дорогах снуют люди. А люди, как известно, разные бывают: и плохие, и хорошие. С ними надо идти. И это хорошо, что на путях-дорогах у нас бывают спутники. «Умный товарищ — половина дороги» — говорит русская пословица. Одни идут с нами версту-другую, другие сворачивают в сторону после первого знакомства. Одни могут в трудную минуту поддержать, другие — подставить ногу.

Самое лучшее в дороге — мирная беседа. «Не ссорьтесь на дороге» — советовал Иосиф, сын патриарха Иакова, своим братьям. Было время, когда они

не только стали Иосифу поперек дороги, но схватили его, бросили в ров, а потом продали в Египет.

Как же Иосиф, достигнув славы, отомстил своим братьям? Он напоил их и накормил их и еще больше — дал им хлеба в дорогу.

Вспомнились слова Христа: «Если враг твой голоден, накорми его».

Это и есть настоящее христианство. Все остальное — фальшь.

Тесновато бывает людям на путях-дорогах. Бывает, толкнут в спину, оглянешься и не успеешь сказать «извините», как услышишь окрик: «Эй, ты, осадь назад!».

Как быть в таких случаях? Вспомнить завет Христа: «Ударившему по щеке, подставь другую».

На путях-дорогах бывают события хуже, когда обвиняют человека в том, что ему даже во сне снилось. Бывало у нас на родине бросали человека в тюрьму только за один его вздох во время партийного доклада.

Для всего мира должно быть удивительным то, что есть на земле люди, которые несмотря ни на какие обвинения, несут светоч Христа в тень и глушь этого мира, не сворачивая с пути правды.

На днях перечитал рассказ М. Горького «В ущелье». В нем рассказывает автор, как рабочие избили беспричинно тихого, скромного старика-плотника. Он отошел от разъяренных людей в сторону, смыл с лица кровь и подошел к костру.

— До чего вода в речке холодная — просто ледяная, — проговорил старик.

Когда его спросили: «Больно ушибли-то?» — он ответил:

— Не-е... По переносице ткнул. Это место на кровь хлибкое. Господь с ним. Ему от этого не прибудет, а мне страданье — в зачет перед Духом Святым.

Чаще на путях-дорогах бьют тех, кто провозглашает Истину Божию.

Когда я говорю о том, что люди играют с жизнью,

как дети с игрушками, дерутся, плачут, мирятся и снова отнимают один у другого ничего не стоящие стекляшки — некоторым делается не по себе. Они сердятся. Почему? Потому что в этом они узнают себя.

Далеки и непрigлядни наши пути-дороги, но останавливаться нельзя. Кто не идет вперед, тот никогда не достигнет заветной цели, не познает ни настоящей радости, ни настоящего счастья.

Радость и счастье жизни — в преодолении преград, которых в нашем пути, слава Богу, немало. Бог не убирает их с нашего пути, но желающим их преодолеть, дает силы, дает направление.

Кажется, идти осталось меньше того, что уже пройдено.

О наших путях-дорогах написано много стихотворений и поэм.

Пусть и мое неказистое стихотворение дополнит эту тему.

Эх, дороги, пути-дороги,
На дорогах густая пыль.

Исходили, блуждая ноги
Тысяч сорок иль больше миль.

Не один я прошел бродягой
По земле, что кормила нас.
А в жару из военной фляги
Мы березовый пили квас.

А теперь, когда светоч чудный
Воссиял на моем пути,
Об Иисусе пою и не трудно
И отрадно за Ним итти.

БОЛЬШЕ ЧЕМ ДРУГ

НЕ ПОМНЮ, где я читал рассказ об одном благородном человеке. Его часто встречали на кладбище в одном американском городке. Он заботливо ухаживал за чьей-то могилой, сажал цветы, обкапывал, поливал.

Жители городка заинтересовались незнакомцем и спросили у него:

— Вероятно, это могила вашего сына?

— Нет, — ответил незнакомец.

— Тогда, верно, ваш брат?

— Нет, не брат...

— Вероятно, здесь похоронен ваш хороший друг?..

— Нет, больше чем друг... Я расскажу вам, — начал спокойно незнакомец, — кто здесь похоронен. Это было давно. Когда началась война, меня зачислили в армию. По бедности я не мог никого нанять вместо себя и уже собрался итти на фронт. В это время ко мне пришел молодой человек и сказал: «У вас большая семья, дети малые, жене с ними не справиться. Я одинок. Мне не о ком заботиться. Давайте, я пойду за вас...».

И он ушел за меня. В одном бою он был тяжело ранен, лежал в госпитале и умер от раны. Вот здесь его похоронили. Это его могила. С того дня я желал посетить это место, собрал денег и вот приехал сюда.

Я поставлю здесь надпись: «ОН УМЕР ЗА МЕНЯ»...

Когда я вспомнил этот рассказ, на память сразу же пришли слова из 2 Кор. 5:15. Их написал апостол Павел: «А Христос за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего».

Не юродство ли это? — могут подумать некоторые. Это и только это есть истинное христианство.

«НОВЫЙ МИР»

ИЗ ВСЕХ толстых журналов, издающихся в СССР больше всего меня привлекает «Новый мир». На родине его редактора, Александра Твардовского (станция Починки, на Смоленщине) я бывал во время войны несколько раз.

«Новый мир» в последние годы смелее и объективнее отражает жизнь простого русского человека. Журнал мне нравится тем, что в нем отводится значительное место воспоминаниям людей, пострадавших от режима Сталина.

Девятый номер этого журнала (1964 г.) открывается киносценарием Веры Пановой «Рабочий поселок». Эта картина теперь на экранах. В этом киносценарии меня особенно тронуло описание верующей женщины Фроси.

Фрося пользуется первой возможностью, чтобы утешить страдающих людей, указать им на веру в Бога. Вот она останавливается возле строящейся землянки, «недурная собой, в платочке по-деревенски с кошелкой в руке», начинает разговор с Марией:

— Помогай, Боже, — сказала она.

— Спасибо, — сказала Мария. — Нездешняя?

— Приезжая, — степенно объясняла Фрося. —

По вербовке, на восстановление народного хозяйства. Муж-то больной?

— Не повезло нам, — тяжело вздохнула Мария.

— Бог значит, так судил, — сказала Фрося. — Молиться надо.

— Исцелит, что ли?

— Его святая воля, захочет — и исцелит...

— Если бы я вот столечко верила, что это может быть, — сказала Мария.

— А ты молись. Будешь молиться, и вера придет. Сейчас ты в темноте, не хуже, как твой хозяин (ослепший на войне). А в молитве свет увидишь. Ну, Христос с вами, — сказала женщина и пошла».

О том, как относятся к верующим партийцы, власть имущие, Панова показала в сценарии на примере той же Фроси:

— Это о вас говорят, — негромко спросил Фросю Мошкин, — что вы у себя в селе насаждали религиозный дурман?

Фрося подумала мгновение.

— То ж при немцах было, — ответила она спокойно.

— В церковь небось ходила?

— Ходила.

— И других подбивала?

— Не то, чтобы подбивала, — еще секунду подумала Фрося, — просто обсуждали мы между собою, это, возможно, нас Бог наказывает за грехи.

— А теперь не обсуждаете? — строго спросил Мошкин.

— Теперь нет, не обсуждаю.

— Имейте в виду, мы здесь у себя подобной деятельности не допустим.

— Буду иметь в виду, — согласилась Фрося, твердо глядя в глаза Мошкину.

— А вы знаете, кто с вами говорит? — спросил он.

— Ну, как же, — сказала Фрося почтительно и даже поклонилась небольшим поклоном. — Председатель завкома, товарищ Мошкин.

Мошкину ее ответ понравился.

— Вообще, — сказал он покровительственно, —

я рекомендую почитать научную литературу. Наука давно доказала, что Бога нет, а вы все обсуждаете...».

Читал я этот киносценарий и думал: бедный Мошкин! Жаль мне его. Очень жаль. А за сестру Фрося я радуюсь. Такими, как Фрося, держится весь мир.

ЦАРЬ НЕБА

МНОГО пишут и говорят о солнце, как о радости земли, как об источнике жизни. Каких сравнений только не делают писатели, описывая солнце! Один советский писатель умудрился написать так: «Солнце блестит, как физиономия снабженца». Или, другой: «Солнце, блестит, как вычищенный медный таз». А мне хочется сегодня назвать солнце царем неба. Оно восседает на небе спокойно и величественно, как коронованный царь на престоле.

На дворе июнь, солнце заливает все уголки.

День сегодня тихий, небо спокойно, будто прислушивается к голосам земли, горизонт теряется в сизовой дымке. И как в такой день, поглядывая на щедрое солнце, радуясь им, не вспомнить о том, кто его со-дал?!

Во время обеденного перерыва я вышел из фабричного здания во двор, сел на скамейке под деревом, которое едва начало зеленеть. Рядом молчаливо сидели, покуривая, несколько рабочих. Они тоже наслаждались солнцем.

Мое настроение портило радио. В воздухе плавали раздражающие душу звуки джаса. Они неслись со стороны дороги, где стоял большой продуктовый магазин.

Мне кажется, что многое за 15 лет я уже понял в Америке из того, что мне было непонятно. Но вот в одном до сих пор не могу разобраться: как можно называть эти дикие звуки музыкой? Кто их записывает на пластинки? Кто их передает по радио?

Говорят, что музыка имеет небесное происхождение. Нет, я ни за что не соглашусь с тем, что эти звуки, напоминающие вой очумелых котов, имеют что-нибудь общее с красивым небом, на котором сегодня восседает солнце, как коронованный царь на престоле.

РОДНОЕ НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ

ПО-РАЗНОМУ смотрят на свое прошлое эмигранты. Одни хулят его, чернят всех и вся, другие — наоборот: хвалят прошлое, как золотое, неповторимое время.

С большим удовольствием читал роман Кротта «Великий океан». В нем трогателен и незабываем образ землепроходца Луки Путаницы. Сорок лет он скитался по чужим, дальним странам, а память о родине, любовь к ней не утратил. Вот он, Лука, ковыряет землю в Калифорнии, долго разглядывает жирный перегной:

«Тут тебе сам-тысячу вырастет! Как у нас в Рассее, в Митькине», — хвалит он свое село, вытирая пальцы о штаны.

Любовь к родине заглушила все: и то, как его порол в барском дворе, и то, как он мальчишкой удрал из далекого Митькина. И, конечно, он никогда не знал какая земля была у его помещика: суглинок или чернозем.

Нам нужно быть снисходительными к тем, кто хвалит свое детство, свои родные места, свой народ.

К сожалению, некоторым читателям почему-то кажется, что когда я пишу о молоке русских гречневых полей, я этим хвалю власть.

Какой абсурд!

Ну, как же, вспомнив о родине, не написать несколько строк?

Утро украсилось светом,
Густо осела роса.
Знаю, на родине где-то
Дремлют родные леса.
Хочется стать на пригорке,—
Сколько живых красот!
Запах полынно-горький
Ветер ко мне принесет.

СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ

ИХ МНОГО, но кто знает, где они теперь? Как они живут? Чем заняты?

Мир устал, как воин после битвы,
Мир вздремнул, согрелся и притих.
С верою, надеждой и молитвой
Вам, друзья, пишу я этот стих.
Нас судьба по свету разметала,
Далеко родительский порог.
От огня смертельного металла
И меня Спаситель уберег.

Так сегодня сложились эти строки, начало стихотворения, посвященного друзьям детства и юности.

О некоторых я узнал от сестры, живущей в СССР.

Один из них теперь директор средней школы. Он учился плохо, даже очень плохо. Образование закончил после войны. Теперь передает мне приветы, но писать не желает.

Второй — драчун и забияка, стал летчиком. В на-

Чале войны я его провожал в военное училище, а два дня спустя ушел сам. Он погиб на войне.

Третий — мой племянник, сын старшей сестры, был старше меня на год. Одно лето мы вместе пасли коров. В начале войны его взяли во флот и он погиб в океане.

Четвертый — был хилым, с бесцветным лицом, всегда больной и молчаливый. Теперь он заведует районной торговой сетью. Во время войны партизанил.

Пятый — это я, рабочий американской фабрики, где консервируют супы. Я нисколько не сомневаюсь, что уцелевшие друзья мне завидуют. Особенно, когда узнают о посылках, которые я посылаю родственникам.

А мне остается сказать одно: слава Богу за все!

КО БЛАГУ

ПОДУМАЙТЕ о том, какая мудрость сокрыта в словах пророка Иереми: «Знаю, Господи, что не в воле человека путь его, что не во власти идущего давать направление стопам своим» (10:23).

В жизни часто бывает так: составляешь планы, думаешь о будущем, решаешь, а потом все лопається, как мыльный пузырь.

Верна пословица: «Не живи, как хочется, а как Бог велит».

После окончания 2-й мировой войны мне, как и другим невозвращенцам, хотелось поскорее куда-нибудь выехать из Европы. Я записался на выезд в Бразилию, прошел все комиссии, консул подписал бумаги, но за 3 дня до отхода транспорта случилась беда: я внезапно ночью заболел. Недалеко от моей квартиры жил в богатом особняке известный в Мюнхене хирург Бахман.

Боли в желудке выводили меня из терпения и жене ничего не оставалось, как итти за доктором.

Доктор Бахман пришел через несколько минут. Какие благородство и бескорытность!

— Аппендицит, — сказал доктор после быстрого осмотра. Приступ. Нужна операция.

— Операция? Но я должен ехать в Бразилию. Назначен на транспорт...

— Ваше дело, — заметил доктор. — Я говорю то, что есть: если приступ повторится на пароходе — вы рискуете жизнью.

Пришлось принять совет доктора.

Через полчаса я уже был в больнице. В 8 часов утра мне сделали операцию.

Мечта переселиться в Бразилию не осуществилась.

Через год я оказался в Америке.

Бог в Своем плане предусмотрел направить меня в Калифорнию, дать мне работу на фабрике, фундамент которой тогда только что закладывался.

Так бывает в жизни! Казалось бы, болезнь — это несчастье, но оказывается и это содействует ко влагу, если мы все принимаем, как из руки Божьей.

ЧТО ЛУЧШЕ?

До недавнего времени я не знал, что в среде старой русской эмиграции есть много атеистов. Это меня очень удивило. Я полагал иначе: в среде новой, послевоенной эмиграции должно быть больше атеистов.. Ведь все мы росли и воспитывались в обстановке неверия, отрицания и даже борьбы против Бога.

Недавно встретил человека, который 42 года прожил в Америке и за это время научился одному—отрицанию Бога. Теперь он не ходит, а можно сказать — ползает. И чем тяжелее и несноснее становится его жизнь, тем ожесточеннее он воюет против Бога.

— Хвороба меня согнула... Атрайтис... — говорил он хрипатым голосом. — Помолись за меня, может наш Боженька меня выправит... Хе — хе...

Старик смеялся злорадно, прищурив один глаз.

Другим он смотрел на меня и ожидал, что скажу я в ответ.

Долго я слушал доводы старика о том, почему он не верит в Бога. Все они сводились к одному: «Бог не сохранил Своего помазанника Николая Второго. Значит, Бога вообще нету».

Жаль мне было старика. Частые боли выводили его из себя, слушал он меня неохотно. Перед моим уходом ему стало легче. Он спросил:

— Что лучше: не верить в Бога, а жить честно, или говорить: «Я верю в Бога», а жить так, как будто Бога вообще нет? Ведь так живут все наши церковники»...

— По-моему, хотя первое выглядит лучше второго, но в сущности то и другое — плохо, — ответил я.

Он откашлялся, покачал головой и ничего больше не сказал.

Жить по совести, жить честно в полном смысле этого слова, без веры в Бога невозможно. Многие пробовали так жить — не получается. Человек только обманывает самого себя, думая, что и без Бога он может быть хорошим человеком.

СПАСИБО...

В Сан-Франциско, среди тысяч русских эмигрантов живут очень милые, добрые и глубоковерующие пожилые муж и жена И. В город святого Франциска их привел Господь трудной дорогой: через Китай, Филиппины, Италию, Парагвай.

Обосновавшись на холмах красивого, благоустроенного города, они несколько лет трудились, теперь получают пенсию. Они вспомнили о своих родственниках, оставшихся в СССР, разыскали их и послали всем по одной посылке. Послали, конечно, не от избытка, а от любви.

Посылки были получены, пришли квитанции, а вскоре пришел коллективный ответ. Писали племянни-

ки: «Дорогие наши дядя Сергей и тетя Аня! Мы очень рады, что вы живы и здоровы, да еще живете в Америке, возле капиталистов. Спасибо, что Вы прислали всем нам посылке, никого не забыли, никого не обопли. И вот мы в знак искренней благодарности собравшись сегодня все вместе, хорошо выпили за ваше здоровье...».

Племянники хорошо знали, что их дядя не только трезвенник, но и проповедник Евангелия, много пострадавший за имя Христа. Такой ответ будет тяжелым ударом для дяди.

О том, что писал им дядя о Христе, о примирении с Богом, они не обмолвились ни одним словом.

Видно, эта идеология им не подходит.

ПАМЯТЬ НЕ УМИРАЕТ

Говорят, эмигранты живут воспоминаниями.

Это верно сто раз. Но нужно ли вспоминать то, что было двадцать-тридцать лет тому назад, если не извлекать из этого урока?

Известный писатель Владимир Крымов, любит писать о прошлом.. У него прошлое встает так ярко и живо, будто события произошли неделю тому назад.

Говорят, Крымов потерял зрение, но память его видит остро, видит все до мельчайших подробностей.

Если мы верим в бессмертие души, а память — ее проявление, то это должно бы держать нас на высоте человеческого долга жить так, чтобы воспоминания были благородными, чистыми, святыми. Хорошее и все оминать хорошо.

Но как быть тем, у кого за спиной непроглядная ночь? Как быть тем, у кого совесть не в порядке?

Господь говорит: «И грехов твоих не вспомню более», то есть, не приведу их на память, изглажу их, ЕСЛИ человек принесет их к ногам Христа в покаянии.

ной молитве.

Жизнь, как стрела, выпущенная из лука: летит — не догонишь. От прошлого остаются только куски воспоминаний. Избавиться от них — не в нашей власти.

ДЕЛА МНОГО, А ВРЕМЕНИ МАЛО...

«СЧАСТЛИВЫЕ часов не наблюдают» — гласит — народная мудрость. Если это так, то счастливыми являются дикари Индии и Африки. У них вообще нет часов.

Дни, как капли, капающие в океан вечности:

— Кап, кап, кап...

Не успеешь оглянуться и день уже прошел. Сколько дней — капель в моем сосуде? — никто кроме Бога не знает.

Сегодняшний день прошел особенно быстро, так как на фабрике была особая спешка, а приехал домой — на столе лежит восемь писем от читателей Бесед из разных стран.

Стрелка часов подкрадывается к десяти вечера. Наташа уже несколько раз открывала дверь моей комнаты и подавала голос:

— Папа, почитай нам Библию...

Дети знают домашний распорядок: перед сном мы читаем одну главу из Библии.

Я спешил закончить ответ одному читателю и когда вышел из комнаты, дети уже уснули. Тут же начала меня укорять совесть: ты не нашел полчаса своим детям, отдал все время тем совопросникам, которые может быть пишут от безделья.

Неожиданно за окном подул сильный ветер. Где-то оторвало кусок жести и с треском бросило его на дорогу.. Через приоткрытую занавеску строго светил золотой глаз луны, словно он хотел подсмотреть, чем занят русский эмигрант в Америке в одиннадцатом часу вечера.

А я попрежнему думал о своей неправоте: я не дол-

жен идти в Самарию, не закончив дело в Иерусалиме. Иерусалим — мой дом, моя семья.

Но завтра снова почтальон принесет письма из Франции, Германии, Бельгии и снова придется читать жалобы людей на одиночество, скудную жизнь и неустройство.

ЛИЦО — ЗЕРКАЛО ДУШИ

СОСЕД вышел на крыльцо и, почесывая после обеда живот, ласково улыбался солнцу. Январское солнце не очень щедро на тепло, но улыбочиво и люди всегда ему рады.

— Привет! — сказал я соседу и помахал ему рукой.

Сосед ничего не ответил, хотя мне показалось, что

Голые деревья, как скелеты, стояли вдоль широкой улицы, кое-где зеленела не убитая морозом трава.

«Чем-то мной недоволен. Не иначе», — мелькнуло он смотрел в мою сторону.
у меня в голове.

А когда я, минутой спустя, выезжал на автомобиле, сосед уже играл на крыльце со своей внучкой. Первым заметив меня, он крикнул:

— Привет соседу! Как вам нравится погода?

— Чудесно! Пахнет весной...

Сосед подошел ко мне, подал руку. На его рыжеватом, полном лице, плавала улыбка. Он был необыкновенно любезен, пригласил меня зайти к нему, и с увлечением рассказывал о своей поездке в Канаду. Его душа ликовала.

ВСЮ ЖИЗНЬ И ДВА ЧАСА...

НЕКОТОРЫЕ друзья интересуются вопросом, сколько я расходую времени, чтобы написать одно стихотворение? День, два или больше?

Один знакомый говорил: мне писать стихи — это все-равно, что печь блины на сковородке: знай, только **ошмай...**

В такое **творчество** я не верю.

В связи с **этим** мне вспомнился рассказ о **одном американском богаче**, который купил картину за 100 долларов, а **потом** возмутился, узнав, что художник написал картину за 2 часа. Покупатель подал в суд на художника за обман. Судья спросил художника:

Скажите, **сколько** времени вы работали над этой картиной?

—Всю жизнь и еще два часа,—ответил художник.

Один из **моих** близких друзей попросил меня написать стихотворение к особому случаю. Несколько раз я брался за этот заказ, но не мог написать ни одной строчки. Срок подходил к концу и если бы мне кто-нибудь предложил миллион долларов, я и тогда, вероятно, ничего не написал бы. А несколько дней спустя я написал стихотворение для друга за несколько минут.

И еще спрашивают: почему я издаю за границей несколько книг, все еще работаю на фабрике?

Некто сказал очень верно: «Литература в эмиграции — это профессия полунящих». Русские писатели и поэты за границей нужны только самим себе.

За границей приходится писать по завету Христа: «Даром получили — даром давайте».

СОН И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

ГУДЯТ, шумят моторы за стенами фабрики, мелькают огни лампочек. Их тысячи. Дрожат железобетонные столбы, грохот и лязг металла наполняет каждый уголок огромного здания. Люди в легкой, мокрой от пота белой одежде мечутся, стучат, помешивают в котлах кипящие супы. И так пять дней в неделю, двести пятьдесят дней в году. Таких годов было у меня 15.

Вчера приснился сон. Я снова на фабрике. Вбираюсь по высокой лестнице легко и быстро, меняю перегоревшую лампочку, а в это время чья-то рука дерзко качает лестницу и выбивает ее из под моих ног. Я в ужасе падаю, но здесь же обнаруживаю, что лечу не вниз, а вверх и как бы повисаю в воздухе.

Проснувшись, я долго прислушивался, как судорожно стучало в груди мое сердце и до утра уже не мог уснуть.

Нечто подобное бывает и в жизни. Хочешь сделать дело, а чья-то рука дерзко ставит рогатки и валит с ног. В этом печальнее всего то, что этой рукой может оказаться рука друга.

Вместо того, чтобы радоваться, когда возвещается истина Христа, некоторые люди выходят из себя, стараются очернить святые добрые начинания и еще хуже — угрожают.

Страшно продавать душу за деньги, служить тому, кто платит, преступно стоять в стороне, когда бушует пожар, но хуже — бить по рукам тех, кто протягивает кусок хлеба своему голодному собрату.

Поймут ли это те о ком и для кого я пишу?

Когда, наконец, я уехал, мне пришла мысль:

Нельзя делать заключение по догадкам. Если мой знакомый не ответил мне на приветствие, думай так: он меня не заметил. Так будет лучше, даже если это неправда.

Говорят, что многие люди улыбаются лицемерно. Слава Богу и за это! Без этого жизнь была бы еще ужаснее.

Вчера мой бос был мрачен, говорил со мною сухо, будто я ему не отдаю долг. До обеда работал и думал, что это могло бы значить? Где я допустил ошибку? А во время обеда все выяснилось. Сослуживец сообщил:

— Ты знаешь, от нашего боса ушла жена...

— Почему?

— Он не давал ей денег на маникюр...
И тогда я понял, почему бос имел сердитое лицо.
Кто-то мудро изрек: «Лицо — зеркало души»

ЛЮБОВЬ — ЭТО ВСЕ

Было около пяти вечера. Длинные вереницы автомобилей плыли по улицам медленно, как по кладбищу. В воздухе стояла синь отработанных газов. Люди возвращались с работы усталые и нервные. В эти часы город похож на муравейник, в который кто-то бросил камень.

В проходе автобуса, переполненного пассажирами, стояла пожилая женщина. Она оглядывалась, искала глазами место, но все было занято. Рядом стояли и шумели студенты. Два парня сидели на скамейке у самого входа.

Один из них встал и уступил место женщине. Когда они вышли из автобуса, его друг начал:

— Я теперь не уступаю место женщинам. И знаешь почему? Женщины теперь одеваются, как мужчины; подстригаются, как мужчины; курят, как мужчины; пьют, как мужчины, даже больше; ругаются, как мужчины... Пусть и в автобусе стоят, как мужчины!

Лукавая отговорка! Но сколько в ней горькой правды!

Есть у меня знакомый. Когда его спросят о чем-нибудь, он отвечает так резко, словно толкает в ребро ножом. Однажды я его спросил:

— Почему ты так грубо отвечаешь людям?

— А что мне нужно каждому улыбаться? Людей

я знаю: они все обманщики и эгоисты. Они любят один раз в жизни: когда умирают...

Опасная теория... Верно, что эгоизм, как абажур, скрывает от внешнего мира самое лучшее в человеке — луч любви. Без этих лучей на земле, как в погребке: сыро, холодно и темно. «Пусть меня не любят, но я буду любить» — так должен бы сказать каждый.

У Ибсена, норвежского писателя и драматурга, был назойливый и злой критик. Он не давал ему покоя. Однажды он встретил писателя на улице и, выпятив грудь, пошел на него со словами:

— Я псам не уступаю дороги!

— А я уступаю, — сказал писатель и вежливо отошел в сторону. Пример, достойный подражания.

Человеческая любовь, как ртуть в столбике — то повышается, то понижается в зависимости от погоды. Но есть другой источник любви — Христос. Наша беда в том, что мы мало Его знаем. Наша жизнь была бы более радостной и счастливой, если бы мы больше любили и охотней уступали другим дорогу.

ЗАКХЕЙ

ВЧЕРА и сегодня моя младшая дочь Наташа рассказывает мне историю, которую она услышала в воскресной школе:

— Христос сказал: «Закхей, сойди вниз!»

— Где же был Закхей? — спрашиваю.

— На дереве, высоко-высоко... Закхей был маленький-маленький, вот такой маленький, — показывает она рукой. — Закхей хотел видеть Иисуса...

— Почему же он хотел видеть Иисуса?

— Иисус хороший. Он всех любит. И я хочу видеть Иисуса, — отвечает дочь и мечтательно смотрит в сторону.

Я понял, что этот маленький евангельский рас-

сказ тронул сердце дочери, увлек ее, она не забывает о нем, что-то думает, что-то укладывает в своем воображении.

Трудно ей понять, что нам теперь не нужно лезть на дерево, для того чтобы видеть Христа, а нужно просто — открыть очи сердца и мы Его увидим во всей Его Божественной красоте. И больше: мы услышим Его ласковый голос: «Сегодня мне надобно у тебя večерять»...

МАЛЬЧИК УМНЕЕ ВЗРОСЛОГО

КАК-ТО, я посетил одного из читателей Бесед, проживающего в городке Виндзор, в Калифорнии. Редкие, словно разметанные бурей домики, два-три магазинчика, газолинка — вот и весь городок. Трудно было верить, что в таком маленьком городке, между садов и виноградников свили себе уютное гнездышко русские люди, беженцы из Китая. Из окна домика видны холмы, наряженные в зелень, а между ними, по дороге № 101 рекой текут автомобили.

Есть о чем поговорить русским людям, встретившись за границей, есть что вспомнить и есть о чем подумать. У всех у нас много общих переживаний. Мы жили в разных странах, но все-таки, земляки: на одной земле родились и в одной земле похоронят.

Разговор зашел о трудностях воспитания детей.

— Школьное и общественное воспитание тоже много значит, — сказала хозяйка. — Вот вам простой случай. Недавно на нашей местной детской программе телевидения ведущий программу задавал детям вопросы, они отвечали. И вот он спрашивает одного мальчика:

— Как тебя зовут?

— Дэвид.

— Сколько тебе лет?

— Шесть.

— Ты имеешь «свит харт»?

Мальчик смутился и опустил глаза.

— Может ты женат? — последовал другой вопрос.

Мальчик поднял свои большие выразительные глаза, смело, с негодованием посмотрел в лицо спрашивающего и раздельно проговорил:

— Ар ю креси, сэр?

Ведущий программу поспешил подать микрофон другому мальчику.

Много есть таких воспитателей, которых нужно самих воспитывать. В этом случае мальчик оказался умнее взрослого. На такой глупый вопрос трудно было придумать лучший ответ.

ПИКОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

СРЕДИ множества писем, которые я получаю от читателей Бесед, бывают иногда такие, над которыми я должен много думать, прежде чем ответить. Вот одно из таких писем:

«Чувствую потребность описать вам неприятную историю, которая произошла со мной. Может быть из нее у вас получится интересный и полезный рассказ. Не буду против, если напечатаете, только имя мое не ставьте. А дело такое: я имел маленький бизнес вместе с моим старым другом. Но друг — другом, а деньги, оказывается, любят счет. И когда я посчитал, то оказалось, что мой друг зажиллил от меня больше 2-х тысяч. Знаете, когда человеку доверяешь, полагаешься на него, как на себя и, вдруг, узнаешь, что он за твоей спиной тебя обманывал, тогда это хуже, если бы он умер. У нас начались скандалы. Дело может дойти до суда. Посоветуйте, как мне поступить, чтобы выйти из этого «пикового» положения по-христиански?»

Это письмо заставило меня улыбнуться. Ведь в житейских вопросах я разбираюсь не лучше моего семи-

летнего сына. Некоторые читатели думают, что у меня голова Соломона. Правда, голова у меня большая. Но это совсем не значит, что она полна мудрости.

НЕМОЖКО ФИЛОСОФИИ

ВСЕГО в Америке много, но нет одного — ясного понимания насколько смертельно опасна власть доллара. Доллар может поднять человека на высоту, и он же, этот доллар, может погубить человека в два счета.

Вместо борьбы за существование человек занялся борьбой за обогащение и эта хитрая, скрытая борьба ожесточает людей, уводит их в сторону от духовных ценностей.

Материализм поглощает человека жадно и ненасытно. Я иногда спрашиваю самого себя: что опаснее — сухой бездушный материализм с формальным признанием существования Бога или ложная идея построения коммунизма без веры в Бога, без вечных ценностей?

Я отвечаю: «Хрен редьки не слаще.» Первое и второе ведет человека в пропасть, из которой выбраться без помощи свыше невозможно.

Недавно прочитал стихотворение без подписи. Кто его автор? — не знаю. Написано оно талантливо и сразу же запало в памяти, как предупреждение, как красный сигнал, говорящий об опасности. Вот это стихотворение:

Я стал совсем не человек!
Дорогой пибкою
Мне озаряет только чек
Лицо улыбкою.
Приобретений кутерьма
Судьбой намечены:
Дома, участки и дома,
И рак на печени.
Все в день последний наскребу
Руками старыми.

Подушку узкую в гробу
Набью долларами.

Президент Джонсон объявил войну против бедности. Великая, благородная война! Святая война! Война без бомб и снарядов. Дай бедному работу и он будет в Америке сыт и одет, будет обеспечен, если только не будет заглядывать в рюмку! Одно я хорошо знаю: в Америке каждый может хорошо жить, если любит труд и бережливо относится к заработанному доллару.

НУЖНА СВЕЧА

ВЧЕРА во время сильного ветра в доме неожиданно погас свет. Света не оказалось ни на улице, ни в соседних домах. Земля погрузилась в кромешную тьму и даже на небе не было видно ни одной звездочки.

— Нужна свеча! — сказала жена. Но у нас не было не только свечи, но даже не оказалось спичек.

— Папа, где наш «флашлайт?» — подал голос сын.

— Электрический фонарь, — поправил я сына. Фонаря у нас не было.

Ко мне молчаливо прижимались испуганные дети. Заплакал младший сынишка, но как только его рука спряталась в моей — успокоился.

Я поехал в магазин. Там торговали при свечах. У кассы стояла очередь. Каждый держал в руках пачку свечей.

— Нет больше свечей! — заявил управляющий.

Американец, стоявший в очереди, уступил мне две свечи и отказался от платы.

Когда я зажег в доме свечу, все облегченно вздохнули, заговорили дети. Я зажег еще одну свечу — свету стало больше. Я поставил свечу повыше, на книжную полку. В комнате стало совсем по другому.

— Папа, нам надо всегда иметь свечу в доме, —

сказал сын.

Электрический свет появился через два часа.

В тот вечер перед сном мы читали притчу Христа о разумных и неразумных девах. У неразумных светильники оказались без масла.

Нужно чаще проверять свой светильник, чтобы не оказаться застигнутым врасплох.

ЖУРАВЛИ ЛЕТЯТ...

ВЧЕРА, высоко над городом, пролетела стая птиц повидимому журавлей. Они летели по всем правилам — косяком, курлыча на своем языке.

У птиц свой мир. Для них нет границ. В прошлую войну на оккупированной территории России птиц беспощадно уничтожали немцы. Птицы становились «беженцами», улетали в другие районы, но и там их находили вооруженные люди.

Когда я смотрел на улетающих журавлей, мне вспомнилось замечательное стихотворение Николая Заболоцкого «Журавли». Написано оно мастерски. Вожак вел семью журавлей из Африки, но навстречу журавлям поднялось из кустов черное зияющее дуло. «Луч огня ударил в сердце птичье» и «два крыла, как два огромных горя, обняли холодную волну».

«И вожак в рубашке из металла
Погружался медленно на дно,
И заря над ним образовала
Золотого зарева пятно».

Читая это стихотворение, нельзя не думать о нашей беженской судьбе. Она грустна. Отсюда берут истоки мои грустные стихи:

Перелетным завидую птицам,
Хоть живу без цепей и оков.

Если б не было строгой границы,
Я давно б посетил земляков.

Рассказывают, что в былые времена ездили из страны в страну все, кто желал, беспрепятственно. Нужно сказать точнее: ездили те, у кого были деньги. На России в этом отношении до сих пор лежит позор: людей не выпускают за границу, даже тех, кто мог бы оплатить дорогу. 15 лет я ожидаю, когда отпустят моего брата посетить Америку и не могу дожидаться.

Я мечтаю о времени, когда на земле Христос установит Свое Царство. Тогда люди будут действительно свободны. О границах не будет даже речи.

Я БЫЛ НА РОДИНЕ

ЧАСЫ мерно отстукивают время:

— Тик-так, тик-так...

Они стоят на моем ночном столике, заведенные на 6:30 утра.

Я встал раньше.

Открыв занавеску, я увидел темное небо, едва освещенное зарею. Звезды все еще горели.

В моей голове творилось что-то непонятное. Я только что видел сон. Пытаюсь вспомнить все его детали, чтобы на всякий случай записать, потому что через сны иногда говорит к нам Бог.

Каким-то чудом я оказался в моем родном городе Новозыбкове. Иду по Октябрьской площади, нагруженный тяжелыми чемоданами, ящиками, узлами. Тяжело,

но я несу их с радостью, даже ликованием. Знаю, что в самом тяжелом чемодане лежат Новые Заветы. В других — подарки родственникам.

Здесь нужно сделать маленькое отступление. В последний раз я взглянул на родной город в 1943 году. Город был разрушен до неузнаваемости. После окончания войны брат писал, что во время отступления немцев в 1944 году от города мало чего осталось. Он был сожжен.

И вот теперь я иду и с удивлением смотрю по сторонам. Сердце до краев наполнено радостью. Мне хочется петь: это же моя земля, это же мой родной город!..

Но что это такое? Там, где против аптеки стоял памятник Ленину, я вижу огромный, новый пустующий дом. Заново построены новые магазины, возведены радио мачты, но везде, вокруг новых построек лежат горы необработанного строительного материала: камней, песка, кирпичей и новые, скипидаром пахнущие доски. На мостовой в огромные кучи сложен булыжник, и дорога, по которой я иду, не закончена.

Сворачиваю за угол. Хочется взглянуть на близкое сердцу здание Педагогического Института. Но и там я вижу такую же картину: здание перестроено, а вокруг лежит небрежно сваленный в кучи строительный материал.

Я захожу в знакомый мне с детства дом. Меня встречает мать моей жены, которой я никогда не видел и даже не знал по фотографии. Мать меня обнимает и долго целует:

— Сынок, я так долго тебя ожидала...

Губы у матери холодные, высохшие, но лицо у нее радостное и сияющее.

— Мама, — спрашиваю я, — почему у вас до сих пор не очищены дома? Как это некрасиво и неудобно... И дороги плохие.

— Сынок, — эти дома будут перестраивать. Они

же никуда не годятся!.. Поэтому, в нем никто и не живет, — отвечает мать и умиляюще смотрит мне в лицо.

Я подумал:

— Опять, наверно, строили вредители...

Заведенные часы продолжали отстукивать время:

— Тик-так, тик-так...

А за окном бледно, как догорающие свечи, мигали звезды.

На востоке едва заметной голубой черточкой занималась заря.

/ ДЕЛО ВЕРЫ

Прозвенел телефонный звонок. Я взял трубку и сразу узнал мягкий, протяжный голос Марии Васильевны Силоди. Она звонила из штата Коннектикут:

— Ну, как там у Вас? Какие новости?

— как везде: есть хорошие, есть и плохие, — ответил я.

Она беспокоилась об одиноких, всеми забытых стариках:

— Как они у вас живут? Кто им помогает?..

После я думал: дивные дела совершает Господь через избранных Своих слуг. Он избрал женщину, «немогущий сосуд» для такого дела, которое может совершать не всякий мужчина. Она организовала и вдохновляла постройку дома для стариков стоимостью в 135 тыс. долларов.

— Как это может осуществиться? — спрашивали ее маловеры.

— Верою, братья, верою, — отвечала Мария Васильевна.

— Да, это так, но кроме веры нужны ведь деньги, а их нет, — говорили другие.

— Верно, нужны деньги, но Бог это тоже знает, — отвечала она.

И вот сегодня Мария Васильевна в моем доме. Я смотрю на фотокарточку большого и красивого здания для престарелых и думаю:

— Жива еще вера христианская, живы христиане.

Мария Васильевна рассказывает:

— Построить здание — это только полдела, а как вести его? Сколько надо благодати, мудрости, тактического подхода, чтобы служить пожилым, зачастую капризным, как дети, людям, каждому угодить, каждого утешить...

С этой непосильной задачей справляется женщина, отрекшаяся от самой себя, от личной жизни, от семейного очага ради служения Христу и ближнему.

Близится полночь. За окном, где угрюмо темнеют кусты бузины, цепляется за крыши туман. Давно уснули дети, а Мария Васильевна рассказывает о чудных Божьих делах, о пережитом в былые годы:

— Приехала я из Европы. Встретил меня отец радостно, а потом, поглаживая мою голову, вдруг заплакал...

— Что с тобою, отец? — спросила я.

— Моя ты, дорогая дочь, голова-то у тебя седая!.. Посмотри в зеркало... Рано, дочь моя, рано...

— Ну, что же, — продолжала Мария Васильевна, светло улыбаясь, — это ничего. Старости я не боюсь. Помню, как моя мама говорила: «Если бы я знала, что сегодня во время сна придет и возьмет меня Господь, я бы раньше пошла спать»... Вот такие и у меня мысли...

И на самом деле: как хорошо было бы, уснув, проснуться в небесной стране, где нет старости, нет болезней, нет войн, где все бранья, все друзья, все дети Божии.

Верю, это время придет и может быть очень скоро.

«НЕ УМОЛКАЙ!»

ТАК сказал Господь в видении апостолу Павлу: «Не бойся, но говори и не умолкай!» (Д. А. 18:9).

Нет и не было на земле такого писателя, который угодил бы каждому читателю. Всегда были, есть и будут люди, у которых мое устное и печатное слово вызывает неприятную отрывку.

Как в таком случае быть? Жить и писать по совести, а не молчать. Совесть писателя диктует: не умолкай!

На днях, подошел ко мне знакомый и, пылая гневом, спросил в упор:

— Ты писал в газете, что в Брайте люди научились богатеть, но еще не научились уступать один другому дорогу?

— Писал, — подтвердил я.

— Кого имел в виду?

— Многих — ответил я.

— Неправда! Вы хотели укорить именно меня! Но имейте в виду, это вам даром не пройдет...

Я часто думаю: почему люди боятся, как огня, горькой правды? Не нужно зарывать нос в песок, не надо прятать наши недостатки, а надо изживать их.

Когда я рассказал об этом случае одному почтенному пастору, он мне мудро изрек: «Если ты не хочешь, чтобы кот кричал, не тяни его за хвост».

Но это было бы равносильно добровольному отказу возвещать Истину.

На свете было и есть много формалистов, завистливых книжников и фарисеев, много религиозных человеконенавистников. Неужели, для того, чтобы в мой огород не сыпались их камни, я должен молчать?

Нет, до тех пор, пока я живу, этого не будет.

В заключении скажу одним четверостишием:

В этом обществе фраков и мантий,
Фарисеев, лакеев, тузов.
Счастлив тот, кто живет эмигрантом,
Ожидая Господний зов.

КТО СЧАСТЛИВ?

БОЛЬНЫЕ часто говорят, что они несчастнее всех на земле. Так ли это? У одной больной старенькой женщины спросили:

— Чем объяснить, что вы всегда довольны и взгляд у вас счастливый?

Больная ответила:

— Я имею превосходное кресло и когда устаю от телесных недугов, я сажусь в него и спокойно отдыхаю.

— Где же ваше кресло? — спросили у нее.

Больная протянула Евангелие и указала на стих: «Мы знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, **ВСЕ** содействует ко благу» (Рим. 8:28).

Можно быть здоровым и чувствовать себя несчастным. Можно быть больным — и счастливым. Все зависит от состояния нашего духа.

Вспомнил горьковского героя — Матвея Кожемякина, хозяина канатного производства. Он все имел в достатке, но как он был несчастлив, как мучилась его душа от сознания бессмысленности жизни!

— Скучно живется на земле. Ух и скучно... — повторял он многократно. А его друг Савва вторил ему в унисон:

«Кругом все скучают, наскрозь! Чего ни делают против: лошадьми балуются, голубинные охоты, карты, бои петушьи — не помогает! За деньгами гоняются, а все идет — мимо сердца, не захватывает, нет!».

Характеристика нашего времени иная, иначе проводят люди время, но и теперь скучно на земле, как в больнице. Жизнь без вечных, непроходимых целей не

приносит людям радости. Крупицы земной радости проходят быстро, да и стоят они слишком дорого. Как ошибаются те, кто думает найти счастье в богатстве и для этого цепляются за богатство, как клещ за гриву.

Здесь, кстати, можно вспомнить рассказ Эдвиг Моришама «Счастливые сапоги». В нем трактуется вечная тема о счастье. Некто утверждал, что если кто-либо найдет счастливого человека и оденет его сапоги, тот будет также счастливым. И вот начинаются поиски счастливицы. Его ищут среди знаменитых, богатых, талантливых людей, ищут — и не находят. Наконец, начали искать счастливицу среди простых, незнатных, обыкновенных людей и там отыскался счастливый человек, но увы — он был без сапог!

Я понял, что мы можем быть счастливы настолько, насколько мы чисты перед Богом. Секрет счастливой жизни — в устранении тех причин, которые делают человека несчастным.

Бог посылает нам свыше дождь небесной благодати, чтобы сделать нас счастливыми, но на нашу пыльную дорогу падают только капли. Почему? Потому что люди ходят как бы под зонтиком, боясь небесного дождя, обходят его, прячутся под крыши. И потому остаются сухими.

Улицы в Америке заполнены автомобилями разных марок. Вокруг горят огни реклам, свидетели изобилия. Жизнь в Америке легкая, но нести ее тяжело. И также скучно живет, как в городе Окурове, в конце прошлого столетия. Оправдываются слова А. Блока:

«Двадцатый век еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла,
Еще ужасней и огромней
Тень люциферова крыла».

«Тень люциферова крыла» покрывает всю землю и этим омрачает нашу жизнь.

Есть ли выход из этого мрачного круга?
Конечно, есть! Он там, где горит свет **живого**
Евангелия, где живет Любовь.

О ТОМ, ЧТО НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ

СТОИТ деревушка, прижатая к лесу зимними ветрами и метелями, в ней двадцать изб, связанных пряслами и заборами. Над каждой избой поутру валит из трубы голубоватый дымок.

На дворе морозы, люди топят печи, не жалея дров. А дрова почти рядом: березовые, дубовые, сосновый сухостой. До леса рукой подать.

Дорога утоптана и уезжена саями. Кое-где темнеют шарики замерзшего конского помета, на кустарнике задержались клочья сена.

Каждый день по этой дороге проезжают люди в город из соседних деревень. Рано утром, повязавшись башлыком, я иду в школу, за реку. Верст шесть тянется дорога через снежные поля, а подъехать ни с кем не удастся. Люди едут в город в обратном направлении и мне нужно то и дело уступать им дорогу, сворачивая в сугробы, а вечером, когда я иду из школы, повторяется то же самое: я встречаю людей, возвращающихся из города и снова уступаю им дорогу.

Если окно нашей избы не заковано морозом, я вижу в нем лицо матери. Это она поглядывает на дорогу, ожидая меня из школы.

— А я уже заждаюсь тебя сынок... Думаю, что с тобой стало — нет тебя и нет... Дни короткие, темно... Устал?

Мать принималась растирать мои щеки, уши а я недовольно цедил слова:

— Пустяки! Совсем не холодно.

Вечером, поужинав какой-нибудь «затирухой», я садился поближе к семилинейной лампе, принимал-

ся за уроки. Иногда чувствовал, что за спиной стоит мать и смотрит, как я вывожу затейливые геометрические фигуры, пользуюсь циркулем и угольником. Когда поворачивал голову, мать говаривала:

— Трудное это дело, наука, а нужное. Без муки нет и науки. Вот выйдешь в люди и мне радость будет...

Моя мать была совершенно неграмотной, но любила слушать, когда я читал вслух рассказы. Она принимала их за действительность. Даже фантастические рассказы Гоголя из «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Когда я читал о заклинаниях Вия, мать испуганно поглядывала в угол, где в поблескиваемой позолоте пестрели лики святых.

Посреди избы у нас стояла железная печка. Она накалялась докрасна и тогда, лениво позевывая, неохотно отходил в сторону большой старый кот, которого почему-то звали «Мормоном».

Мне особенно нравились рассказы Мамина-Сибиряка и М. Горького. Я брал их для чтения у соседа латыша, который руководил в наших местах коллективизацией и умер от чахотки. Книжки также охотно давал мне учитель русского языка и литературы Демьяновский. Узнав, что я пописываю стихи, он говорил мне:

Глупое это занятие. Пушкина из тебя все-равно не выйдет, а если серьезно займешься прозой, может что-либо получится.

Иногда ночью я видел кошмарные сны, вскрикивал и пугал мать. Тогда она укоризненно качала головой, поила меня водой и говорила над ухом:

— И зачем такие книжки печатают?

ЛУЧШИЙ ДРУГ

5 декабря 1935 года умерла моя мать от истощения.

Ей было 53 года.

Мать — наилучший друг из всех, живущих на земле. Друг тот, кто прощает, а больше всех прощает своему чаду мать.

Я помню жаркие июльские дни, когда мать приносила к стаду, которое я пас, обед: теплый картофельный суп, приправленный луком и ломоть вкусно пахнущего хлеба. Коровы у нас в ту пору не было. Но мать доставала иногда от соседей молока и приносила мне в бутылке, заткнутой белой тряпицей. Она внимательно следила, как я аппетитно уплетал обед, рассказывала о деревенских новостях, утешала:

— Потерпи, сынок, до сентября, а там, смотришь, получим что-либо на трудодень...

— Мама, ты сегодня что-нибудь ела? — спрашивал я у матери.

— Ела, сынок, ела... Ты обо мне не думай. Я уже старая, а старым есть много не полагается. Старые люди не растут, к земле жмутся... — говорила мать, вытирая влажные глаза фартуком.

Сегодня вспомнился случай. Как-то летом через нашу деревню проходил безволосый сухой старик, сильно хромая. Он опирался на суковатую палку. Я заметил, что каждый раз, когда старик переставлял ногу, на его выстрадавшем бесцветном лице отражалась боль, темные глаза становились грустными, опускались густые брови.

Кто-то дал ему милостыню. Он перекрестился и сказал сухим голосом:

— Спаси вас Христос.

— Куда же вы идете, дедушка? — спросили старика.

— На Шеломы, милые, на Шеломы...

Я знал, что до этого села было 8 километров и никак не мог представить, сколько потребуется старику времени, чтобы дойти до этого села?

Я прибежал домой, бросился к ногам матери:

— Мама, скорей запрягай гнедка!

— Зачем? — удивилась мать.

— Надо подвезти хромого старика! Он больной, в Шеломы идет...

— Да мне же, сын, некогда. Видишь, сколько работы в огороде!

— Ну, веди коня, будем запрягать...

Я расплакался и мать уступила моей просьбе:

Мы догнали старика за деревней. Он никак не мог поверить, что мы с тем едем чтобы его подвезти. Когда старик узнал, как я упрашивал мать ехать в Шеломы, сказал:

— У детей всегда сердце добрее. Потому и сказал Христос, что детей есть Царство Небесное. Там, в Божьей семье, детей будет больше, чем нас, взрослых.

Прощаясь, старик положил на мою голову сухую холодную ладонь и сказал:

— Ну, что ж, Миколка, помолюсь я за тебя Господу. Это и будет моя плата за твою любовь к старику. Авось и сам будешь стариком и это тебе Богом зачтется

На обратном пути в наши глаза били косые лучи заходящего солнца. Я восхищался красотой березовых рощ и редкими прозрачными облаками, разбросанными по небу, как кружева. Гнедок бежал домой охотно, мелькали редкие деревья. А когда мы въехали в густой, пропахший мхами лес, мать неожиданно запела:

Ой да ты лебедушка белокрылая,

Отчего же ты закручинилась?

Разве мало тебе воли дадено,

Али лебедь твой больно раненный?

Голос матери дрожал, как струна, глаза ее смотрели вдаль. Моя голова покоилась на ее коленях и я украдкой заглядывал в ее лицо, полуоткрытый рот, откуда вытекала струя чистого серебряного звука.

С той поры прошло — подумать только — трид-

цать пять лет! А вот закрою глаза и в моих ушах начинает звучать эта материнская песня.

ОРАТОРИЯ ГЕНДЕЛЯ

СКОЛЬКО раз я находил духовное подкрепление, слушая непревзойденное музыкальное произведение Генделя «МЕССИЯ», записанное на пластинке.

Потрясающее по своей духовной силе произведение было создано композитором в трудной обстановке. Когда его здоровье окончательно пошатнулось, когда правая сторона его тела была парализована, когда не оказалось средств для жизни, тогда композитор нашел время проникнуться размышлением о смысле жизни. Все его существо наполнилось одним желанием — прославить Бога. И он прославил. Уединившись от мира, он создал неумиряющее произведение искусства.

Уже два столетия это произведение исполняется перед Пасхой и на Рождество. Два столетия верующие находят в нем бальзам для души.

Скорби, которые посетили Генделя, обратились в великое благословение для людей всех поколений.

Это бывает с каждым человеком, но не каждый ищет, подобно Генделю, утешение в Боге.

Великое рождается в мучениях. Ну как же после этого можно обижаться на Творца, когда нас постигают те или иные переживания.

Джон Буньян оказался за свои убеждения в тюрьме. Без этого он никогда бы не написал своего классического произведения «Путешествие Пилигрима». Высокую оценку этому произведению дал А. С. Пушкин.

Каждый человек старается дорогу своей жизни сделать ровненькой, но это никому не удастся: много гор и долин встречается на пути каждого. И все их надо преодолеть.

Счастлив, кто в этом путешествии видит перед собою Создателя.

В КАНУН РОЖДЕСТВА

СКОРО Рождество, а у нас в Сакраменто, не только не пахнет снегом, но даже вокруг зелено и тепло. Рождество без снега, без саней, без лыж. И удивляться не приходится. Первое Рождество в Вифлееме было бесснежным. Ночь была тихой. Ликовало звездное небо, радовались исполнившемуся пророчеству.

Не снега и морозы создают рождественское настроение, а мы сами, наше отношение к Той Личности, во имя Которой установлен этот праздник.

Калифорнийская земля, напоенная влагой, ожила, пустила зелень, помолодела. Выйдешь на улицу — обдаст свежестью порыв ветра, стряхнет с деревьев дождевые капли. Хочется пройтись по обмытому дождями тротуару, свернуть в парк, на лужайку, где мелькают вороха желтых листьев и, усевшись на едва обсохшей скамейке, отдать себя во власть радостных и грустных дум.

Вчера получил письмо от племянницы. Ей 15 лет. Живет она в средней России, учится в 7-м классе. Письмо написано без ошибок: «Во время каникул я работала в совхозе. Это недалеко от нашего дома. За 2 месяца я заработала 40 рублей и решила за эти деньги послать Вам, дядя, маленькую посылочку: сушеных грибов из того леса, который Вы любили и липового чаю с того большого дерева, что стоит посреди вашей деревни. Я там бываю с папой».

И я думаю, откуда у этой девушки такие чувства к человеку, которого она никогда не видела? И, Бог знает, может быть никогда не увидит.

Каждое письмо, полученное из родного края, вызывает во мне странные и больные чувства. Хотелось бы

жить на родной земле, служить своему народу, проповедуя Евангелие. Когда будет там свобода исповедовать веру вернусь, — думаю я и читаю про себя стихи Ованеса Шираза:

«И опять по дорожкам горным
Запах диких роз потечет..
Даже птица с вырванным горлом
На родной земле запоеет».

СВЕТ НЕУГАСИМЫЙ

ОГРОМНОЕ четырехэтажное здание фабрики-кухни стоит на окраине города. Когда вечером большие квадраты окон загораются огнями, оно похоже на электростанцию. Здесь день и ночь, непрерывно кипит работа.

Сегодня утром на зеленой лужайке, против фабрики, уселась стая птиц рыболовов. Помню, они прилетали в прошлом году в это же время. Птицы ходят под дождем, как хозяева, отыскивают дождевых червей.

Дождь не перестает. Ветер качает полуобнаженные деревья, а птицам «ни холодно, ни жарко». Дождь и ветер — их стихия. Запасы жира держат температуру их тел на одном уровне.

Птицы бродят по лужам. Я долго за ними наблюдал, но никогда не видел, чтобы они пили воду.

В полдень рыболовы дружно взлетели. Несколько минут они кружились над лужайкой, будто раздумывали: улететь или не улетать. Этих птиц теперь не будет здесь до следующего года.

Выходит, что птицы, как деловые люди, живут по расписанию.

Незаметно подкрадывается вечер. Вдоль улицы мелькают рекламы. Холодный свет реклам борется с наступающей темнотой осеннего вечера. Я возвращаюсь домой с работы и думаю: куда девается тьма, когда появ-

ляется свет? Свет побеждает тьму, разгоняет ее, потому что свет сильнее тьмы.

Не так ли бывает и в отношении неугасимого света Евангелия? Около двух тысяч лет враги света стараются его погасить — и не могут. Он горит, освещая дорогу жизни таким путникам, как я, как миллионы других.

Источником этого света — Бог.

ПРОЧНЫЙ ФУНДАМЕНТ

СЕГОДНЯ встретил знакомого, который всегда при встрече начинает разговор словами: «Как живем-можем? Богатство множим?». Он был особенно разговорчив. Он рассказывал о первых годах жизни в Америке и я слушал его со вниманием. Память у него изумительная. Он помнит имена всех «сейлсменов», которые обманули его при покупке домов сорок лет тому назад.

— Вот теперь бы мне браться за дело! Опыт есть, а силенки нету...

Он сел ко мне поближе и, заметно воодушевляясь, наставительно учил, что нужно знать, покупая дом:

— Главное, брат-сват, смотри на фундамент. Исследуй его хорошенько. Если фундамент плохой, ненадежный, дал трещины — не покупай, даже если продают дешево. А если фундамент прочный — торгуйся. Другие неисправности можно устранить, только не фундамент. Так что, брат-сват, все дело в фундаменте.

И я думал: как мудро сказано! Ведь это правило должно быть руководством во всей житейской практике. Это имел в виду Христос, когда рассказывал ученикам притчу об одном доме, построенном на песке и о другом, построенном на камне.

Камень — это немеркнувшее и непоколебимое Евангелие.

Песок — философия этого мира.

Кто строит свой дом, свою жизнь на этом вечном камне, тому бури житейские не страшны. Его дом ус-

тоит, не рухнет в непогоду.

Дома, построенные на песке, рушатся на наших глазах и становится больно на сердце, когда смотришь на их разрушение.

ТАЮТ СНЕЖИНКИ

ВЧЕРА, вблизи города, где я живу, шел снег. Для Калифорнии это редкое явление. Несколько минут я наблюдал, как лениво падали снежинки. Они падали, как мертвые белые бабочки, падали и здесь же превращались в грязь.

Печальна судьба снежинки. На дорогах тысячи автомобилей. Они безжалостно мнут эти снежинки, смешивая их с пылью и уже из под колес вылетает жидкая, темная, как деготь, грязь.

Вот так подобно снежинкам приходят в мир люди и незаметно тают.

Если из грязи отделить элементы земли, пред нами засверкает капля чистой, прозрачной воды. Вода может снова превратиться в снежинку. И даже можно определенной сказать — она превратится в снежинку снова в свое время. Она отделится от земли силою солнца, соединится в поднебесьи со своими сестрами и засверкает под кистью Небесного Художника всем спектром радуги.

Каждому верующему человеку хотелось бы поскорее освободиться от дорожной грязи, принять новый облик и водвориться в те места, где все чисто, где каждая душа прошла через фильтр земных переживаний.

Судьба снежинки светлее и нарядней, нежели судьба синей, ледяной никогда не тающей и никому ненужной глыбы.

ВОРОНА ДАЕТ УРОК

ПОСЛЕ ночного дождя над городом повис густой туман. Он висел плотной, сизой пеленой, цеплялся за крыши домов и только с восходом солнца начал медленно таять.

Утром я ехал на работу. За городом я заметил, как одинокая ворона, тревожно каркая, перелетала с одного телефонного столба на другой. Мне показалось, что ворона заблудилась в тумане и теперь мечется в поисках своего гнезда. Неожиданно она упала камнем к земле, но здесь же снова взвилась в воздух, держа в клюве кусочек чего-то съедобного.

Странно ассоциируют мысли человека! Я тут же вспомнил крыловскую басню «Ворона и лисица», начал про себя декламировать:

«На ель ворона взгромоздись,
Позавтракать совсем уж собралась,
Да призадумалась, а сыр во рту держала».

Много раз я читал эту басню и только теперь заметил, как велик своим мастерством русский баснопи-

сец. Три строки, а сколько в них слов с буквой «р»? ВоРона, взГромоздясь, позавРакать, собРалась, пРиза-думалась, сыР, во Рту деРжала...».

Эти слова мне напомнили карканье вороны.

Ворона — птица не глупая. Ворона хитра, но в сравнении с лисой оказалась глупой. «Вороне где-то Бог послал кусочек сыру», но тут же раздался лукавый голосок лисицы: «Голубушка, как хороша!.. Ну что за шейка, что за глазки! Какие перушки! Какой носок!...».

Вот где верх лицемерия!

Лиса хорошо знала, что ворона — одна из самых некрасивых птиц. Но ей хотелось полакомиться кусочком сыра. И вот начинается расхваливание!

Я не верю, что на верхах в Советском Союзе нет умных, образованных, способных, дальновидных людей, понимающих, что отсутствие свободы вероисповедания, то есть, отсутствие свободы исповедовать свою веру публично позорит демократизм. Но все на верхах молчат. И даже больше: хвалят политику власти. Почему? Потому что слишком ароматны кусочки сыра, которые им перепадают со стола хозяина.

Взял я из этого урок и для себя: не отзываться на похвалу, потому что в этом может быть тоже уловка лукавого.

СВЕТ НЕ БЕЗ ДОБРЫХ ЛЮДЕЙ

МАЛО у нас друзей и много. Все зависит от того, кого мы считаем другом.

«Друзья познаются в беде» — гласит пословица. И как это верно!

Летом в 1945 года в поисках политического убежища я оказался в американском лагере планнх, на территории Германии. Вначале нас кормили плохо, очень плохо: не было налажено снабжение. В это время не-

которые мои друзья жили на свободе, спекулировали и пьянствовали. Жена была убита горем. Работы не было. Хлеба не было. Обо мне все забыли.

Но каким-то образом отыскался мой знакомый, Жорж Б. офицер власовской армии, с которым я раньше никогда не был в близких отношениях. Он жил на свободе, работал у немца-фермера. Узнав, что я в лагере, за проволокой, он несколько раз приносил мне передачи: булку хлеба, кусок сала, пачку папирос.

Год спустя, когда я уже был на свободе, ко мне приехал Жорж Б. из французской зоны. Когда я вспомнил о том, как дороги были для меня его передачи, он поспешил сказать:

— Оставим разговор об этом. И, пожалуйста, не благодари. Я исполнял человеческий долг, без подвига.

Да, дружба — человеческий долг, но все ли ему верны?

Недавно я слышал такой рассказ:

Жили-были на свете 2 друга. Один разбогател, другому не повезло. Он остался бедняком. Как-то они встретились и богатый начал заверять бедного в своей к нему любви, в сочувствии к его положению:

— Да, вижу, тяжело тебе, дружище, без лошади... Если бы у меня было 2 коня — отдал бы тебе одного...

— Спасибо, братец, — отвечал бедный. — Тронут твоей ко мне любовью...

— И если бы было у меня две коровы, одну бы тебе отдал. Ведь без молока детям плохо...

Дальше я думал вот о чем: мир и сегодня полон типами, которых показывал дедушка Иван Андреевич в образах птиц и зверей сто с лишним лет тому назад.

Бедный, вдруг, спросил:

— Слушай, а если бы у тебя было двое поросят, ты дал бы мне одного поросенка?..

Друг насторожился, подумал и ответил:

— Ты очень хитрый: узнал, что моя свинья при-

несла поросят. Нет, поросята мне нужны самому...

Такова иллюстрация дружбы между людьми этого мира.

В свете этого примера становится понятным возглас древнего философа:

— Друзья, как мало на свете друзей!

«ГОТОВЬ САНИ ЛЕТОМ»

ТОЛЬКО начался январь, а работающие люди уже начинают говорить об отпусках. Говорят мечтательно, как холостяки о предстоящей свадьбе.

Знакомый советовал:

— Если хочешь удачно купить подержанный автомобиль — покупай теперь. Начнутся отпуска — автомобили будут дороже.

— Да ведь отпуск-то нескоро. Может не доживем?.. — ответил я.

— Нескоро? Не успеешь оглянуться, как май будет здесь, а там июнь следом.

Второй знакомый советовал:

— Не разбивай свой отпуск на два срока. Бери своих три недели сразу. Иначе, не отдохнешь, а только умаешься...

Третий, врожденный путешественник, узнав о моем намерении побывать в этом году в Нью Йорке, меня

наставлял:

— Я, браток, шесть раз колесил Америку. Знаю страну, как свой огород. Знаю где, как и что? Днем ты через Аризону или Техас не поедешь. Сгоришь. Автомобиль не выдержит. Температура 115... Днем передреми где-нибудь под мостом, все-таки, прохладней, а езжай ночью. Так оно будет и голове и автомобилю легче. Оно, конечно, днем ехать интересней. Природа и тому подобное. Но для этого надо установить в автомобиле охлаждение. А это обойдется в копеечку — не менее четырех сот. Не нам такая роскошь...

Я слушал практические советы моего приятеля и думал:

— Как было бы мудро, если бы также заботливо люди готовились к вечности! А она не за горами. Придет также быстро, как и отпуск. Может быть даже быстрее.

Сегодня взглянул в зеркало, а пучок серебристых волос так и повис над правым виском. Значит, дело идет к зиме.

Мудр тот, кто готовит сани летом.

ВСЕМ НЕ УГОДИШЬ

ОДНАЖДЫ, в одной церкви мне предложили сказать слово. После ко мне подошла пожилая женщина, долго трясла мою руку и тихо, как бы по секрету говорила:

— Знаете, все в вашей речи было хорошо, но одно плохо: вы часто размахиваете рукой, как будто хотите ударить. Для такой проповеди, как вы сказали, жесты не нужны.

— Спасибо, сестра, за совет, — сказал я прощаясь.

Вечером я снова говорил той же аудитории и чтобы не повторять моей привычки, старался держать правую руку за бортом костюма, у груди.

На другой день мне позвонили по телефону. Приятный голос несколько раз повторял: «спасибо, спасибо вам за слово, я в нем нуждалась...». А в конце разговора этот же голос, сниженный до шопота, добавил:

— Только одно мне вчера у вас не понравилось: вы держали руку за пазухой, как будто у вас там что-то хранится. Это неприлично. В проповеди нужны жесты, они усиливают речь...

Трудно угодить всем людям. А скорее всего невозможно.

И я вспомнил слова ап. Павла: «Если бы я поныне угождал людям, я не был бы рабом Христовым» (Гал. 1:10).

Нечто подобное бывает в принятии или непринятии поэзии.

Разные люди — разные вкусы и понятия.

ДЕНЬГИ И ЛЮДИ

НА ПРОШЛОЙ неделе я четыре дня пролежал в постеле: изматывал грипп. Потом болезнь осложнилась, началось воспаление бронхов.

Долгими бессонными ночами я думал о бренности нашей жизни. Бывает так: жил человек и нет его. И тут же во мне созрело твердое решение не откладывать издание новой книги.

Утром я сказал жене:

— Если меня Господь отзовет, вместо венков и речей попроси братьев сделать сбор на издание моих записок — «Жизнь, как она есть».

Жена прервала:

— Разве это нельзя сделать при жизни?

— Можно, но не будет такого результата, — ответил я ей. — Люди больше проявляют интерес к умершим.

Болезнь помогла мне познать истину: самое доро-

гое для человека — здоровье и самое плохое — заглядывание в чужой карман. Надо так строить жизнь, чтобы зависеть только от Бога, но не от людей.

Написать книгу легче, нежели ее издать. Бедные люди готовы помочь, но у них нет денег. Богатые могут помочь, но они чаще всего похожи на того купца, который перед смертью попросил тарелку меда и вместе с медом съел все свои деньги, чтобы никому не достались.

В рассказе А. П. Чехова «Крыжовник» описан случай из жизни одного богатого человека, которому локомотив отрезал ногу.

«...Несем мы его в приемный покой, кровь льет — страшное дело, а он все просит, чтобы ногу отыскали, и все беспокоится: в сапоге на отрезанной ноге 20 рублей, как бы не пропали».

А есть иные люди.

Однажды книгоноша предложил крестьянке купить Библию.

— О, я рада, что наконец буду иметь книгу, через которую Бог говорит с моей душой.

Женщина достала с полки горшок и высыпала на стол его содержимое: копейки и пятаки. Видно, долго она собирала эти деньги.

Тронутый бедностью крестьянки, книгоноша сказал: — Возьмите эту книгу бесплатно.

— Нет, нет, я заплачу! — настаивала крестьянка. Возьмите эти деньги!

— Вы их даете от сердца? — спросил книгоноша.

— Нет, не от сердца... Я даю их из горшка.

И немного помолчав, женщина тихо добавила:

— В моем сердце деньги никогда не были.

Сегодня я вспомнил этот случай в связи с письмом, полученным мною из Германии. Писала бедная, больная, одинокая женщина:

«Прошу Вас пришлите мне Библию с крупным шрифтом, а также ту книгу, в которой Михаил Подвор-

няк описывает про бедную мать, что потеряла сына в плену. А я Вам посылаю в конверте все мое состояние — один американский доллар. Мне его прислали добрые люди еще в 1946 году. И пусть он теперь идет туда, откуда пришел...».

Этот доллар поплыл снова в Германию вместе с книгами, но тот факт, что на земле есть люди, которым дорого слово Правды, побуждает меня нести это слово, не ожидая материального вознаграждения..

ВЕЛИКОЕ ПРИОБРЕТЕНИЕ

ТРУДНО поверить самому себе: 15 лет я работаю на одной и той же фабрике. Она стоит на окраине города, огромная, синестенная, с множеством широких окон. Когда на главную дорогу тянет ветерок с запада, в воздухе слышны острые запахи супных специй. На фабрике-кухне варят и консервируют двадцать с лишним видов супов.

Рано утром здание облегают осенние туманы. Здание кажется молочным и бесконечно длинным. Моргая фонарями, ныряют в тумане автомобили. Раскалывая туман, ревет паровоз. Он тянет вагоны нагруженные ящиками готовых супов, нудно звонит, предупреждая об опасности.

Сегодня я работаю в отделении, где машины раскручивают огромные, весом в шесть тонн, рулоны жести. Попадая в первую машину, жесь выскакивает из нее квадратами, в другую — жестяными трубками, в третью — готовыми, спаянными банками. Они бегут по длинным конвейерам в кухонное отделение, где варят в огромных котлах супы.

худой Стив Робертс, электрик. Под светом лампочек его землистое, морщинистое лицо похоже на печеное

Я вижу, как между конвейеров лазит высокий и яблоко, которое только что вытащили из печки. Его

длинные, костлявые руки цепко обхватывают лестницу, он ищет удобного места, чтобы ее поставить. Заметив меня, машет рукой:

— Ник, помоги!.. Надо снять с платформы мотор.

— Осторожно! — кричу я ему, поддерживая лестницу.

— Окей! В мире нет ничего более верного, как смерть, — отвечает Стив скрипучим голосом. Он любит философствовать и я ему добавил:

— Есть также верный путь спасения...

— Ну ты опять со своей религией, — отмахивается Стив.

Олово, расплавленное, как масло, обдаёт меня жаром. Стучат автоматические паяльники, непривычно кружится голова.

Во время обеденного перерыва я снова встретился в Робертсом в большой фабричной столовой. Он любит поговорить за обедом. Слушать его противно: через каждые несколько слов он сыплет, как из лукошка, ругательства. Это неправда, что русские — непревзойденные мастера на похабные слова. У Робертса, даже тогда, когда он говорит о простых безобидных вещах, о жене, о дочери — грязные слова вылетают из его широкого рта, как дохлые, провонявшие мухи. Он курит сигарету за сигаретой, прихлебывая густое кофе и ругает начальство за халатность и невнимательность к рабочим.

Мне хочется сесть за другой стол, чтобы не слушать его ругательств, но он, заметив это, меняет тему:

— Мне вот 59 лет, — говорит он хрипло, словно в репродуктор, — а из долгов до пенсии не выберусь. Получишь чек и не знаешь, как его разорвать, — продолжает он жалуюсь, — за дом платить надо, за автомобиль надо, за телевизор надо, жене давай на церковь, дочке на платье. Ну конечно надо, оставить на банку пива, купить на неделю продукты и опять до пятницы «брок». Вот она, Америка!

Стив находит сочувствие у своих коллег. Один из них выглянул из-за раскрытой перед лицом газеты, пошевелил губами и сказал:

— Одолжи у мистера Морфи (президента компании). Он получает 350 тысяч в год. Да еще дорожные расходы отдельно. Куда ему, столько денег?..

Стив торжествующе обвел всех глазами и, остановив свой взгляд на мне, начал:

— В России вот немного иначе: хлеб обещают выдавать бесплатно, транспорт — бесплатно, электричество и газ тоже. Доктор бесплатно. А у нас разве пойдут на это? Там совсем иначе...

— О, да! В России иначе, — заметил я. Там рабочие не платят за дом, потому что живут в общежитиях и в общественных квартирах. За автомобиль там платить не надо. Простому рабочему автомобиль даже не приснится. Он ездит на трамвае. А телевизор...

Стив не дает мне сказать то, что я хотел. Сдерживая себя от гнева, он бросает короткие фразы, пересыпая их, как солью, матерщиной.

— А как здесь иначе жить? Все имеют, почему я не могу?..

— Значит, плати и не жалуйся на малый заработок, — вставил слово его сосед, аппетитно разжевывавший курятину.

Стив виновато улыбнулся, сбросил сигаретный пепел, затянулся дымом и, как бы заканчивая разговор, спокойно сказал:

— Помотрим, как оно дальше будет...

К этому времени я закончил мой обед и отыскал в моем карманном Новом Завете слова ап. Павла: «Великое приобретение быть благочестивым и довольным». Я не прочел их Робертсу. Я прочел их себе. Я знаю Робертса несколько лет. В ответ на слова Евангелия он бы громко рассмеялся или, что еще хуже, сплюнул.

Быть довольным — это значит быть счастливым. Некто сказал: «Счастлив не тот, кто много имеет, а тот,

кто ни в чем не нуждается». Много ли на свете таких счастливицев?

Я встречал их не раз таких бессребреников, отдающих последнее более нуждающимся. По ним мы узнаем, что Истина не всеми забыта..

Много лет тому назад, жил в Америке популярный композитор Стефан Фостер. Его песенки (вроде, «О, Сюзанна»...) пели во всех штатах.. Биографы пишут о нем, как о счастливом человеке. Когда он умер, в его кармане нашли 38 центов. Это было все его состояние. Но сколько обездоленных бедняков он порадовал тем, что делил с ними последний бутерброд.

Много радости приносят людям произведения Вольфганга Моцарта. Недавно я прочел рассказ о Моцарте одного из лучших прозаиков — Константина Паустовского. Биографический рассказ о Моцарте он назвал «Старый повар». Слушая игру гениального музыканта, старый ослепший повар вдруг начал «видеть» прозрачное и синее, как стекло, небо, цветущие яблони, стаи перелетных птиц над Веной, журчащий ручей в горах. Когда Моцарт кончил играть, умирающий старик сказал задыхаясь:

— Я видел все так ясно, как много лет назад. Теперь готов умереть...

И этот благороднейший и гениальный композитор умер нищим и был похоронен на кладбище нищих. За его гробом шли только нищие, да его любимая собака.

Такова жизненная правда.

Не все мы гениальны, не все мы можем подражать Моцарту, но все можем согласиться с одной великой истиной: покойнику не нужны карманы. И быть довольным тем, что имеешь — вовсе не трудно.

ЭМИГРАЦИЯ

ИНОГДА думаю, как это могло случиться, что я оказался эмигрантом? И придет ли такое время, когда я не буду эмигрантом?

Одни эмигрантов называют красными, другие — белыми, а по-моему, русская эмиграция вообще бесцветная. Здесь, в Америке, все заняты обогащением благами земли. Времени для других дел у людей нет. Свободный час они отдают телевизии или спорам между микроскопическими партиями.

Любят у нас обсуждать программы, избирать комитеты, заседать, а чтобы сделать хорошее дело — до этого еще не доросли. Отсюда результат: материально русские люди в Америке обогатились, а духовно обнищали.

Правда, большинство эмигрантов объединяются церковью. Но так как поместная церковь есть ни что иное, как объединение верующих, то она, эта церковь, не может быть лучше тех, кто ее составляет.

Все ли знают, что в церкви не должно быть партийности: не должно быть ни «республиканцев», ни «демократов». В церкви Христа — дети Божии. Но как их мало в наше время и как тяжело им жить, непонятными другими.

О ВОЙНАХ

ВСПОМНИЛ, как в начале Второй мировой войны в СССР повсеместно пели очень популярную песню на слова Лебедева-Кумача, поэта, который дальше десятилетия патриотических песенок не пошел.

«Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.

Идет война народная,
Священная война».

Маршевая мелодия этой песни действительно вызвала нарастание гнева. Когда-то я тоже пел эту песню с воодушевлением, не вникая в смысл слов. А теперь, спустя почти четверть века, я увидел какой абсурд содержался в этой песне. Я понимаю, что война есть война, справедливый гнев и тому подобное, но ведь нет и не может быть, чтобы ярость была благородной, а война священной. Где ярость — там не может быть речи о благодетстве.

Слово «война» вообще исключает всякую святость. Попутно вспомнилась и так называемая «Священная Инквизиция». Это тоже была война против «еретиков». Началась она в 1232 году, когда папа Иннокентий 3-й начал преследование иноверцев.

Эту же войну продолжали вести и последующие папы.

Сыск и доносы с применением пыток царили во всей Европе. Отказавшихся признаться в «ереси» публично сжигали, как это было в 1415 году с Иоанном Гусом в Чехии.

Подсчитано, что за три с половиной столетия «священной инквизицией» было уничтожено 300 тыс. человек!

Это ужасно!

И несмотря на все это, католическая церковь до сих пор не желает признать свою вину в истреблении ни в чем неповинных людей. Ну как же после этого можно рассчитывать на возрождение авторитета церкви без возрождения самой церкви?

ЕДИНСТВО ДУХА

«Ничего не делали мы вместе,
Все творили врассыпную, врозь»
Аргус

ВЕСНА на Украине была в разгаре. Над оттаявшей и почерневшей от влаги землей разливалось благодатное тепло. Жаворонки, взвиваясь к небу, пели радостные песни солнцу. Крестьяне готовились к севу. Пересекая поле, спешил на север пассажирский поезд.

В купе одного вагона сидели две женщины. Они смотрели в окно, где мелькали телеграфные столбы, а в голубом небе, как в голубом океане, купались облака.

Наконец старшая спросила соседку:

— Куда же ты едешь, милая?

— В Киев еду, к мужу. Он там работает на комбинате.

— А куда же ты едешь, матушка?

— А я из Киева еду в Днепропетровск. Гостила у дочери.

— Как же это так? — испуганно воскликнула старшая. — Я еду из Киева, а ты в Киев, а едем в одном вагоне...

— Я еду в правильном вагоне, а ты нет, — уверя-

но ответила младшая.

— Да нет же, меня кум посадил. Он кондуктором служит. А вот ты ошиблась...

Женщины спорили до остановки и тогда убедились, что обе ошиблись: обе сели в поезд, идущий в Гомель.

Я вспомнил этот случай, просматривая эмигрантские периодические издания. Сколько места занимает в них полемика, никому ненужные споры? Все едут в одном, как будто, вагоне, а нет взаимопонимания, нет единства духа. А это в жизни общества самое главное.

Многие борются за первенство и эта борьба прорывается даже в церквях.

— Вы знаете, кто нам, эмигрантам мешает? — спросил как-то меня пожилой земляк. И он сразу же ответил: «Яшка, Гордяшка и Самошка».

Пословица говорит: «Сообща можно и льва повалить, а в разнобой не одолеешь даже мышенка».

Однажды один путешественник посетил лечебницу для умалишенных. Администратор показывал гостю корпуса, водил его по двору, имея при себе одну палку. Некоторые больные неистово орали, декламировали монологи, убеждали, пели, а один стоял среди двора и выкрикивал:

— Покайтесь! Это говорю вам я, апостол Петр, сын Ионин...

— Откуда ты это знаешь? — строго спросил его администратор.

— Меня Сам Христос послал! — сверкая темными глазами, гневно ответил больной.

— Я тебя не посылал, — раздался вблизи другой голос.

Посетитель спросил администратора:

— Как вы не боитесь с одной палкой ходить между такими свирепыми, ненормальными людьми? Они же могут сговориться и вас убить.

— Нет, мой друг, — ответил администратор. Дело в том, что они не могут между собой сговориться. Мне одной палки достаточно, чтобы ими управлять.

Какая горькая истина!

Лукавый «одной палкой» может управлять тем обществом, где люди не могут сговориться.

Русская эмиграция за всю историю своего существования никогда не была единоклюпной. Единоклюпие было только тогда, когда бежали из России. Мы — люди одного языка, одной судьбы, одних интересов, а понимать друг друга не всегда умеем.

В этом наша беда.

Моему собрату по перу, И. А. Кмета, как-то довелось быть в Канаде и проповедовать там Евангелие в большой аудитории. В переднем ряду сидела пожилая женщина. Она так внимательно слушала говорившего, что, казалось, проглатывала каждое слово.

Доктор Кмета встретил эту женщину у дверей и, протягивая ей руку, сказал:

— Благодарю Вас за внимание к моему слову.

Женщина смутилась и ответила по-английски:

— Ват дид ю сей? Сори, ай донт андерстеид рашен...

И дальше она рассказала:

— Я даже не русская, родилась здесь, но я знаю, о Ком вы говорили, и потому я пребывала с вами в единстве духа.

Единство духа! Вот что нам, эмигрантам нужно. А прийти к нему можно только путем, указанным Богом — через Евангелие.

Если бы молитва Франциска Ассизского была молитвой каждого христианина, тогда единство духа наполнило бы весь мир. А молился он вот как:

«Господи, сделай меня орудием Твоего мира. Научи меня, где ненависть — нести любовь, где обида — нести прощение, где раздор — нести единение, где заб-

луждение — нести истину, где отчаяние — нести надежду, где темнота — нести свет, где печаль — нести радость. Я не ищу утешения, но хочу утешать, я не ищу понимания, но хочу понимать, я не ищу любви, но хочу любить».

ТАК ЖИЛИ

ВЧЕРА вечером, возвратясь с работы усталым, решил немного отдохнуть за чтением книги. Открыл «Жизнь Матфея Кожемякина» М. Горького. Какое огромное и яркое полотно! Вот они грубые нравы купеческой России. Волосатый с красными руками и вспухшим лицом старик-хозяин до смерти избивает свою молодую жену Палагу, бьет ее кулаком по голове, его зрачки слились с белками в мутные серо-зеленые пятна, трясется борода. И здесь же, на месте, он получает возмездие Божье: его разбивает паралич.

Чтение таких книг не успокаивает нервы, а наоборот — утомляет. Читаю я эту книгу, а в сердце растет гнев на весь уклад жизни, где Бог — толстая мошна, где раздается имя Христа, но оно звучит бездушно, как привычное слово, смысл которого людьми забыт.

В этом же городе Окурове каменички бросают в раствор черную собаку. «Известь только еще гасится, она кипит и булькает, собака горит, ей уже выжгло глаза, захлебываясь, она взвизгивает судорожно старается выплыть а рабочие, стоя вокруг в белом пару и пыли, смеются, и длинными мешалками стучают по голове собаки, погружая искаженную морду в густую, жгучую, молочно-белую массу».

Жестокость — темная сторона человеческого характера. И удивительно что те же люди становятся неузнаваемыми, когда их сердца открываются действию Евангелия.

После Горького какой приятной и сладкой становится Божья книга — Евангелие.

ЦЕРКОВНОЕ НЕБЛАГОПОЛУЧИЕ

КАК-ТО, я был в Лос Анжелосе. Там я встретил много знакомых и незнакомых русских людей. С негодованием рассказывали они о церковном побоище в храме.

Многие спрашивают: почему так бывает?

Мой хороший знакомый, человек вдумчивый, знающий жизнь, ответил так:

— Мужички хотят власти... В этом вся беда.

Меня больше всего волнуют церковные споры, когда христиане пускаются на хитрость, всевозможные уловки, клевету, даже предательство ради одного — ради первого места.

У одного человека спросили: кем бы ты желал быть? Вторым в Риме или первым в деревне? Ответ был честным: «Для меня приятней быть первым в поселке, нежели вторым в столице».

Горькая правда земли такова: «Навоз всегда всплывает наверх».

В сердце истинного христианина не должно быть деспотизма, эгоизма, желания верховодить, воевать со своим собратом до «последнего патрона». Он готов потерять свое, только не спорить за власть.

Припомнился рассказ о двух отшельниках. Долго они жили вместе вдали от мира, никогда не спорили, все у них было общее, служили друг другу любовью.

— Скучна наша жизнь, — сказал один, глубоко вздохнув.

— Верно, — согласился второй. — Скучно. Люди в мире спорят, им веселее. Давай и мы поспорим, что ли?

— А как?

— Вот так: у тебя за поясом кружка моя, а не

твоя. Отдай мне ее.

— Неправда, — заметил второй. Я ее нашел, а не ты. Она моя.

— Нет, она моя. Я ее увидел на дороге первым...

— Ну и пусть будет твоя, — согласился второй.

Так отшельники и не поспорили. Почему? Они знали цену земному и проходящему. Для них душевный мир был дороже личных интересов.

Так учил и Христос, когда говорил: «Кто захочет взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду».

ТАМ, ГДЕ ЖИВЕТ ТИШИНА

НЕКОТОРЫЕ путешественники любят описывать свои поездки в другие страны. Такой возможности пока что мне не предвидится. Сегодня я расскажу о поездке в наши калифорнийские горы, где в феврале глаза слепит белизна снега, где живет немая умиротворяющая тишина.

Сегодня над городом улыбается солнце, как жених перед свадьбой. Легкий, едва ощутимый ветерок несет с полей дыхание весны. Нельзя сказать, что именно в этот день оживает природа. В Калифорнии природа никогда не умирает. Стоило мне выскочить на автомобиле за город, как сразу же замелькали квадраты зеленых лугов, серые пятна виноградников, а за ними — курганы, лохматые холмы и дубовы рощи.

Я люблю дороги, где реже встречаются населенные пункты, где навстречу не свистят автомобили, разрезая густой, просоленный воздух, где глаза могут отдыхать, созерцая красоты земли, а душа — чувствовать прикосновение благодатного счастья.

Дети, разместившись на заднем сиденье автомобиля, приулыбались. Им тоже надоел город, скученность людей и зданий. Зрачки их глаз расширяются, когда они в стороне от дороги видят стада овец и коров. Большое

стадо пятнистых телят стоит в загоне, ожидая отправки на бойню. Я вспомнил рассказ о двух студентках. Они впервые ехали из города на дачу. Присмотрев пасущихся на лугу телят, одна из них воскликнула:

— Смотри, смотри, телятина пасется!..

У ручья, склонив голову, стояла худая лошадь и смотрела в воду, как в зеркало. Под толстым ветвистым деревом, как под шапкой эскимоса, дремала корова. Мне показалось, что корова думает «крепкую думу о белоногом телке», как у С. Есенина:

«Не дали матери сына,
Первая радость не в прок.
И на колу, под осиной
Шкуру трепал ветерок».

Ближе к природе — ближе к жизни, к ее пониманию.

Я смотрю на счастливых моих детей и сам чувствую себя счастливым. Случаю их простые, но замысловатые вопросы и думаю: вот так, присматриваясь и прислушиваясь сердцем к природе, размышляя о ее чудесах, мы должны бы чаще обращать свои взоры к Создателю, поражаться премудростью и совершенством Его законов.

— Папа почему снег на горе не тает, а внизу тает? — спрашивает старшая дочь.

— Внизу теплее, — пробует ответить жена..

— Почему? Ведь вершина горы ближе к солнцу. Там должно быть теплее, — заключает любопытная девочка.

Узкая, вьющаяся по глубокому оврагу дорога, укачала младшего сына. Он уснул. А как ему хотелось видеть снег! Как он ликовал, видя белые крыши гор издали! Мы пробуем его разбудить, но это не удается. Вер-

но, что сон милее всего на свете.

Счетчик показал только 70 миль от Сакраменто, а на дороге уже встречаются серые пятна снега. Еще несколько миль подъема и за моей спиной раздались детские голоса:

— Снег! Снег!..

Он лежал кусками белый, как соль, как сахар. Чем выше мы поднимались, тем реже встречались проталины. На дороге чернели две колесных линии. Автомобиль, как старик, нагруженный непосильной ношей, с большим трудом преодолевал подъемы, обсыпанные снегом. Колеса начали буксовать. Пришлось задним ходом спуститься в долину. Там уже стояло несколько автомобилей. Дети играли в снежки. Восторженный крик детворы разбудил сына. Он встал и долго всматривался через окно на белое, как разлитое молоко, поле и, наконец, подал голос:

— Смотри, папа, снег!..

В своей короткой жизни он видел снег впервые.

Я вывел его на дорогу. Шел он робко, как по льду, брал рученками снег, подносил его ко рту, осторожно пробовал языком — не сахар ли?

Осмелев, он, по примеру других, брал куски снега и бросал их в меня, вызывая на бой. Мне пришлось прятаться, убегать от «нападения», падать. Он задорно смеялся, сам падал в снег и вставал, но вскоре смех сменился слезами. Мальчик заплакал, протягивая ко мне красные, как гусиные лапы, рученки.

— Папа, погрей мои пальцы...

Впереди нас стоял новый шевролет. Его владелец с выбритым красным лицом американец, с узкими, словно вспухшими глазами, аппетитно ел кусок курятины и, бросая кости в сторону, хмуро смотрел на игру детей. Его жена тонкая, раскрашенная, как кукла, пила кофе из термоса. Американец закончил обед, вытер салфеткой руки и задымил толстой сигарой. Он подошел ко

мне. Раздувая ноздри широкого носа и попыхивая вонючей сигарой, по-дружески начал:

— Воздух-то какой! А? Свежий, чистый...

— Да, — ответил я, — здесь дышать легко. Не то, что в городе. И здесь же подумал: какая разница для курящего — свежий воздух или несвежий.

Сквозь зеленые иглы огромной сосны смотрело на белую поляну покрасневшее, предзакатное солнце. Под пышными навесами деревьев снег был суше и рыхлее.

Тишина... Где-то в городе кипит и волнуется мир, снуют по улицам люди, словно заблудились и ищут выхода, а здесь, в этой долине слышно, как срывается с сосны сухая ветка, как скрипит под ногами оседающий снег, слышно, как стучит капель с крыши старого, заброшенного у дороги, нежилого дома. Дом покосился на бок, словно подбитый снарядом. Окна заколочены досками, двери тоже. На крыльце лежит нетронутый снег. Внутри дома, должно быть, живут летучие мыши. Недалеке пригорюнился сарай, готовый вот-вот упасть от старости. Кто его строил? Кто были его обитатели? Когда-то здесь была жизнь, а теперь стоят эти постройки тихо, ожидая роковой участи — полного и окончательного разрушения.

Жена долго смотрела на этот старый заброшенный дом, потом осторожно вздохнула и сказала как бы себе:

— Не так ли бывает и с нами, людьми?..

Солнце тихо и незаметно скользнуло за крышу дома. Холодно. Дети, наигравшись вдоволь, мокрые, словно облитые водой, сидели в автомобиле и ели хлеб с копченой рыбой.

Возвращаясь домой по лесным чащобам, мы вспомнили наши русские леса с их богатством в летнее время: ягодами, грибами, орехами. Возле дороги кое-где уютно прятались фермерские домики. В кустарнике забавно перелетали, усаживаясь на ночь, птицы, похожие на стрижей. Мы еще раз остановились, чтобы подышать свежим лесным воздухом, насладиться тишиной. Подул прохладный ветерок. На вершинах гор виднелись хороводы елей. Там красными огнями светились последние солнечные лучи.

Через час мы въезжали в город.

Огромные здания Сакраменто, разбросанные по равнине, угрюмо смотрели на несущиеся, словно по воздуху, автомобили. Жадная суэта городской жизни опять угрожающе поднимала на меня свою руку, втягивала, как воздушным насосом в тяжелую трудовую жизнь.

Завтра опять фабрика, шум станков, шипение пара, рев моторов, а вечером — опять газетные гранки и стук пишущей машинки.

Жизнь бьет ключом, всего в Америке в изобилии, но одного мало — тишины. Ее надо искать далеко за городом. Как жаль, что я редко выезжаю из города. Оторвавшись от повседневности, человек прикасается к иному миру, где тишина — желанная гостья. Мне кажется, в такие минуты небо приближается к земле.

ВОР МОЛИТСЯ...

ЕСТЬ удивительно меткий рассказ из жизни московского митрополита Платона. Он строил себе скит. Однажды в плотничьей бригаде случилась кража: у плотника украли топор. Плотники никак не могли в

своей среде найти вора. Они пришли ко владыке с просьбой помочь им найти преступника.

— Помоги нам, святой отче. Мы его из артели выкинем.

— Да ведь я же не колдун, гадать не умею. Могу только молитвой.

— Как хочешь, только помоги, — просили артельщики.

Митрополит собрал всех плотников, поставил их плечом к плечу и начал читать молитву, а все должны были ее повторять.

Слова молитвы так и ложились в сердца плотников.

Владыка внезапно приостановил молитву и спросил:

— Ну, как, все вы молитесь?

— Все, все до единого, — отвечали хором артельщики.

— А вор-то молится?

— Молюсь, — тихо и смиренно проговорил один артельщик.

Так отыскиали вора.

Нечто подобное получается с моими газетными и журнальными статьями. Если я пишу о человеке, не указывая ни места, ни времени, то почему, следовало бы спросить, некоторые люди принимают это на себя?

Очевидно, по той причине, по которой артельщик ответил: «Молюсь!».

АНДРЮ ГРИК

— ХРУЩЕВ! — кричит мне издалека смазчик машинного отделения. — Доброе утро!..

— Доброе утро, Андрю, — отвечаю я коренастому с лысой головой, как глобус, греку. — Как живете? — спрашиваю его.

— Лучшее, чем Рокфеллер, — отвечает он на ломанном английском языке. — По крайней мере не собираюсь разводиться с женой... В апреле иду на пенсию. Будем ловить рыбу... В мутной воде...

— Разве вам шестьдесят пять?

— Что я глупец, что ли — ожидать шестьдесят пять? 5 апреля будет шестьдесят два — и хватит. Пусть работают те, кто моложе. И вообще пора отпускать людей на отдых в шестьдесят и этим сократить безработицу.

Андрю Грик — так зовут его все — любит поговорить по душам.

— Только о религии мне не говори, — замечает он. — Отец мой был православным, а я в Бога совсем не верю. Разницы никакой. Он умер и я, конечно, умру...

— А дальше что? — спрашиваю я.

— Ничего. Сплошная ночь...

— Сплошная ночь — это не ничего, это темнота, это ужас, — пробую я изменить тему разговора, но Андрю понял мои намерения и спешит предупредить:

— Только не о религии, пожалуйста!..

Вчера, встретив меня утром, он снова крикнул:

— Хрущев, доброе утро!

Я подошел к нему ближе, подал ему руку, как старому знакомому и сказал:

— Слушай, Андрю, что ты нашел у меня общего с Хрущевым? Разве я на него похож? На моей голове копна волос, а Хрущев лысый, как и ты. Мне едва перевалило за сорок, а ему за семьдесят. Потом я, хотя, может быть, плохой, но все-таки христианин, а Хрущев, как и ты — атеист. Выходит, что на Хрущева ты больше похож, нежели я. Он такой же коренастый, как и ты и брюшко у него не на много больше твоего...

Андрю рассмеялся, дружески хлопнул меня по плечу и, нагнувшись к моему уху, сказал:

— Дело в том, что ты — русский, а я — грек.

Вот поэтому я и зову тебя Хрущевым. А ты не обижайся. Он хороший парень. Если бы не он, нас бы уже не было на свете: захлебнулись бы атомной гарью.

— Ты уверен, что это именно так? — спросил я.

— Возьми, к примеру Кубу... Разве он не благо-разумно поступил?...

Так как политика для меня — темное дело, я поспешил сказать:

— До свиданья, Андрю. Меня ожидают...

ПЯТНО НА ЛИЦЕ

ДА, МЫ — несомненно счастливые эмигранты, если наше счастье не связываем только с материальными успехами.

Наше счастье — в духовной свободе, в свободе верить, мыслить, творить благо своему ближнему..

Немало хорошего мы принесли сюда с собой из родных краев: русское слово, русскую речь, русскую песню. Это — великие сокровища. Но как мы их теперь ценим? Русскую книгу можно найти далеко не во всех домах эмигрантов. По-русски говорят в основном только старики с неотразимой примесью иностранных слов. Песни не поют, а слушают с пластинки по праздникам, да в плохую погоду, когда не ловится рыба, когда нет хорошей телевизионной программы.

Это — пятно на лице счастливой русской эмиграции в Америке.

После этого бывает стыдно слушать споры о русском патриотизме, о мессианстве русской эмиграции.

Недавно в городе с населением в четверть миллиона был устроен концерт с богатой духовно-вокальной программой. Его устроители долго и жертвенно готовились. Из десяти приглашенных мною семей пришли на бесплатный концерт только двое, и те оказались не рус-

скими, а латышами. Один из них работает со мною на одной фабрике. На другой день он мне сказал:

— Знаете, вчера меня до слез прошибло. Откуда у вас такие голоса?.. Вы мне показали настоящую Россию. Но, скажите, почему так было мало русских? Наверно и сотни не было?

— Юлиус, — сказал я сослуживцу, — в эмиграции не те русские, что были в России. Настоящих русских здесь мало.

Несколько сот русских живет в Сакраменто (Калиф.), но прийти в воскресенье на духовный концерт им «некогда». Бедные люди! Похоже, что они борются за кусок хлеба.

Духовные ценности меняются на дешевую телевизионную программу.

ВРЕМЯ КРОШИТ КАМЕНЬ

У КАЖДОГО человека было прошлое, есть настоящее и, разумеется, будет будущее. Какое будет будущее? — не стоит гадать.

Прошлое у русских эмигрантов — у каждого свое. Одни в прошлом были богачами, а теперь живут в Америке на государственной милостыне. Другие, наоборот: в прошлом, как говорится «лаптем щи хлебали», а теперь меняют каждый год автомобили.

Неуловимы превратности судьбы человеческой. Но меня больше всего поражают перемены другого порядка, перемены в духовном содержании человека. Был не человек, а «некий изверг». (Так апостол Павел называл себя до встречи со Христом). А теперь изменился в корне: с ним жить и работать — одно удовольствие. Те, кто знали его только в прошлом — шарахаются от него в сторону, а он, ласково улыбаясь, говорит:

— Ну и люди... Не верят в преображающую силу любви Христовой...

В советском журнале «Наука и религия» (№3, 1963 г.) напечатана статья, критикующая мою книгу «Так отвечает Библия». Позднее появилась уничтожающая статья в газете «Голос Родины». Все обвинения по моему адресу — грязный, отвратительный вымысел. Но дело не в этом, а в том, что люди не хотят верить словам апостола Павла: «Да и все мы были некогда несмысленны, непокорны, заблудшие, были рабы похотей и различных удовольствий, жили в злобе и зависти, были гнусны, ненавидели друг друга. Когда же явилась благодать и человеколюбие Спасителя нашего Бога, Он спас нас...» (Титу 3 гл.). От чего спас? От всего того, что было перечислено выше.

Да, мы верующие, далеко не апостолы, но каждый, кто пережил возрождающую и обновляющую революцию души, может написать свое имя под словами великого апостола.

Жизнь — школа, в которой мы познаем окружающий нас мир, познаем жизнь, познаем самих себя. Все меняется, ничто не стоит на месте. «Я знаю, время даже камень крошит», — писал когда-то в письме деду С. Есенин.

Я поражаюсь наивностью моего представления о жизни за границей. Прямо скажу: ведь обманывали меня партийные агитаторы уверяя, что все белоэмигранты — враги человечества. А теперь я живу среди них и даже с ними и думаю: хорошие они люди. Особенно те, кто не только верит в Бога, но и любит Его.

П Р А В Д А С П А С А Е Т

ЭТОТ случай произошел в России очень давно, когда на глухих дорогах рыскали разбойники.

Три мальчика шли на богомолье в монастырь. Каждый имел по несколько монет, как жертву для святых мест.

Из лесу на дорогу вышел грабитель. Он подошел к мальчуганам и, угрожая ножом, спросил первого:

— Деньги есть?

— Нетути, дяденька... Ей-ей нетути!

Мальчик по обычаю перекрестился.

— А это что такое? — рявкнул грабитель, выворачивая карман, из которого упали на грязную ладонь несколько медяков. Мальчик в испуге опустил глаза.

Грабитель также поступил и со вторым.

— А ты деньги имеешь? — спросил он третьего.

— Имею, дяденька...

— Сколько?

— Двугривенный и еще три копейки... Вот они, дяденька...

Чистосердечное признание тронуло сердце разбойника. Он стоял в нерешительности и долго смотрел в чистые, спокойные глаза мальчугана. В них искрились слезы.

— Ты честный мальчик! — сказал наконец грабитель. — Оставь деньги себе. Иди в монастырь и помолись о моей грешной душе.

Сердце разбойника размягчилось и он возвратил медяки другим мальчишкам.

Продолжая путь, честный мальчик говорил друзьям:

— Меня мать учила всегда говорить правду. Только правду или ничего. Правда и спасла нас.

Говорят, правда глаза режет. Не беда. Но правда всегда спасает. А это важнее.

ОН ИСЦЕЛЯЕТ

ОНА рассказала о своей жизни и смотрела на меня такими радостными глазами, словно выиграла миллион.

— Когда регент спросил меня: «Анна, желаешь ли ты петь в нашем хоре?» — я подумала, что он шутит. Наш регент вообще был склонен к юмору, но юмор не

всегда ему удавался. Заметив на моем лице удивление, он повторил вопрос.

Скованная артритом, я вряд ли могла бы подняться на платформу с моими костылями. Все присутствующие уставились бы на меня своими глазами. Кроме того, мой голос слабый, почти незаметный не мог бы усилить хор. Но в это время я подумала о себе: «Ты стыдишься людей. Не хочешь славить своего Бога... Ведь поют-то для Его славы!».

И я ответила регенту:

— Я была бы рада петь в хоре, если вы думаете, что я смогу.

Регент улыбнулся и спокойно заметил:

— Конечно, вы сможете! Я уверен в этом!

В следующее воскресенье я с большим трудом шла впереди хора, едва переставляя мои ноги с помощью костылей. Расстояние в несколько десятков метров показалось мне километром. И, конечно, все смотрели на меня с нескрываемым любопытством.

Хор запел: «О, великий Дух, прийди!...». Когда я включилась в пение хора, Дух Святой начал наполнять все мое существо неопишуемой радостью. Я забыла о моей убогости и пела, вспоминая слова апостола Павла: «Когда я немощен, тогда силен».

С каждой минутой я чувствовала прилив физических сил. Когда умолк заключительный аккорд органа, я поняла, что костыли мне больше не нужны.

Они остались на платформе до сего дня.

С КРЫШИ ФАБРИКИ

СЕГОДНЯ я стоял на крыше фабрики, как на спине огромного серого вздрагивающего телом, чудовища. Возле меня шумели моторы вентиляторов, дрожал асфальт крыши, а снизу, как из подземелья, доносился шум и лязг машин. Там их тысячи и все они поют; гу-

дят, ухают. Из отводных труб вырываются на свободу пары с таким мощным шипением, что кажется пар выбрасывает сам ад. Эти пары сразу же конденсируются и обдают меня холодной дождевой пылью.

С крыши облизанной ветрами, я вижу весь город. В нем больше 200 тысяч жителей. Он разрастается во все стороны. Как ленты город перевязывают дороги, а по ним во все концы снуют автомобили, обгоняя один другого.

По небу плывут клочья облаков. Солнце обкладывает их бесформенные края в золото и пурпур, купает их в море света. На севере, где недавно виднелись снежные отроги Сиерры — Невады, теперь сплошной черной стеной стоит туча. Там идет снег.

Виднеются фермы, зеленые луга, а на лугах, как вуски жести блестят лужи дождевой воды.

Мне надо спускаться вниз. Там ожидает меня работа. Я еще раз бросаю взгляд на окрестность и думаю, как красива земля, когда на нее смотришь с высоты. Но чтобы видеть ее такой, какой она есть на самом деле, мне надо спускаться вниз, где кипит жизнь.

ЛЕШКА - БАПТИСТ

ВЧЕРА перечитывал в газетных вырезках повесть Солженицына «Один день Ивана Денисовича». И это уже в 3-й раз. Читал с увлечением и жадой, как биографию родного брата. Повестью заинтересовался также и сын. Несколько раньше он прочел ее в английском переводе, в журнале «Пост». Теперь он читает по-русски, часто останавливается и обращается ко мне с вопросами:

— Папа, кто такие были кулаки?

— Зажиточные крестьяне назывались кулаками, — отвечаю я.

— А что такое «зажиточный»? — спрашивает он.

— Зажиточными назывались крестьяне, которые имели, к примеру, две лошади, несколько коров и еще кое-что.

— Выходит так, что в Америке все фермеры зажиточные, все кулаки?

Сын продолжает чтение, но вскоре останавливается.

— Папа, что значит «закосить две миски каши»? Лагерники ведь не косили...

— Это образное выражение, — отвечаю я. «Закосить» — это значит незаметным образом взять то, что тебе не принадлежит, — пытаюсь я объяснить это слово сыну.

— Проще говоря, «закосить» — это украсть, — заключает сын и погружается в чтение.

Повесть мало понятна сыну. Он не верит в нее. Мыслимо ли это — выкладывать стену из шлакблоков при 36 градусах мороза! Это быть не может! Люди ведь не животные?

Но в том то и дело, что отношение людей к своим «привившимся» собратьям бывает хуже животного.

Описание одного дня жизни в советском специальном лагере заняло у писателя, бывшего заключенного, 160 страниц. Как будто в этой повести нет ничего нового для нас, бывших советских людей, но читают ее люди с захватывающим интересом.

В повести «Один день Ивана Денисовича» Солженицын наряду со своим героем Шуховым показывает других людей, показывает умело, ярко, как присуще большому таланту. Меня особенно тронул образ Лешки-баптиста. Он тоже зэк. Автор относится к нему с большим уважением. Да и нельзя не уважать такого человека, который умеет в тридцатиградусный мороз, при пустом животе чему-то радоваться: «Рядом с Шуховым (Иваном Денисовичем) Лешка-баптист смотрит на солнце и радуется, улыбка на губы сошла. Щеки ввалились, на пайке сидит, нигде не подрабатывает — чему рад? По

воскресеньям все с другими баптистами шепчется. С них лагеря, как с гуся вода!».

Как это верно и метко сказано! Когда-то ап. Павел писал из римской тюрьмы: «Я уверен, что ни смерть, ни жизнь... ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви во Христе Иисусе, Господе нашем». Тем более, Колымские лагеря.

Солженицын пишет, чему радуется Лешка. Есть у Лешки то, чего не было у других, чего не было даже у самого Сталина, его узурпатора. Есть у Лешки высшая ценность — вера, есть надежда на жизнь вечную и это все, что ему нужно было, чтобы улыбаться.

Устами своего героя Шухова Солженицын далее говорит: «Лешка тихий, над ним не командует только тот, кто не хочет. Безотказный этот Лешка, о чем ни попроси. Каб все на свете такие были...» — рассуждает Шухов.

Этот характерный штрих заставляет меня много думать, проверять самого себя: сохранил ли бы я верность своему упованию, верность моему Богу, оказавшись в условиях Лешки, каторжником в спецлагере, в Заполярье?

Эту повесть я советую прочесть каждому эмигранту. Она учит ценить каждую корочку хлеба, каждый миг свободной жизни, учит ценить семью, здоровье и другие блага, к которым мы привыкли, как к чему-то обыкновенному. Эта повесть учит нас дорожить духовными ценностями. Здесь, в Америке, я рассылаю Евангелие всем бесплатно, объявляя об этом в газетах. А Лешка, оказавшись в многотысячном лагере обреченных, переписывает Евангелие от руки, по памяти и делится этим великим сокровищем с другими зэками:

«Баптист читал Евангелие не совсем про себя, а как бы в дыхание: «Только бы не пострадал кто из вас как убийца или как вор, или злодей, или посягающий на чужое. А если, как христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь». За что Алешка молодец, — пишет далее Солженицын, — эту книжечку свою так

засовывает ловко в щель в стене — ни на едином шмоне (обыске) еще не нашли».

Трудно представить это положение тому, кто не испытал духовного голода, кто живет в плане плотской жизни, по принципу: «была бы кормежка, да подстилка».

Сегодня мы живем в изобилии, не думая о завтрашнем дне. Когда-то Иван Денисович тоже жил не плохо. Стоя в очереди за ложкой лагерной овсянки, он вспоминает: «Сколько смолоду овса лошадям скормил — никогда не думал, что буду всей душой изнывать по горсточке этого овса».

Но ведь такое может случиться и с нами, живущими ныне в благословенной Америке. Народная мудрость гласит: «От тюрьмы, да от сумы не зарекайся».

МОРОЗ И СОЛНЦЕ

«МОРОЗ и солнце, день чудесный!» — так начинается хрестоматийное стихотворение А.С. Пушкина «Зимнее утро». Когда-то, лет тридцать тому назад или больше мы учили его наизусть.

Сегодня пять с половиной часов я работал в огромных холодильниках, в которых стоит десятиградусный мороз, но вместо солнца уныло мерцают лампочки.

Наша фабрика имеет 42 таких холодильника.

Я был одет тепло: пальто, перчатки, шапка. Но мороз легко находил уязвимые места, бешено хватал меня за нос, за пальцы, пробирался к ногам. Каждые 10-15 минут я выходил на солнце, чтобы согреться. Оно лилось с неба золотом в огромные окна фабрики и, как мать, ласкало мои покрасневшие щеки.

И тут я еще больше оценил не только красоту и величие солнца, но и его жизнеизлучающее могущество.

Каждый раз, когда я снова заходил в холодильник, меня обдавал холод с ног до головы. Он, как вор, пробирался за воротник пальто, лез в рукава, безжалостно хва-

тал мои пальцы. И каждый раз это наводило меня на грустные размышления о нашем мире, где господствует царь-холод, где люди не доверяют один другому, где подозрительность и неприязнь отравляют жизнь хорошим и милым людям.

Фальшь пропитала атмосферу этого мира насквозь. Честолюбие и маскировка стали обычным явлением даже в среде верующих. Христос — наше Солнце Правды. Он согревает и освещает наши души, но люди, как в холодильнике. Бьют один другого, как будто от этого им станет теплее.

Больше всего меня печалит то положение, что ледяная атмосфера мира проникает в церкви и там, вместо благовестия Евангелия, люди занимаются «мышинной возней», учреждают и делят между собой должности, шельмуют тех, кто смело обнажает их безумие.

Теперь, когда я связал свою жизнь с изданием газеты «Наши дни», мне стали писать еще больше писем с жалобами на религиозных лидеров. Иногда это выбивает меня из колеи и я, не замечая за собой, становлюсь слишком резким.

Это плохо. Так не должно быть, — говорю я сам себе.

У кого нет никаких интересов к христианскому служению, кроме формального посещения церкви, тому легко казаться добрым. Служение через газету не может остановить вражду между церковными людьми. Они знают Истину больше и лучше редактора. Но нельзя и молчать.

Сейчас много говорят о разоружении. Об этом стоит подумать и церквам, различным юрисдикциям, которые носят имя Христа-Миротворца, а сами, прикрываясь религией, как маской, живут между собой «на ножах».

Церкви должны разоружиться во взаимоотношениях с другими церквами и вооружиться оружием Божиим — Его Словом, чтобы единым фронтом наступать на одного

врага — сатану.

Размышляя обо всем этом в холодильнике во время работы, я забыл о себе, что и мои руки и ноги давно сделались мало подвижными.

— Пойдем, друг, в гости к солнцу, — сказал я коллеге по работе и он охотно согласился.

В фабричной столовой мы сели возле окна, на которое падали пучки желтых солнечных лучей. Через минуту за наш стол сел молодой негр. Он снял свою белую шапку, положил ее рядом на свободный стул и, склонив голову, помолился.

Я протянул ему через стол руку, он нерешительно подал свою. Я крепко пожал ее и назвал негра моим братом.

Пухлые губы негра улыбались, обнажая очень крепкие белые зубы и его улыбка была отражением Того Солнца, в котором нуждается замороженный неверием мир.

ДОЖДЛИВЫЕ ДНИ

ДОЖДЬ начал кропить сухую землю с раннего утра. К обеду подул западный ветер, небо прояснилось, но не надолго. Из-за гор медленно, но неудержимо двигалась

гряда темных туч. Вечером внезапно хлынул дождь. Если я скажу, что дождь лил, как из ведра, в этом не будет преувеличения.

Спустя несколько минут капли забарабанили по полу моей комнаты. В нескольких местах протекала крыша. Это меня встревожило, а младшему сынишке — бабава. Он бегал по комнатам, подставлял свои ручки под капли и тут же пробовал пить дождевую воду.

Через несколько минут шум на дворе прекратился. Дождь притих, словно кто-то повернул небесный выключатель.

Точно так иногда бывает и в нашей жизни. Живет человек тихо и спокойно, не зная о том, что над ним «дырявая крыша». И только дождь обнаруживает состояние крыши.

Недавно встретил человека, о котором давно ничего не было слышно. Он, как и все мы, постарел, поседел, осунулся. Его глаза глядели устало и растерянно.

— Что с вами? Где вы до сих пор были? — спросил я его.

Он спокойно посмотрел в мои глаза и, вздохнув, проговорил:

— Залез в богатство, забыл братство...

Оказывается, на его голову грянул проливной дождь, встряхнул его, разбудил от духовной спячки, открыл ему глаза.

Во время летнего отпуска он поехал в Канаду, что бы посетить своих старых друзей и там в автомобильной катастрофе потерял жену, а сам полгода лежал в больнице. Страховка оказалась просроченной, пришлось все издержки платить самому.

И дальше он поведал мне свою печаль:

— Четыре года работал я дни и ночи не видя света белого а теперь вот высосали меня доктора до последней кровинки. Прогневил я Бога и все пошло прахом...

Сняв очки знакомый долго протирал стекла плат-

ком и о чем-то думал. И я догадался: он думал о том, как полезно человеку время от времени проверять свою «крышу» до наступления дождливых дней.

С радостным, торжествующим гулом вылетают на разведку пчелы, как цыгане на ярмарке, чирикают плутоватые воробьи, почкуются камелии, озабоченно порхают птицы, устраивая свои гнезда.

ОБНОВЛЕНИЕ — ВЕЧНЫЙ ЗАКОН

ПОГОДА сегодня — сплошной праздник.

Удивительно веселое, поющее небо, голубое, чистое, прозрачное. Только на горизонте мелькает одинокая тучка, как потерянный парус на море и трудно понять, то ли она движется, то ли застыла на одном месте.

Велико и необъятно небо, но чтобы войти в него нужно пройти через дверь. «Я есмь Дверь», — сказал Христос.

Город, в котором я живу, украшается зеленью, словно к празднику, дымится парами горячая, нагретая солнцем земля, сады и деревья загораются красками цветения, жадно пьют солнце. Едва уловимый запах сирени уносит меня далеко за океан, где весна еще ласковей и прозрачней.

ют пчелы на разведку, почкуются камелии, как цыгане
ют пчелы на разведку, почкуются камелки, как цыгане
на ярмарке, чирикают плутоватые воробьи.

По широким обновленным улицам города неутомимо снуют автомобили. Приглядываясь к ним, кажется, что люди вросли в свои автомобили, присосались к ним и не могут оторваться. Они обессилены и сама судьба сулила им родиться и умереть на колесах. И вот эти люди крутятся по земле во все концы, смотрят на обновленный солнцем мир безразлично и не замечают, что весна уже вошла в свои права и желает очаровать человека, заманить его в сад, на берег реки, в поле и поговорить с ним от сердца к сердцу.

Зеленые одежды весны скоро выцветут, станут постепенно серыми, местами желтыми, будут просить воды, как можно больше воды и там где будет вода, будет и жизнь.

Это моя пятнадцатая весна в Калифорнии. Зимы как будто вообще не было, были пасмурные дни, были дожди, ветры, иногда заморозки, но это же не зима. Мы, выходцы из средней России понимаем зиму иначе. Где бывает настоящая зима, там и весна желанней, ласковей, более цветуща.

Чудесное превращение времен года, строгое соответствие с нуждами животного и растительного мира убеждает нас в существовании Абсолютного Разума, великой Мудрости, или, скажем яснее — в существовании Бога. И не только в Его пассивном существовании, но и в существовании Его творческой идеи, Его постоянного действия.

Земля нуждается в периодическом обновлении. В этом же нуждается и человек.

Весна на душе — вот то состояние, к которому должен стремиться каждый.

Христос — яркое Солнце Правды светит всегда. Нужно только одно — дать Ему место.

М А Р Т

У Б. Пастернака есть стихотворение «Март». Как и все стихи большого поэта, это стихотворение настолько художественно, что читая его, я почти физически ощущаю дымящуюся жизнь коровьего хлева, слышу болтовню бессонных ручейков, ощущаю лучи мартовского солнца на моей щеке. Пастернак заставил меня вспомнить то, что было почти забыто.

«Чахнет снег и болен малокровьем
В веточках бессильно синих жил.

Но дымится жизнь в хлеву коровьем
И здоровьем пышут зубья вил.

Перед приоткрытою конюшней
Голуби клюют в снегу овес.
И приволья вешнего воздушней
Пахнет далью мартовский навоз».

С какой легкостью и непосредственностью Пастернак превращает в настоящую поэзию родной сельский быт. Это чарующее превращение обыденных явлений жизни в поэзию — не что иное, как дар Божий. И Пастернак это знал.

Понимать и ценить этот дар может только тот, кто сам любит жизнь и понимает ее в духовном плане.

Мне часто влетает от фарисействующей части верующих за мое увлечение поэзией. Разве совместимо Евангелие с поэзией? — спрашивают они. Странный вопрос! Дело не в совмещении, а в том, что истинная поэзия не исключает, а утверждает Евангелие и если хотите — живет им.

Истинная поэзия — ароматный, кристально чистый мед.

ПРЕДДВЕРИЕ ВЕСНЫ

ПОСЛЕ продолжительной непогоды сегодня в Сакраменто выдался солнечный день. Облитая солнцем земля кажется вымытой и помолодевшей. Ветерок разносит запах вспухших от дождя полей, рябит в канавах воду. За оградой, в кустах, перекликается несколько пичужек. Слушая их робкие голоса, я смотрю на квадрат незаселенной земли, поросшей прошлогодней густой травой и думаю о деревне, где я родился и вырос. Там в это время еще стоят морозы, снег не начал таять, на вербах прыгают красногрудые снегири.

Через несколько дней здесь подсохнет земля и бу-

дет похожа на хлебную корку. В мае нужно будет поливать землю и там, где не будут давать земле воды, поблекнет ее красота.

Не такой ли закон действует и в нашей духовной жизни? Без небесной влаги душа человека черствеет. От прикосновения к такой душе, она издает глухой звук, как рассохшийся барабан.

Солнце пригревает настойчиво, в воздухе густеют испарения земли. В такую погоду хочется сложить новую песню и петь ее громко, во весь голос. И как не записать слова этой новой песни, которая сама срывается с уст и просится на бумагу:

Оторвусь от земной суеты,
Обойду эти зыбкие межп.
Для людей расцветают цветы.
Разливается воздух свежий.

Не скорблю, что сгубил года
В этой серой, бесформенной груди.
Никогда, никогда, никогда
Мой Спаситель меня не забудет.

Бесформенной грудой мне представляются разбросанные на двухстах акрах корпуса фабрики. В них я похоронил 15 лет моей жизни. Но что означают эти 15 лет в сравнении с вечностью, обещанной нам Христом? **На Божьих часах это меньше одной секунды.**

Широким непрерывным потоком течет по Америке густой шум торопливой жизни, а в стороне от дорог, сразу же за дышащей жаром фабрикой, поют эти славные пичужки, как бы смеясь над людьми:

— Смотрите вы, люди, как мы счастливы! Мы славим Творца. А вы? Где ваши песни?..

Р У Ч Е Й

В УСТОЯВШЕМСЯ ручье отражен кусочек красивого голубого неба. Ручей был на моем пути и я сбавил скорость автомобиля, чтобы его переехать. По сторонам полетели снопы брызг, исчезло отражение неба, но через несколько минут ил осел на дно, снова заблестела зеркальная поверхность ручья, вода текла чистая и прозрачная и снова синее небо с грядками белых тучек опрокинулась в воду.

Я сказал себе: смотри на это обыкновенное явление природы, смотри внимательно и думай, смотри и бери себе урок. Твое призвание — отражать небо, как сегодня его отражает ручей. Бросят в него камень, в стороны разлетятся брызги, пойдут круги, но через минуту-две вода снова блестит и течет в том же направлении.

Когда я, присев у ручья, размышлял об этом, ко мне пришли слова, которые я записал в трех четверостишиях:

Нет, дорога идет не гладко,
Много ям и фальшивых лиц.
Я в том исписал тетрадку
До последних ее страниц.

Испытал я огонь картечи,
Но душе не знакома месть.
И несут, не сгибаясь, плечи
Этой жизни дубовый крест.

Крест нести мне теперь не тяжело,
Когда рядом Небесный Друг
А февраль в голубой рубашке
Ловит песни мои на слух.

КОГО БОЛЬШЕ?

ПОРАЗИТЕЛЬНЫЕ вещи приходится иногда встречать в практике христиан. Я знал, что среди церковных хористов, которые пением зовут людей к вере в Бога, можно встретить людей неверующих. Но вот недавно мне пришлось разговаривать с регентом одной церкви. Он оказался совершенно неверующим человеком.

Это открытие так меня поразило, что я, несмотря на его пожилой возраст, спросил его в упор:

— Почему же вы воспеваете Христа, в Которого не верите?

Он долго молчал, а потом тихо, как школьник, проговорил:

— Правду сказать, я люблю искусство.

И его хор поет:

«Мы — свет миру,
Спасенье несем»...

«Если свет темнота, то что же тогда темнота? — спрашивал когда-то Христос. Этот же вопрос звучит и сегодня.

От огня первохристианской церкви осталась только зола. Этой золой и дышат номинальные христиане. Эту золу разносит ветер по всей земле. Правда, в этой золе можно заметить отдельные искорки, но как они мизерны! И чаще всего они гаснут на лету, только напоминая о том великом огне, который в свое время сжигал языческий мир.

Язычники сжигали христиан, но на самом деле в этом огне они горели сами. А теперь, по словам одного моего друга среди христиан больше язычников, нежели в Африке. Когда он это сказал, я спросил его:

Как это понимать?

— Очень просто, — отвечал он спокойно. — Если человек любит Бога больше языком, нежели делом, зна-

чит он — язычник.

Теперь посудите сами, кого на земле больше: язычников или христиан?

НЕБЕСНЫЙ САДОВНИК

В САКРАМЕНТО отцветает миндаль. Белая, слегка голубоватая пороша бесшумно садится на траву, делая ее похожей на кружевное покрывало. Еще пройдет неделя и сады начнут убираться в зелень.

В эти дни хозяева усердно работают в огородах, в цветочниках, радуются каждой почке. Они удобряют почву, взрыхляют ее; обкапывают розы.

Нечто подобное делает Творец с нами, людьми. Под рукой Небесного Садовника шиповник превращается в розу, мелкая земляничка в клубнику. Но и хорошее фруктовое дерево может превратиться в дичку, если не будет правильного питания, не будет ухода. Может даже засохнуть.

Так бывает с душой человека. Много «дичек» можно встретить на нашем жизненном пути, а дички, как известно, колючие.

Продешевил человек свою душу, если он всю свою жизнь заполняет одним — благоустройством земной жизни. Самое же худшее есть то, что мы, заглядывая в зеркало, говорим:

— Да, есть еще на свете хорошие люди...

Счастлив тот, кто умеет видеть свои недостатки, кто стремится их исправить.

Пусть сегодня ресцветают камелии, радуя наши сердца, а мы посмотрим на них и, глубоко вздохнув, скажем словами С. Есенина:

«А люди разве не цветы?
О, милая, почувствуй ты,
Здесь не пустынные слова.

Как стебель тулово качая,
А эта разве голова
Тебе не роза золотая?».

Проще и понятней сказал об этом 19 столетий тому назад ап. Петр, бывший Симон Ионин: «Всякая плоть — как трава, и всякая слава человеческая — как цвет на траве, засохла трава, и цвет ее опал; но Слово Господне пребывает вовек» (1 Петра 1:25).

ПРАВДА ПРЕЖДЕ ВСЕГО

Большая статья В. Лакшина «Иван Денисович, его друзья и недруги», напечатанная в «Новом мире» (1964), произвела на меня большое впечатление. Читал и думал не столько о Солженицыне, сколько о самом авторе этой статьи. По его словам он в 1951-м году учился в московском университете, зубрил введенный курс «сталинского учения о языке», ходил на дружеские вечеринки, а в это время далеко на севере, в Усть-Ижме доходил кровавым поносом Иван Шухов, осужденный за «измену родине». Об измене родине он не имел никакого представления: просто вышел из окружения немцев и угодил в лагерь.

В. Лакшин пишет о Шухове с большой симпатией, выделяет героизм Солженицына, умело отражает нападки партийных критиков.

Читая статью, нельзя не чувствовать ту идеологическую скрытую борьбу, которая то разгорается, то угасает в литературных кругах России.

Лакшин пишет: «Сталин отгораживался от народа государственными карательными органами, относился к трудовым людям с плохо скрытым презрением», но теперь пришло время сказать обо всем правду.

На 23-м съезде партии в Москве было много выступлений по вопросам литературы и все они, касаясь повести Солженицына, подчеркивали ее отход от исто-

рической правды.

Не самобичевание ли это?

Вот что сказал В. Кожевников в своей речи: «Мы сталкиваемся с явлениями, когда отдельные наши литераторы попытались взять в творчестве Льва Толстого самое реакционное, что связано с каратаевщиной. Эта каратаевщина была в произведении А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Тоже самое мы обнаруживаем в повести В. Семина «Семеро в одном доме», а также в повести В. Быкова «Мертвым не больно».

«Мне думается, — заключает Кожевников, — что такие издержки связаны с тем, что эти писатели отступили от исторической правды действительности».

По-моему, эти писатели не отступили от исторической правды, а немножко ее приоткрыли.

РУКИ МАТЕРИ

У поэта Е. Старшинова есть стихотворение, посвященное женским рукам. Оно мне очень нравится и я вспомнил о нем в связи с «Днем Матери». Когда поэт говорит о женщине, он имеет в виду в первую очередь мать. Ведь основное призвание женщины — быть матерью, быть проводницей жизни из рода в род.

Вот что пишет Старшинов:

«Женские руки — добрые руки,
В будни и в праздник не ведают скуки:
Варят борщи, пеленают детей,
В час неурочный встречают гостей.
Надо — сумеют, всюду успеют:
Раны залечат, душу согреют.
Стойки в любви, терпеливы в разлуке
Милые, добрые, женские руки...»

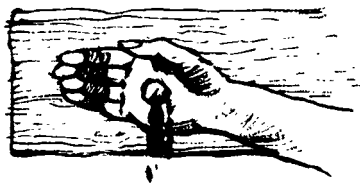
Вспоминаю руки моей матери: сухие, мозолистые и в то же время нежные и ласковые. Сколько дел они

должны были сделать каждый день и между делами найти время, чтобы погладить вихрастую голову сына.

Не помню и не могу представить себе мою мать, сидящей сложа руки. Для ее рук всегда находилось дело.

Нельзя забыть еще одни руки — руки Христа, благословляющие, исцеляющие, кормящие и потом... истекающие кровью от ран, руки, пробитые нашими грехами.

Здесь есть о чем подумать.

ЕЩЕ РАЗ О ПОГОДЕ

УДИВИТЕЛЬНОЕ свойство имеет погода. Она неотразимо влияет на человека, вызывает приятные или неприятные воспоминания.

Но я знаю одного человека, который не поддается влиянию погоды. У него всегда плохое настроение. Судя по погоде, по тому, как празднично светит солнце, как нежно и молодо выглядят городские парки, как ласково небо — ему бы надо радоваться, носить улыбку, а он, встретив меня, кисло проговорил:

— Слыхал? Опять Китай грозит Америке! Теперь у них атомные шарики имеются. А их больше не надо, как полдюжины, чтобы парализовать страну.

Днем раньше моросил дождик, незаметный, тихий, теплый. Улицы города дышали свежестью. Я встретил того же знакомого у входа в большой продуктовый магазин.

— Здравствуйте! Как жизнь, сосед? — спросил я его.

Та же кислая улыбка и почти те же слова:

— Жизнь никуда не годится. Опять цена на кофе поднялась!..

— Как ваша жена? — спрашиваю.

— Как всегда: не живет и не умирает...

Минуту спустя он меня наставлял:

Не посылайте посылки родственникам в СССР!..

— Почему?

— Во-первых, они их не получают. Получают другие, а они только подписываются. А во-вторых, их рано или поздно прикончат...

Обсуждать этот вопрос у меня не было ни времени, ни настроения.

Дождик перестал также незаметно, как и начался. От упавших с неба лучей, как в позолоте, блестели тротуары. С крыши магазина слетела стая голубей. Они дружно ворковали, собирая рассыпанное зерно.

Хороша птичья жизнь, когда никто в них не стреляет!

Но ведь тоже самое можно сказать и о человеке.

В ВЕСТИБЮЛЕ БОЛЬНИЦЫ

В ВЕСТИБЮЛЕ больницы, где я сижу долгое время, стоит подозрительная тишина. Едва слышно, как посетители перелистывают страницы журналов. Пожилой мужчина постучал трубкой о пепельницу, громкоговоритель дважды повторил имя доктора Ли, должно быть китайца. И опять тишина повисла в зале, залитом солнечным светом.

За толстыми стенами операционной доктор делает операцию моей жене. Прошло четыре долгих часа. По коридору больницы бесшумно, как бабочки, порхают медицинские сестры-монашки. Они любезны, приветливы, всем улыбаются.

Лечить больных, ухаживать за ними — великое, бла-

городное служение. И когда моя десятилетняя Наташа говорит: «Папа, я буду норс...» — я ей отвечаю: обязательно будешь, если будешь любить больных людей. Ксения, старшая дочь, говорит: «Я буду учительницей». Старший сын хотел быть летчиком. Дети не знают того, что человек предполагает, а Бог располагает. Будущее не в наших руках. И это хорошо. Какой неинтересной была бы наша жизнь, если бы до точности мы знали сегодня, что будет с нами завтра.

И все-таки, стремление, желание, планы на будущее — неотъемлемая часть нашей жизни.

Госпиталь в некотором смысле почти то же, что и тюрьма. У обитателей этих заведений есть время подумать о себе. А как это важно — подумать о себе, о своей душе.

Людам, живущим в Америке, некогда прислушиваться к запросам души. Человек так осложняет свою жизнь, что подумать о себе он находит время только в больнице.

Человек не дружит с типшиной. И в этом начало его бедствий.

Жену вывезли из операционной в 2 часа дня. Разговаривать с ней нельзя. Она все еще спит под наркозом, ее ноги затянуты бинтами.

Доктор, довольный успехом операции, похлопал меня по плечу и сказал:

— Эта операция берет время. Спешить нельзя.

И я подумал: 300 долларов за 4 часа... Это уж не так дорого.

ВОДА — МОЙ УЧИТЕЛЬ

ТРИ маленьких ручейка говорливо текут с горы, густо покрытой кустарником. Вода в них чистая, как кристалл, но не пробуйте, нагнувшись, напиться. Вода горячая, как кипятки, минеральная вода.

Эти три ручейка текут в одно место, образуют вро-

де криницы, а оттуда вода стекает в бассейн, расположенный возле Маркервиля, в Калифорнии.

Я стою на вершине холма, смотрю на молчаливые, словно задумавшиеся, горы. Внизу, как на ладони, светится голубизной бассейн. Я слышу русские голоса купающихся. Некто рассказывает о жизни в Китае. Я думаю, как удивительно складываются судьбы людей. Жизнь их толкает из страны в страну, из города в город, они теряют старых друзей, находят новых и в этом круговороте они стареют, теряют интерес к жизни.

Ручеек бежит, журчит, теряется в траве и снова сверкает на солнце, напоминая нашу жизнь. Он течет туда, вниз, где зеленый пейзаж, как на картинке, переливается в мягком свете заходящего солнца. Если ручью преградить дорогу, он свернет в сторону, найдет себе другую дорогу и побежит туда, где ниже.

Я беру эту целебную воду в бутылки и думаю о ней. Мне хочется, чтобы вода стала моим учителем. Вода никогда не стремится на вершину, на высоту, вода уступчива, хотя и сильна. Вода течет туда, где открывается ей дорога. Если на ее пути положена плотина, она остановится, но как только устранится препятствие, она снова потечет в своем направлении.

Не случайно Христос Слово Божие сравнил с водой. Течет она по миру, напоая жаждущих. Кто хочет пить, тот нагнется и утолит жажду.

Гаснут последние лучи солнца. Оно прячется за гору, похожую на верблюжий горб. А внизу, на зеленой долине мелькают серые точки. Это козы выходят на ночную прогулку.

ПОД ПРОЛИВНЫМ ДОЖДЕМ

ДОЖДЬ. Дождь. Дождь...

Дождь идет целую неделю.

Крупные, как горох, капли с огромной силой бьют

в переднее стекло автомобиля, стекая по нему ручьями. Еще успевает смахивать воду очиститель. Шум падающего дождя сливается с гулом мотора и кажется гудит вся земля, окутанная непроницаемым мраком.

Жутко бывает на земле в такую пору. Разбушевавшаяся стихия кажется неукротимой, но сознание горит другое: есть Тот, Кто управляет стихией.

Полночь. Сакраменто осталось далеко позади. Дождь не унимается ни на одну минуту. Кажется, я не еду, а плыву по шоссе. По сторонам мелькают темные силуэты телеграфных столбов.

Я спешу, чтобы не опоздать на литературное собрание в Лос Анжелосе. Серое свинцовое небо начало проясняться в Бекерсфильде, постепенно открывая очертания величественных гор. И хотя дождь почти не сбавляет своего темпа, но на душе становится веселей от света, ниспадающего на землю сквозь редящие облака.

Свет. Утро. День. Чудесные Божии дары! Вспомнились слова Христа: «Мне должно делать дела... доколе есть день; приходит ночь, когда никто не может делать».

На вершинах гор белеют лоскуты нестывшего снега. Они похожи на лебедей, усевшихся там на отдых после большого перелета. В долины по разбойничьи врывается ветер, гнет к земле зелень, бросает снопы дождя на отвесные скалы. Бурлит рыжая вода и, образует столбы бурой водяной пыли.

И вот я в Лос Анжелосе. Дождь перестал на несколько минут и снова усердно принялся поить землю. На улицах людей не видно. Плывут автомобили — большие и маленькие, плывут осторожно, будто крадучись.

К 6 часам вечера дождь усилился. Подгоняемый ветром, он косил так настойчиво и смело, словно хотел быть моим личным врагом. Во мне исчезла надежда, что найдутся люди, желающие выйти из своих теплых,

благоустроенных домов и рисковать на дорогах жизнью.

Ровно в 7 часов вечера в уютном и обширном помещении церкви с благословенным именем — Вифания, было свыше 100 человек.

По крыше неустанно стучит дождь, барабанит в большие, художественно отделанные окна, но этот шум поглощают человеческие голоса, поющие о любви Божией, о Его мудром управлении вселенной, о Его чудесном плане спасения человека.

Литературное собрание в такую погоду — это своего рода экзамен нашей любви к живому свидетельскому слову, проверка нашей преданности апостольскому совету: «В усердии не ослабевайте; духом пламенейте; Господу служите» (Рим. 12:11).

Перед чтением стихов я рассказал слушателям об одном старом проповеднике, который любил всегда за все благодарить Бога. Каждую свою речь он начинал молитвой благодарения. Однажды он был приглашен в соседнюю церковь, но в это время пошел большой дождь, холодный ветер валил с ног путников. Церковь давно уже была в сборе, а проповедник опаздывал. Наконец, промокший до последней нитки, усталый, изнемогший он вошел в зал и направился к кафедре.

Прихожане шептались:

— Интересно, за что он будет сегодня благодарить Бога?

А старик, смахнув платком капли дождя со своего лица, начал молиться:

— Господи, благодарю Тебя, что такая погода, как сегодня, бывает не каждый день...

ПЕРЕД СНОМ

ДЕНЬ подходит к концу. Две запоздавшие вороны украдкой пробираются к парку на ночлег. Словно сквозь сито начал накрапывать дождик.

Ласковое тепло наполняет мою комнату. Сердце, опустошенное фабрикой, отдыхает перед раскрытой книгой псалмов Давида, великого поэта древности. Его псалмы — первый песенник христиан. Три тысячи лет они служат благословением для людей всех наций и всех рас.

Поэтический дар Давида особенным образом выразился в 22-м псалме, в песне о Добром Пастыре.

Какая радость: Он покоит меня на злачных пажитях!». Какая уверенность: «Я ни в чем не буду нуждаться!». Какая надежда: «Не убоюсь зла!». Какое желание: «И я пребуду в доме Господнем многие дни».

Да, верующие люди — не сироты.

Я читал и перечитывал этот псалом, прислушивался к звучанию этих чудесных слов, приятных и ободряющих. С полным миром на душе я лег отдыхать. Не знаю, почему не спалось. Когда в комнате погас свет, через окно увидел, как ветер настойчиво качал абрикосовое дерево. Над деревом раскачивался телефонный провод. В голове закрутились слова. Я мысленно сложил их в строки, включил на минуту свет и записал, чтобы не забыть:

Пустая ветка к земле не гнется,

Осенний ветер не гладит нив.

Христос — мой Пастырь, легко живется,

Христос — мой Пастырь и я счастлив.

Я уже почти уснул, как за стеною ласково завыли собаки, прогудел и сразу же умолк мотор автомобиля. Это сосед возвратился из кинотеатра.

— Радуйся, Николай, — говорю я сам себе: «Чаша твоя преисполнена».

ДРУЗЬЯ И НЕДРУГИ

«НЕ ИМЕЙ сто рублей, а имей сто друзей», — говорит русская пословица. Но здесь возникает вопрос: где найти сто друзей в наше время? Сто рублей заработать гораздо легче, нежели приобрести одного настоящего друга.

Как приобретать друзей? Вопрос большой, но ответ на него очень прост: будь сам другом и, если возможно, для всех — и у тебя будут друзья. Пусть одни оставят тебя на полдороге, забудут, пройдут мимо в трудную минуту, другие — изменяют завету дружбы, но кто-то обязательно останется с тобою.

Меня всегда трогает библейский образ Ионафана, друга Давида, когда он еще не был царем. Какая верная дружба была между ними! Сколько было в этой дружбе романтики и нежности! Их дружба была сопряжена с опасностями. Но оба остались ей верными до конца.

Можно ли найти пример такой дружбы в наше время?

В Чикаго, тихо, почти незаметно, живет поэт Сергей Дружинин. Теперь он пишет редко, но одно из его стихотворений вызвало в христианских кругах полемику. Оно начиналось словами:

«Я не верю больше в человека»...

Это полное противопоставление толстовской философии: «Все в тебе, человек!». М. Горький тоже говорил устами своего героя Сатина: «Человек — это звучит гордо!».

Звучит-то это слово, конечно, гордо. Но и в самом человеке столько гордости, что он зачастую не видит перед собой другого человека, такого же, как он, с такими же правами на жизнь.

Вера в человека, даже в таких «гениальных», ка-

кими были некоторые вожди, не только не оправдала себя, а покрыла себя позором. Сколько великих и гениальных ввергали человечество в беду?!

В этом смысле С. Дружинин прав.

С. Дружинина я знаю с прошлой войны. Он пережил ужасы немецкого плена. После войны я встретил его снова. Это было в Оберферинге, в пригороде Мюнхена, пропахшем молоком и навозом. Там были чудесные сады, несдалеке протекал Изар. Такое захолустье было хорошим укрытием от глаз агентов «отца народов». В ту пору мы прятались кто как мог и писали стихи о родине-матери, обратившейся к нам мачехой:

Сколько всюду таких, как я!

Разбежались твои сыновья.

О когда же ты, мачеха-мать,

Будешь нас, как детей принимать?

Чуждыми путями Сергей Дружинин пришел к вере в Бога. Я знаю, он бережет эту веру, потому что вера в Бога, а не в человека, никогда никого не подвела, не обманула.

И человеческая дружба, основанная на такой вере, имеет глубокие корни.

Эти корни берут начало в любви Того, Кто возлюбил нас «до смерти и смерти крестной».

О ХЛЕБЕ

КОГДА за окном моросит дождь, а он моросит на этой неделе каждый день, я люблю в нашей фабричной столовой садиться у окна и, разжевывая пищу, как учит доктор, смотреть, что делается на дворе. Небо истекало мелким напористым дождем, капли дрожали на окнах, их сдувал ветер, но они тут же рождались снова.

Доктор советовал мне есть медленно, ни о чем не думая во время еды. Но как это трудно ни о чем не думать! Внушаю сам себе: ни о чем не думай. не думай,

не думай... А оно, как сказал бы Маяковский, думается и «никаких гвоздей».

Небо закрыто серым одеялом туч. Иногда оно на время светлеет, но через несколько минут выплывает новая гряда туч и дождь снова сечет по окнам, стекая крупными каплями.

За моей спиной раздается бодрый русский голос:

— Мечтаете?.. Ха-ха...

— Немножко.

Это был мой знакомый литовец. Он присел у стола и, заметив передо мною развернутую газету спросил:

— Что пишут? Пшеничка, значит, поплывет в СССР? Ха-ха...

— Уже поплыла, — ответил я.

— Какие тупые эти американцы! Хлеб отдают врагу...

— Не отдают, а продают, — заметил я.

— Это одно и тоже. Кормят тех, кто их собирается закопать... — возмущенно говорил мой собеседник.

Я никогда не был политиком и чтобы закончить разговор, сказал:

— Вы знаете поговорку: «Не рой яму другому, сам в нее упадешь». Так бывает с каждым, кто хочет закопать другого.

Бескровное лицо литовца хмурилось, складками морщился лоб. Он говорил громко, как оратор, размахивая руками:

— Если хлеб остается — брось его в море, а не давай врагам. Я так понимаю.

— Друг, — заметил я, — хлеба коммунистам хватает. Они всегда имели хлеба вдоволь. Даже в 1933 году, во время голода. Хлеба не хватает беспартийным, простым рабочим людям. А еще я хочу напомнить слова Христа: «Когда голоден враг твой, накорми его». А русские люди — не враги, а друзья наши.

Литовец громко, истерически рассмеялся и сквозь

смех выдавил слова:

— Ну и простак же вы, евангелисты! Ну, прямо дети...

В тот же день я прочел в статье К. Померанцева известного критика, живущего во Франции, следующие слова: «В эмиграции существуют злопахатели, которые не замедлили бы поставить сорокапудовую свечу своему богу, если бы узнали, что в СССР вымерло от голода половина населения».

А ведь верно сказано. Очень верно. Люди с такими чувствами не имеют ничего общего с христианством.

АПРЕЛЬ

Апрель...

Мягко, нежно и приятно звучит это чудесное слово! Апрельское солнце, апрельский воздух, апрельские сады.

Сегодня на рассвете я вышел во двор и долго любовался распростертым безмолвным небом. Оно глядело на землю голубыми глазами угасающих звезд, узорчатые лапы деревьев едва шевелил ветер.

Как хороша земля в апреле, когда реки входят в свои берега, расцветают сады, птицы выют гнезда, поля зеленеют всходами.

Ранним утром улица, где я живу, молчит, словно притаилась в ожидании чего-то. Но пройдет полчаса и загудят моторы, по улице будут снова автомобили, дети пойдут в школу.

Тишина свежего, раннего апрельского утра наводит на раздумье, готовит душу к встрече шумного светлого дня. Через несколько минут из-за гор величаво выплывет солнце, улыбнется земле искристой улыбкой, обольет золотом крыши домов. Моя рука невольно тянется к блокноту, чтобы записать первые слова этого дня:

Золотится зарево восхода,
Как стекло, береговая гладь.
Хороша апрельская погода,
За рекою тишь и благодать.

Бог дает нам хорошую погоду, благоприятное время, но не всегда мы правильно его используем. Бывает так, что в хороший апрельский день надвинутся тучи нехороших, бесконтрольных мыслей и тогда в апреле нас одолевает зимнее настроение.

Держать мысли под контролем, уметь владеть собою — это искусство, которому должен научиться каждый христианин. «Помышляйте о горнем», — советовал ап. Павел фессалоникийцам. Этот совет вполне подходит и для меня.

ИСКРЕННЯЯ МОЛИТВА

ИЗВЕСТНО, как искренне и доверчиво молятся дети.

Один отец рассказывал, как перед сном молился его сынишка: «Боженька, спасибо за папу, за маму... Благослови и храни их. Храни моих сестричек, храни меня... А также храни и Себя, Боже, потому что если что-нибудь с Тобой случится, что мы тогда без Тебя, Боже, делать будем?..».

Мальчик не мог даже представить, как можно жить без Бога.

К такой вере зовет нас Христос.

Вспомнился попутно рассказ вытающейся миссионерки Марии Васильевны Силоди. Помню, она рассказывала, будучи в Германии:

— Однажды, на наше женское молитвенное собрание пришел новообращенный брат из «Дипи». «Помолитесь о моей жене, сестры дорогие», — попросил он. «Жизни мне от нее нету. Совсем из барака гонит, бро-

сает в меня кастрюлей...».

— Когда сестры молились, брат не выдержал и начал сам громко молиться приблизительно так: «Господи, спасибо Тебе, что Ты спас меня такого грешника, умер за меня на кресте... Сделай же и жену верующей...».

— Тут брат расплакался и сквозь слезы выдавил слова: «Господи, как тяжело мне жить с женой! Ведь она же теперь меня бьет... Нет, Господи, Ты знаешь, как мне тяжело с женой».

Да, это тоже была по-детски искренняя молитва.

Господь Иисус знает, как искушаемым помочь. И помогает.

И С П О В Е Д Ь

СКОЛЬКО на свете людей — столько судеб, столько человеческих историй. И все они отличаются одна от другой.

Много у меня было встреч с людьми, но не все остаются надолго в памяти.

Об одной встрече, которая не забывается и поныне, я хочу рассказать сегодня.

Было это летом 1949 года. Шел четвертый год после окончания 2-й мировой войны. Бараки, бывшие военные казармы, все еще были переполнены беженцами или, как их тогда называли, перемещенными лицами.

В это время мое сердце пылало огнем свидетельства о спасающей благодати Христа. Часто в выходные дни я уезжал в лагеря со Словом Божиим. Это было мое счастье, моя радость, мое призвание.

В эту минуту я пробую, закрыв глаза, представить в своей памяти баварский городишко Бертесгаден, приютившийся у подножия величественных Альп.

Вспоминаю вьющуюся в долине дорогу от железнодорожной станции к лагерю, огромный деревянный крест у дороги со страшным, потемневшим от времени распятием Христа.

Рядом стояла скамейка. И там я впервые встре-

тил этого русского человека, фамилии которого я сейчас не могу припомнить.

Он сидел на скамейке один. Солнце только что спряталось за горы, но небо все еще горело золотым огнем. Клочок затерявшегося облака висел над отрогом горы, будто был к ней незримо привязан.

На скамье сидел пожилой человек и мечтательно смотрел в ту сторону, где виднелись постройки гитлеровского бункера, его тайной резиденции.

Взглянув только один раз, в нем нельзя было не узнать русского. Да, это был русский человек. Рыжеватые усы со слегка завитыми краями, русского фасона кепка, выдававшая виды, небритое лицо и перекрашенная в черную краску американская куртка — все выдавало в нем славянина и я, поздоровавшись, спросил:

— Ведет ли эта дорога в лагерь?

— Издалече? — спросил он меня вместо ответа.

— Из Мюнхена.

— Значит из самого центра?

— Как будто так, — согласился я, присаживаясь.

Разговаривал старик охотно и тут же проводил меня до лагеря, к бараку, где на другой день должно было быть евангельское собрание.

Я не преминул случая пригласить старика на собрание. И он пришел, охотно взял из моих рук маленький песенник, изданный шведской миссией, он пел с нами гимны, не заглядывая в песенник. Когда он пел, мелкие слезинки тихо одна за другой падали из его глаз и прятались в рыжеватых усах.

После собрания, старик отозвал меня в сторону и сказал:

— Мне надо с вами поговорить...

Перед вечером мы снова пришли ко кресту, на ту скамейку, где встретились впервые.

И сот приблизительно что рассказал мне старик:

«Я, браток, конечно верующий, всегда в Бога верил, но не всегда был Ему верным. И вот за это потерял свою семью и на чужбине оказался. Поводил меня дьявол по широким дорогам, а Божье око все равно надо мною было. И Он опять нашел меня и привел в Свое стадо».

Старик немного прослезился, но это были слезы умиления и радости, что он снова с Богом и Бог с

ним.

«До коллективизации жили мы хорошо. Отделил меня отец с одной лошадкой, а года через четыре у меня была пятистенная хата, два коня, три коровы, овец штук двадцать, гусей с полсотни. Две дочки росли на радость. В нашем селе была баптистская церковь, я и жена были членами, но чем больше меня Бог благословлял в хозяйстве, тем я становился скупее. Из-за этого у меня с женой часто неприятности были. Характеры были разные: Она хлебосольная, а я любил приберечь на черный день.

Однажды я поехал на ярмарку. Приехал домой, а жена мне говорит:

— К нам тут приезжали братья из района. Начали они строить молитвенный дом, а денег не хватило. И мы тут жертвовали, кто что может.

— Ну, и ты, наверно, опять раскисла?..

— Да... Корову пожертвовала... На молоко, буренка, не годится, мы ведь продать ее решили...

— Буренку пожертвовала?

— Ну и задал же я тогда жене буренку! Без меня хозяйничать? Ничего не дам!..

И не дал.

А зимой, — понизил голос до шепота, продолжал мой знакомый, — меня обложили твердым заданием, потом описали имущество и приехали раскулачивать.

— Все я терпел: и когда курей ловили, и когда подушки резали — золото искали — все терпел. И когда у дочерей сняли с ног валенки, а дали лапти — все терпел. А вот когда выводили буренку из сарая, которую я не дал на дело Божие, тут я и не вытерпел. Как только корова жалобно заревела, я упал на колени и начал молиться:

— Господи, прости меня непослушного, и неразумного. Поскупился отдать корову на Твое дело, теперь забирают ее на сатанинское дело...

— Тут меня так ударил по голове председатель, что я и сознание на время потерял.

— А потом сослали меня на солонки к дедомой, в свое село, я уже больше не вернулся...

Мой собеседник плакал. Тяжело было ему об этом вспоминать. Я дал ему возможность выплакаться, а потом там же, у креста предложил вместе помо-

литься.

В лагерь мы возвратились уже когда стемнело и на востоке зажглись первых две звезды.

О ПОВЕСТИ А. СОЛЖЕНИЦИНА

МНОГО говорили и писали о повести А. Солженицина «Один день Ивана Денисовича». В одно время в СССР предполагалось эту повесть экранизировать. Можно представить, каким бы был этот трогательный фильм! Ведь съемки, вероятно, и сегодня можно делать с натуры.

Как-то в Нью Йорке состоялся доклад Р. Гуля о героях этой повести: о Шухове и о кристально чистом образе Лешки-баптиста. И когда я читал об этом докладе в газете, мне пришла мысль: а ведь и я могу оказаться в такой обстановке. Недаром же русская пословица гласит: «От тюрьмы, да от сумы не зарекайся».

Сегодня многие из нас, садясь за стол, забывают благодарить Бога, а Лешка-баптист благодарит Бога за двухсотграммовую пайку черного мерзлого хлеба.

Солженицин пишет: «Алексей лицо в ладони окунул, молчит, молитвы читает». Значит, можно и молча читать без слов, не смущаясь окружения эзков.

Вчера я посетил знакомого, агронома по образованию. Я давал ему газеты, где печаталась повесть Солженицина.

Минут пятнадцать блуждал я в сизом тумане. Он густо окутывал город и я не заметил, как проскочил мой ориентир — мост через железную дорогу.

Знакомый сидел на мягком диване, развалившись перед экраном телевизора. Стол после ужина еще не был убран и запах жареной с луком баранины наполнял комнату.

— Не читал я эту повесть, — ответил на мой вопрос знакомый. — и не буду.

— Почему же?

— Она, оказывается, печатается из советского журнала, а там правды нет.

— Вы сначала прочитайте, — настаивал я. — Не будьте крайним.

— Я и есть крайний: они на одном краю, я — на другом...

Мой знакомый — христианин. Хотелось мне предложить ему вместе помолиться о русских людях, подобных Ивану Денисовичу, подобных моему однокласснику Лешке, но все внимание моего знакомого оставалось на экране телевизора и мне ничего не оставалось, как сказать «спокойной ночи».

Когда я ехал домой, туман был еще гуще. Такой же туманной показалась мне идеология тех эмигрантов, для которых главное в жизни — уют и сытый

желудок, а все остальное, весь мир — пусть превратится в пепел.

Эта философия — «моя хата с краю...» не только опасна, но и преступна.

ПРИМЕР ЦЕРКОВНЫМ ЛИДЕРАМ

МЫ — ХРИСТИАНЕ. Это наше имя. Оно велико, потому что велик наш Учитель. В свете Его учения можно видеть, что те люди, которые стремятся господствовать над своими собратьями, не знают Христа. В этом основная причина церковного неустройства.

Около двух тысяч лет тому назад, в Палестине, в жаркий апрельский день, можно было видеть группу мужчин, идущих в одном направлении. Их было двенадцать. Они шли не спеша и о чем-то спорили.

Вперед, на некотором отдалении от них, шел их Учитель в одежде раввина. Это был Христос. За ним следовали Его ученики и спорили между собой о том, кто из них больший?

Спор за первое место показал о том, что ученики в то время еще не знали сущности учения Христа. Их желание быть ближе к Учителю было опорощено нечистыми побуждениями. Сыновья Заведеевы, Иаков и Иоанн, решили просить мать поговорить с Иисусом, пока Петр не успел занять первое место, чтобы это место получить им. А Петр думал иначе: Первое место должно принадлежать мне. Ведь не кого-нибудь другого, а меня Иисус называл камнем...».

Христос, идя впереди, слышал этот спор. Он читал мысли Своих учеников. Однако, Он спросил их: «О чем вы говорили?».

Ученики молчали. Им было стыдно признаться, что спор шел о первенстве.

О том, что было потом, подробно описал Иоанн: «Иисус, встал с вечери, снял с Себя верхнюю одежду и, взяв полотенце, препоясался; потом налил воды в

умывальницу, и начал умывать ноги ученикам и отирать полотенцем, которым был препоясан».

Христос омыл ноги Своих учеников, в том числе и ноги Иуды, сказав об этом: «Я дал вам пример». Этим примером Он изменил их понятия о том, кто из них старший?

Если бы в этом свете видели себя церковные лидеры, у нас никогда бы не было делений и разногласий.

КАК ЧИТАЕШЬ?

НЕМНОГИЕ, но все-таки читают люди Евангелие, но читают по-разному и потому не все читающие получают от этого существенную пользу.

Вчера я слышал рассказ об одном человеке, который просил верующих:

— Почитайте мне что-нибудь из Откровения.

Другими книгами он не интересовался.

Вскоре выяснилась причина. Этот человек имел много припрятанных «николаевских» денег, оставшихся у него после революции. Теперь ему хотелось знать, что говорит Откровение о восстановлении царского режима, о будущем России. Восстановится ли монархия? Если да, тогда, конечно, «николаевки» пошли бы в ход.

Ясно, что чтение Евангелия с такими корыстолюбивыми побуждениями пользы душе принести не может.

Когда-то Христос спрашивал у законника: «Как читаешь?».

Очень важно читать Евангелие с открытым сердцем.

Известно, что М. Горький, путешествуя по России, имел в своей дорожной сумке Евангелие. Об этом подробно раскрывает его лучший биограф И. Груздев. Горькому приходилось по ночам читать псалтирь у изголовья покойников. Это чтение давал молодму Алеше рублевку, а умершему ровно ничего.

Мой знакомый, проживающий ныне в Редвудсити, в Калифорнии, как-то рассказывал:

— А я ведь тоже читал псалтирь над покойниками. Бывало читаю час, другой, третий, глаза смежаются, язык заплетается, а я все читаю. А однажды меня изрядно-толкнула в бок старушка и крикнула над ухом:

— Как читаешь?

Оказалось, что побежденный сном я произносил случайные слова без всякого смысла. Старушка догадалась в чем дело и меня встряхнула.

ВСЕМУ СВОЕ ВРЕМЯ

ПОСЛЕ трудового дня на фабрике решил несколько минут отдохнуть за легко читаемой книгой. Взял с полки «Егор Булычев» М. Горького. Но и здесь, в этой пьесе я не нашел того, что можно легко читать. В ней тоже проповедуется та философия жизни, о которой люди обычно начинают думать только перед смертью.

Егор пытается обвинять Бога в том, что Он, Бог, не может уберечь человека от смерти. По его понятию смерть — высшая несправедливость, а не закономерность. Умирая он говорит: «Все умирают? Зачем? Ну, пускай все, а я зачем?..».

Видно, М. Горького занимали вопросы человеческого бессмертия, он думал об этом, но не дошел до понимания жизни в ее высшем плане. Горький не верил в загробную жизнь и его неверие всегда стояло на пути к разгадке смысла жизни.

Горький с большой художественной силой показывает, как больной Булычев сражается со смертью. Вокруг него, умирающего, мечутся в панике злые, корыстные, алчные домочадцы, мечутся, как воронье, ждут, чтобы скорее поделить наследство. А Егор говорит своему домашнему лекарю-трубачу: «Глуши их, Гаврило! Глуши! Труби конец миру!».

Но это был конец не миру, а конец Булычеву, прожившему жизнь без Бога, без Христа, без надежды на жизнь вечную. Перед лицом смерти Егор осознал, что его жизнь — загублена, что он должен был жить иначе, итти другим путем.

Но итти новым путем было уже поздно. Всему свое время.

Одно остается мне непонятным: почему многие люди, зная все это, не хотят примириться с Богом вовремя, чтобы не метаться в агонии страха перед смертью.

Как, должно быть, мучительно страшно расставался большой писатель со своей земной жизнью, если не хотел верить, что смерть — это только перемена адреса.

НА ГРУДИ ПРИРОДЫ

НАКОНЕЦ, я вырвался из цепких объятий шумного города и сегодня отдыхаю на груди природы. Три часа нас катил автомобиль к берегам «Серебряного озера». Оно расположено на высоте 6 тысяч футов, в нем стаями ходит форель и несколько рыболовов замерли в лодках, ожидая клева.

Вокруг стеной стоят скалистые горы. Они ярко отражаются в зеркальной глади озера: вот-вот, кажется, сорвутся их снеговые шапки и полетят в бездну холодного синего пространства.

Если подойти ближе к берегу, в озере можно увидеть свое отражение, а если бросить в озеро камень громко булькнет вода и долго будут расходиться круги.

Так как рыба не ловится, я взял блокнот и записал первые слова нового стихотворения:

Я вдыхаю свежесть горную
Этих диких, дальних мест.
Мне, наверно, Калифорнии
Никогда не надоест.

Записи прервал сын. Он слишком смело прыгал с камня на камень с удочкой, разбил колено, нужно было останавливать кровь.

Теперь я выбрал удобное место, присел под коренной сосной, смотрю на открытые взору красивые дали и думаю: как велик и чуден мой Бог!

Некоторые говорят, что им очень трудно верить в Бога, а я это никак не могу понять. Мне кажется наоборот: как трудно не верить в Творца, когда видишь такой чудесный, разумно устроенный мир? Если на одно мгновение допустить, что все то, что меня сегодня окружает — эти горы, озера, ручьи, эти цветы и травы, этот воздух и это солнце — вся вселенная есть ни

что иное, как бесформенная, никем не созданная машина, тогда жизнь теряет всякий смысл. Тогда зачем трудиться и страдать? Зачем гнуться под житейской ношей?

Но если я, посмотрев еще раз вокруг себя, вижу во всем творческую руку Творца, Его мудрость, Его силу, тогда Бог становится для меня реальной личностью и мне хочется радоваться и жить.

Не может безличное творить личное! Это — моя вера, мое убеждение. Всякая жизнь имеет смысл, а ее Творец достоин бесконечной хвалы и прославления.

И опять невольно тянется рука к блокноту и вписывает новые строки:

Как не верить в разумность Творца
И в разумность Его мироздания?..
Со Христом — чудеса без конца,
Без Него — темнота и страдание.

Слепая, неразумная личность не могла создать такую красоту. И камня, каких здесь миллионы, не мог образоваться цветок. Вот я держу его в руке, считаю его голубые, как небеса, лепестки, вижу тычинки, а

на них пыльцу и мне кажется цветок живым. Он так пристально глядит в мои очи, словно хочет сказать: «Зачем ты меня сорвал, отнял от корня, лишил жизни? Я был нежен, пахуч, ласков, радовал каждого, а ты сорвал мою голову и я усохну...».

Вспомнились строки Сергея Есенина:

«А люди разве не цветы?
О милая, почувствуй ты,
А эта разве голова
Тебе не роза золотая?»

Необъятный ум Творца создал и цветок, и человека. Он дал нам жизнь. Он указал путь к осмысленной, счастливой жизни. Он знает наши имена. Вот почему, только личная вера, в личного Бога может сделать человека счастливым, способным видеть Его чудеса.

В мире нет ничего бессмысленного. То, что сегодня может показаться бессмысленным, завтра обретет смысл.

Бессмысленна только жизнь без веры в Бога.

Я записываю эти мысли и смотрю, как над вершиной горы замерло небольшое светлое облачко. Кажется, если взобраться на эту вершину, его можно достать руками. Но это только так кажется на большом расстоянии. Приближение к предмету меняет его очертания. Пойми это, моя душа и не унывай, взбираясь по узенькой тропинке на высоты Господни.

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ

БОГАТ и разнообразен окружающий нас мир!

Если только скользнуть взглядом по этим калифорнийским холмам, наряженным в зеленую одежду кустов, по рекам, по голубым заливам, по этим бескрайним небесам — все как будто просто, нет ничего примечательного, все старо, все это мы уже видели не

один раз.

Но стоит только присмотреться к этому белесому, как лебедь, облачку, плавающему в бескрайнем океане неба, к этому старому одинокому дереву, дремлющему у обрыва, к этому маленькому озерцу, затерянному среди зеленых лугов, к этой маленькой пичужке, порхающей по кустам — и начинаешь понимать всю сложность и многообразие этого мира, удивительную соразмерность в природе.

Во всем видна мудрость Творца. Земля поет и радуется. Она рада служить человеку и она служит ему: одевает его и кормит.

А если после этого присмотреться к человеку — хочется плакать.

У каждого человека свой мирок. «Странствуя и мучась», человек не нашел свое место в этой жизни, не понял своего назначения, своего истинного призвания. Он топчется вокруг своего «Я», как конь на привязи, ходит по одному кругу: работа, еда, сон. Родился и умер... В красотах природы он не замечает руки Творца, не знает что его земное существование — школа, в которой он должен себя приготовить к встрече с Жизнедавцем.

«Небеса проповедуют славу Божию и о делах Его рук вещает твердь», — писал псалмопевец.

Как мало на земле людей, внимающих этой проповеди!

ПАМЯТНАЯ ТЕТРАДЬ

В архивах моего друга оказалась, можно сказать, историческая тетрадь. Он передал ее мне. На первой, порыжевшей от времени, странице обозначено: «ЧИТА, 19 июля, 1917 года».

Значит этой тетради 50 лет.

Просматривал я страницу за страницей с особым трепетным чувством. Это был дневник. Чья-то жизнь нашла в нем свое отражение. На первых страницах записи сделаны разными почерками. Наряду с глубоко-мысленными, философскими выражениями, кто-то записал крупными буквами с уклоном налево:

”Там, где вечно блещет море,
Где волна гранит утес,
Он стоял с тоской во взоре,
Ковыряя пальцем нос”.

Переворачиваю страницу. Здесь другой почерк вывел слова: ”Не шутите с огнем, в особенности, если он находится в сердце молодой девушки. Чита, Пенсион”.

Дальше следуют стихи Надсона, Фета, Тютчева, Бальмонта. Видно, эти авторы были тогда в моде.

В середине тетради та рука, которая начинала первую страницу, отчетливо начертала слова: ”Говорят, что Богом дана нам жизнь кому на рубль, а кому на копейку. Не правда это. Бог дал жизнь каждому на рубль, но одни ее ценят, а другие прожигают, пускают на ветер...”

И дальше:

”Сегодня вместе с Шурой я была на богослужении евангелистов. Чего только я не слышала о них — грязного и скверного. Оказывается, все это чьи-то выдумки. Это не пустые и дикие люди, как говорила наша соседка.

Я слушала проповедь и от волнения так стучало мое сердце, что я не находила себе места. Когда сказали об этом Шуре, она ответила: "Это стучался в твое сердце Господь".

Переворачиваю страницу. На ней обозначены записи расходов:

"За хлеб — 10 рублей.

За белье — 2.80.

Товарищу — 9.56.

За молоко — 3 руб.

Петру — 10 руб».

Через несколько страниц сделана следующая запись: "Завтра нам грузиться на пароход. Я не боюсь океана, но боюсь даже ада, ибо со мною Господь. Сегодня я так молилась: Господи, я целиком принадлежу Тебе. Как хочешь, так и поступай со мной"...

Самой интересной и назидательной я нашел последнюю запись: "Сегодня заболела Дина бронхитом. Температура. А совсем недавно обожгла руки. Господи, откуда на меня такое несчастье? У Толи понос и коклюш, а у Васи на ногах нарывы и золотуха выступила. Лучше бы все эти болезни посыпались на меня. Матери переносить легче. Сегодня я поцусь и моюсь. Теперь я знаю, почему эти переживания пришли в наш дом: уклонились мы от Божьего пути. А Бог кого любит, того и наказывает..."

Как жаль, что на этом записи оборвались.

БЫВАЮТ И ТАКИЕ МАТЕРИ

МОЕ уединение нарушил шумно подкативший «Буйк». Из него вышла молодая пара, муж и жена. Она, одетая в купальный костюм, тонкая, гибкая, весело о чем-то щебечет. Он, хмурый, мускулистый, с неподвижным полным лицом, принялся сразу же собирать дрова и растапливать печь.

Под деревом, на столе появились ящики с продуктами. Она открыла две банки пива, улыбнулась мужу, если он был муж, и как пиявка присосалась к отверстию банки. Потом оба закурили, о чем-то мечтательно беседовали, жарили "стек". В это время в автомобиле тихо подал свой голос ребенок. Он заплакал жалобно, пискливо, надрывно:

— У-а-а, у-а-а...

Проходили минута, вторая, пятая. Ребенок плакать не переставал. Я сидел в стороне на лужайке и наблюдал за молодой парой. Они апшетитно уплетали "стек" и ни одна жилка, ни один нерв не вздрогнул на их лицах, когда охрипший голосок ребенка, казалось, просил умоляюще:

— Ма-а-а-ма... Смилуйтесь надо мною! Я ведь мокрый, голодный, мне в автомобиле жарко, нечем дышать. Возьмите меня из автомобиля на свежий воздух... Неужели у вас нет до меня дела?..

— Барбара, би квайт! — раздался разгневанный голос матери. Она щелкнула зажигалкой, прикурила и занялась рассматриванием реклам в газете.

Прошло около десяти минут. Ребенок на мгновение затихал и снова взрывался его стон:

— У-а-а, у-а-а-а...

Что я пережил за эти минуты!

Мое сердце сжималось от боли. Кто это? — думал. Люди? Откуда они, из какой планеты? Я еле сдерживал себя, чтобы не подойти к столу и не разметать пивные банки, которыми был уставлен стол.

И когда изнемогший ребенок захрипел странно и подозрительно, к автомобилю вяло подошел отец. Он взял ребенка на руки. Это была девочка месяцев пяти-шести, такая же смуглая, как мать и худенькая, как стебелек полевого цветка.

Отец неспеша взял бутылку молока с соской, сунул ее в рот маленькой Варвары и девочка, блаженно мыча,

принялась утолять голод и жажду.

Нет, как хотите, но я не могу назвать эту женщину матерью, чтобы не запятнать святое и дорогое каждому имя — МАТЬ.

СМЕЛЫЙ ГОЛОС

Есть в советской России незаметный на верхах, но популярный в народе молодой поэт Булат Окуджава. Недавно его критиковала «Комсомольская правда» за упадочные стихи, которые он читал в Ленинграде:

«Вся земля, вся планета —
Сплошное туда...
Как же можно сюда,
Когда надо туда?...».

Не знаю, насколько Булат Окуджава хороший поэт, но если под словом «туда» он имел в виду вечный, потусторонний мир, неувядающую жизнь духа, если он сам проникнут стремлением «туда», тогда он мой брат и я незримо, за 20 тысяч километров, мысленно жму его руку. Как отголосок на его четверостишие, родились у меня сегодня строки:

Вся земля, вся планета
Блуждает без света
Душу тянет туда,
А нас тянет сюда.
Ждать немного:
По всем приметам
Мы стоим
У преддверья суда.

Мы все придем в это «туда», но каким оно будет, зависит от того, за кем мы идем. Если впереди Христос — вечность будет счастливой.

В сборнике «День поэзии» за 1963 год я нашел

одно стихотворение Булата Окуджава — «Время».

«Время для нас — что звезды
Падающие по ночам...
Стоит ли волноваться,
Друг мой, по мелочам?»

Мудро сказано.

Поэт спрашивает: «Куда уходит каждый прожитый год?» Спрашивает, но не отвечает. Видно, этот вопрос не нравится тем, кто заведует идеологическим воспитанием людей. Чтобы ответить на этот вопрос, человек не может обойти Бога, Творца времени.

ДЕРЕВЬЯ — ВЕЛИКАНЫ.

КАЛИФОРНИЙЦЫ заслуженно гордятся своими национальными парками. За 14 лет моей жизни в Калифорнии мне довелось побывать в нескольких. Особое впечатление осталось у меня от Редвуд-Парка.

Один из моих братьев по вере, проживающий в Саратове, предложил мне однажды посмотреть колоссальные деревья — редвуд. Автомобилишко был у него в ту пору старый, но сильный. Он долго крутил нас по извилистым, узким дорогам. В чащобах густого лиственного леса было пасмурно и сыро.

В заповедник этих деревьев-великанов мы въехали, как в храм. Нас обнимала чарующая тишина. Посмотришь на верхушку дерева — шляпа падает с головы. Душа, смиряясь перед величием Творца, хочет молиться. Чем-то древним тянет от деревьев, которые красовались еще во время Христа. Некоторым из них более двух тысяч лет.

Кто был обитателем этих мест в те времена? Чьи глаза глядели на эти деревья две тысячи лет тому назад? Кто их посадил? Кто за ними ухаживал?

Все это остается неразгаданной тайной.

Трудно представить колоссальность этих деревьев тому, кто их никогда не видел. Если через дупло у основания дерева свободно проезжают автомобили, то невольно встает вопрос: сколько питания потребовалось этому дереву за несколько тысячелетий?

Прочность и живучесть этих деревьев объясняется тем, что их древесина содержит в себе таниновую кислоту. Она предохраняет дерево от гниения, от порчи насекомыми. Эти деревья имеют также и хорошее наружное предохранение: толстую, прочную, огнеупорную кору.

Можно представить также какие глубокие корни имеют эти деревья, чтобы в непогоду и бури держать веками эту громаду.

Мне казалось, что если бы Христос проходил мимо таких деревьев со Своими учениками, Он бы обязательно сказал им притчу об этих великанах.

Мы, люди, тоже в некотором смысле похожи на деревья и чтобы устоять в буре происходящих теперь событий, нам тоже нужны глубокие корни. И эти корни должны входить в основание Божее, питать нас, держать нас в любую погоду.

Эти корни — наша вера.

Нам нужна и «таниновая кислота», которая бы предохраняла нас от разложения, от преждевременного гниения, от «насекомых». Эту роль исполняет Дух Святой. Наполняя верующего, Он делает его неуязвимым, крепким и устойчивым.

Наша защитная кора — Слово Божее.

Все это дано Творцом для каждого человека. Каждый может быть великаном, но не каждый пользуется этими величайшими, чудными дарами. Оттого среди нас так много «деревьев-карликов» и так мало великанов. Материал деревьев-карликов — нестройной, он чаще всего идет на дрова или на удобрение.

Сегодня мне хочется еще раз читать первый псалом: «Блажен муж... И он будет, как дерево, посажен-

ное при потоках вод...сочным во всякое время».

Хочется читать и думать над своей жизнью.

РЕЛИГИЯ НА СЛУЖБЕ У БИЗНЕСА

В САКРАМЕНТО, на углу улиц «К» и «7-й» есть большой ювелирный магазин. Хозяин магазина — еврей, для которого Христос — только презренный плотник из Назарета, не больше.

Один из служащих этого магазина, мой знакомый, пробовал говорить с хозяином о Христе, в ответ он слышал только одни слова:

— Кто? Этот плотник из Назарета, именем которого ругаются многие американцы?

Да, горька правда дней наших тяжелых... Не легко верующему убедить неверующего, что Христос — Солнце Правды, Спаситель мира, единственная надежда мира.

Без Него — сплошная ночь давно бы уже поглотила землю.

Интересно то, что каждый год, за месяц перед Рождеством, тот же хозяин ювелирного магазина устанавливает магнитофон со звуковым усилителем и один за другим повторяет рождественские гимны.

Мягкие звуки «Тихой ночи» оглашают здание большого богатого магазина, а в это время хозяин ходит, потирая руки от удовольствия. И как не радоваться? Магазин полон покупателей.

Что это такое? Как это понять? Очень просто: религия на службе у бизнеса.

Неверующие бизнесмены беспринципны. Для них главное — привлечь покупателей.

И все-таки, слушая рождественские гимны на улицах американских городов, кто бы их ни передавал, — мое сердце радуется: ведь так или иначе, славится чудное имя Христа!

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

Милях в двадцати от Калистоги, в Калифорнии, по пути на Гайзерс, есть крутые подъемы. Узкая дорога ввинчивается в отвесные скалы, сползает в ущелье и снова, извиваясь, набирает высоту. Я поднялся высоко и обнаружил, что радиаторе моего автомобиля закипела вода. Я остановился на удобной площадке и моему взору открылась чудесная панорама.

Город Гилсбург, охваченный предвечерней дымкой, лежал передо мною, как на ладони. В бинокль хорошо были видны разбросанные домишки Винсдора. Как стрела желтела под солнцем новая шоссейная дорога, дымились две лесопилки, а за ними, как игрушка, мелькал паровоз с несколькими вагонами.

Русская река казалась ручейком, затерянным в густой растительности берегов.

Я долго сидел на сером камне и, погружившись в свои думы, забыл о давно остывшем моторе.

Широта и грандиозность вида захватывали мой дух и я чувствовал себя парящим в воздухе. Я думал о том, как трудно мне было подниматься на эту высоту, но зато какой простор душе, сколько красот природы можно обозреть с этого места!

Простой, но удивительный закон Создателя: поднимаешься выше — увидишь больше. Значит, новые горизонты открываются с новых позиций, но эти позиции должны быть выше предыдущих.

Не в этом ли призвание каждого человека: подниматься выше, чтобы видеть больше. И как хорошо, что на крутых подъемах христианина поддерживает рука Спасителя!

В НАШИ ДНИ

В ВОСКРЕСЕНЬЕ у каждого человека есть свое любимое занятие. После церкви я люблю послушать по радио проповедников, которые сами верят в то, о чем проповедуют. А как узнать, кто из них верит в то, о чем проповедует, а кто нет?

Здесь на помощь приходит интуиция, внутреннее чутье верующего.

Служение проповедника Истины — величайшее дело. Бог доверяет это служение не каждому. Мало знать, надо еще одно: умение передать то, что знаешь. А передать можно только тому, кого любишь. Без искренней любви к человеку служение проповедника — «медь звенящая или кимвал звучащий».

Однажды я слышал, как один русский проповедник разговаривал с бывшим подсоветским молодым человеком. Измеряя его с ног до головы колючим взглядом, он говорил с ним свысока, пренебрежительно, припоминал ему старое привольное житье на Руси, не интересуясь нисколько проблемами этого человека.

Позднее он мне сказал: «Это не проповедник, а жандарм с той только разницей, что не носит бляхи».

Апостол Павел так любил свой народ, так неперестанно печалился, видя ожесточение против Бога, что однажды написал: «Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти...».

Много ли теперь таких апостолов? Большинство из них никогда не беспокоило положение русского народа на родине, да и здесь они заняты в основном одним — разрывать на куски церковь Христову, ворую у своих же коллег членов. Для этого у них есть и способности и время. А что касается тех, кто не знает пути спасения — это для них «невыгодная нива».

РАЗГОВОР О СТИХАХ

СЕГОДНЯ меня спросили: пишете ли вы стихи?

Да, я иногда пишу стихи. Насколько они хороши — не мне судить, но я хорошо знаю одно: стихи за границей не любят, их почти никто не читает. И даже тот человек, который спросил меня, пишу ли я стихи? — не прочел те сборники моих стихов, которые я ему подарил.

Чем объяснить, что в России люди больше увлекаются стихами, нежели за границей? Очень просто: стихи — живое слово от души к душе, а душа за границей заморема, она еле-еле дышит, стала пленницей плоти.

Душа в загоне! Для тела здесь все есть: мясные котлеты с перцем и луком, бутылка вина, две-три пластинки с танцевальной музыкой, в достатке модной одежды. А стихи? Зачем они? Какая от них польза?

Однажды меня пригласили знакомые на чашку чаю. Когда разговор о заработках, о распродажах и прочей житейской шелухе мне изрядно надоел, а все мои попытки повернуть наши мысли к духовным нуждам встречали сопротивление, я предложил прочесть поэму Семена Кирсанова, которая начиналась словами:

Еще не опален
Дыханьем близкой брани
Сидит Наполеон
На белом барабане.

Поэт рисовал картину ожидания бородинского сражения, рисовал талантливо, как настоящий художник. Мои слушатели позевывали и скучными глазами смотрели через окна на улицу, где умирали последние краски дня.

Поэма им не понравилась.

Выдающийся поэт Семен Кирсанов, узнав об этом, не обиделся бы. Ведь поэма не понравилась эмигрантам, которые истосковались по свободе, по хорошей жизни и теперь с ненасытимой жадностью набросились в Америке на то и другое. О душе им думать некогда.

Кстати, вспомнил я эпизод.

В Лондоне, на площади у памятника, на котором не было надписи, мальчик продавал газеты. К нему подошел прохожий и спросил:

— Мальчик, если ты скажешь, кому поставлен этот памятник, я куплю у тебя одну газету.

— Поэту Роберту Бернсу, — ответил мальчик.

— Хорошо, мальчик, — сказал прохожий. — Теперь скажи, за что ему поставили памятник и я куплю у тебя все газеты.

— За то, что он умер, — ответил мальчик.

Мальчик был прав.

Роберт Бернс — гениальный шотландский поэт, выходец из крестьян стал популярным только после смерти.

Бывает, что популярность умирает со смертью.

«ПАПА, ГДЕ ТЫ?..»

КАК-ТО, после работы я поехал в ближайший парк вместе с сыном. Широкие листья огромных деревьев казались застывшими в глубокой дреме. Солнце скатывалось за голубую черту гор и мне было приятно подышать запахами скошенной травы.

Я шел извилистыми дорожками между грядами роз и лилий. Трехлетнего сына приходилось держать за руку, потому что он рвался к озеру. Наконец, он вырвался, побежал к воде, поблескивая гривкой выжженных солнцем волос. Я не пошел за ним, а скрылся в деревом и начал наблюдать. Несколько минут он увлекался.

утками, бросал им крошки хлеба, но как скоро пища кончилась, утки от него уплыли на середину озера.

Сын оглянулся, тревожно посмотрел по сторонам и, не заметив меня, начал поиски.

— Папа, па-а-па, где ты?..

Я терпеливо молчал.

Он оглядывался по сторонам, искал между кустами. К нему подошли старик со старушкой, о чем-то его спросили, но он отвечал одним словом:

— Па-а-а-па, па-а-а-па...

Сын всплакнул и не знал, что дальше делать.

В эту минуту я подал свой голос, оставаясь за деревом:

— Коля!..

На заплаканном лице сына сразу вспыхнула улыбка. Теперь он знал, что отец где-то недалеко.

Как только я вышел из-за дерева, он бросился мне навстречу, схватил меня рученками и посмотрел на меня с обидой. Я подаю ему руку и он крепко держал ее до конца нашей прогулки.

И я думал: ведь точно так бывает и в христианской жизни, когда христиане, увлекаясь мишурой земли, теряют присутствие Христа. Блажен, кто заблудившись, во время подаст Ему свой голос, позовет Его выйти навстречу.

И если отец не оставляет своих детей без наблюдения, оставит ли Господь того, кто стал Его чадом?

Никогда!

Христос сказал: Овцы Мои слушают голос Мой». Да, овцы слушают голос Пастыря, знают Его голос и если случайно теряют Его из виду, Он подает им Свой голос, идет им навстречу.

Однажды, у меня спросили: если овцы не слушают голос Пастыря, тогда что? Ответ прост: значит, они не овцы, а круторогие бараны.

Когда-то, в детстве, мне приходилось пасти овец и

я знаю повадки этих благороднейших животных. Но я также помню, как дрались бараны. Напрягая шеи, они бросались один на другого и, казалось, от их лбов сыпались искры. Дерутся бараны страшно.

В стаде Христа наряду с кроткими, смиренными овцами встречаются иногда и бараны. Как они оказались в стаде? Этого я не знаю. В нашей жизни есть много непонятных явлений.

ОПАСНАЯ ФИЛОСОФИЯ

СЕГОДНЯ, в 8 часов утра, на фабрике, где я работаю замертво упал повар на цементный пол. Ему 49 лет. Он никогда никому не жаловался на плохое здоровье.

Несколько недель до этого события на дворе той же фабрики, за рулем грузовика умер шофер. Ему было 45 лет.

Я вспомнил о том, что великий русский компози-

тор Бородин умер во время танцев. Веселился, танцевал мазурку и упал навзничь мертвым.

Вспомнил о благословенном муже Божьем И. В. Непраше. Он отошел в вечность на вокзальной скамейке с раскрытой Библией в руках.

По-разному живут, по-разному умирают люди.

Когда в фабричной столовой я сказал моему соседу, что такое может случиться с каждым, он заметил: — Я хотел бы умереть пьяным!..

Догадываюсь почему. Недавно я пытался его убедить, что после смерти человек остается навеки в том состоянии духа, в каком его застигает смерть. А так как «пьяному море по колено», то ему казалось, что это — самое лучшее состояние перед смертью. Ничего не страшно.

Но это опасная философия!

БЕДНАЯ ЖЕНЩИНА

Я стою в очереди за получением обеда. Фабричная столовая огромная, светлая, наполнена приглушенными голосами. Впереди меня стоит худенькая с детским личиком женщина. Лицо ее белое, бескровное и маленькое, кисти рук тоненькие. Длинные пальцы привычно открывают пачку сигарет и тут же щелкают зажигалкой.

Женщина курила, как опытная курильщица, жадно втягивая в себя дым.

И тут во мне загорелось желание спросить:

— Скажите, пожалуйста, почему вы курите?

Женщина смущенно смотрела мне в лицо. Видно, такого вопроса она не ожидала и может быть никогда о нем не думала.

Я знал, что спрашивать об этом — неэтично, но и молчать я не мог. Болезненный вид женщины вызывал к ней сожаление.

— Если вы мне докажете, что курение полезно, то я сразу же начну тоже курить, — сказал я. — А если курение не полезно, то почему вы курите?

Женщина сделала еще одну глубокую затяжку и, выбрасывая изо рта клубы дыма, ответила:

— Ай ду нот ноу.

Бедная женщина! Вероятно, она — мать малых детей. Она делает то, что не знает.

И таких миллионы. Даже среди христиан.

Если бы те деньги, которые номинальные христиане превращают в дым, отдавались на дело Божие, ни одна церковь не испытывала бы материальных затруднений. Тысячи миссионеров можно было бы послать в другие страны. Если бы в свое время миссионеры были посланы во Вьетнам, Америке не нужно было бы посылать туда своих солдат.

ЧУДО ПУСТЫНИ

НЕДАВНО мне пришлось читать очерк о жизни добытчиков медной руды в чилийской пустыне Атакома. От поселка горняков до портовых причалов на 217 километров тянется дикая, знойная пустыня.

На всем этом пути есть только одно зеленое дерево. Многие путешественники удивляются, кто и когда посадил это дерево, как оно может оставаться в пустыне зеленым?

Это зеленое дерево — своего рода вызов мертвому, сухому миру пустыни. Дерево это называется Альтаробо.

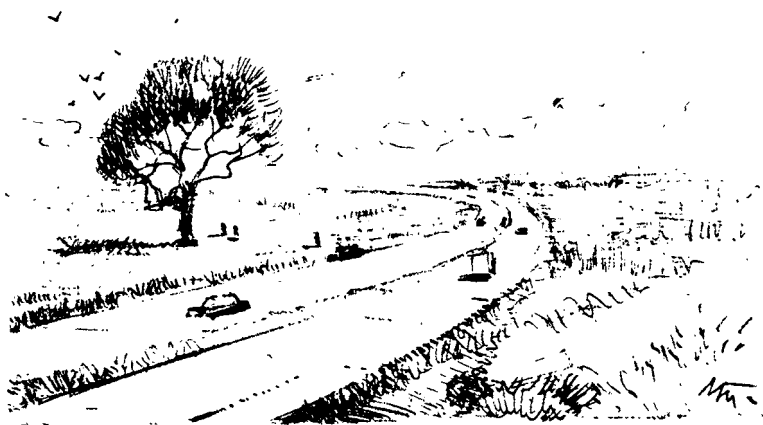
Секрет этого явления прост. О нем знают все горняки.

В пустыне Атакома существует обычай: каждый шофер, проезжающий возле дерева, обязан его полить. И они поливают его с величайшей радостью и достоинством, потому что видят в этом дереве чудо.

Если принять во внимание все обстоятельства, то газета «Наши Дни» — это тоже своего рода чудо, дерево пустыни.

Нельзя сказать, что оно уже цветет, но почкуется, обещает хорошие плоды. Именно в этот момент оно нуждается в хорошей поливке.

Что же получается на самом деле? Одни под его корни выливают последнюю флягу воды, отрывая даже от своих детей (ласку, внимание,) а другие — обламывают его молодые побеги или еще хуже: вместо воды льют под его корни ядовитую жидкость с обилием мочевой кислоты. И самое печальное заключается в том, что таким делом занимаются передовые и, кажется, духовно просвещенные люди, даже некоторые пастора.

Некоторые робко подходят к дереву, подозрительно его осматривают, щупают кору, нюхают: не мираж ли это? И то ли от зависти, то ли от зла цедят сквозь зубы:

— М-да-а-а... Кажется, дерево, но какое оно? Что с него? Какая с него будет польза? То ли у нас на «батькивщине» росли дубы! Во! — не обхватишь. А это что?

И не знают эти люди, что это дерево посадил Сам

Господь, чтобы усталый путник не только укрывался в его тени от палящего солнца, но и находил на нем освежающие плоды.

Для этого дерево должно вырасти. А вырастить это чудо-дерево, газету «Наши Дни», один редактор не может, потому что не может он работать более 80 часов в неделю, из которых 40 часов — на фабрике, чтобы кормить семью.

Вырастить это дерево в знойной пустыне этого мира могут только сами читатели, если к хорошим словам и письмам приложат свою «флягу воды».

Ведь без поливки дерево в пустыне расти не может.

ЗА ГОРОДОМ

ВЕТЕР шумит в листве огромных эвкалиптов, шумит сердито и настойчиво. Надо мною простирается звездное калифорнийское небо, тихое и спокойное. Я долго вглядываюсь в яркую звезду на западе. Она мигает синеватым светом, словно зовет к себе скучающих, обиженных разочарованных на этой земле. Я лежу в полуоткрытой палатке и не могу уснуть. Сквозь качающиеся листья просвечивает рог луны. По стенам полотна прыгают причудливые тени качающихся деревьев. Невдалеке лениво и надоедливо лает собака. Детским плачем вторит ей сова.

— Папа, слышишь музыку? — спрашивает у меня сын. Он лежит со мною рядом на узенькой кровати-раскладушке, позевывает и вздыхает.

— Нет, музыки я не слышу.

— Как же? А собачий лай и крик совы? Разве это не музыка?

— Верно, соглашаюсь я с сыном и думаю: не отсюда ли берут вдохновение мастера американского джаза?

Присвечивая карманным фонарем, сын смотрит на

часы:

— Три часа, — говорит он тихо, будто для себя и вадыхает.

Ветер усилился. Над головой стоит сплошной шум. Поскрипывают вековые деревья. Непривычная обстановка разгоняет и мой сон. Много я передумал в эту ночь. Это был мой отпуск. Я не боялся на утро опоздать на работу и давал простор моим мыслям и воспоминаниям. На память пришли слова Христа, сказанные ученикам: «Отдохните теперь немного». И было приятно знать, что Он заботился об отдыхе Своих учеников, заботится о каждом из нас.

Едва забрезжил лимонный свет, как сын молчаливо встал, наскоро закрыл одеялом кровать и тихо проговорил:

— Папа, я поеду на рыбу. Не беспокойся. К завтраку вернусь.

Вероятно, сын не спал всю ночь, ожидая счастливой минуты закинуть удочку в «Клир лейк» и приметить первый клев.

Ветер почти внезапно притих, словно притаился. Вдали, будто на краю земли, стонала незнакомая птица. Внизу, где стоял небольшой домик моего друга-американца, раздались приглушенные голоса. Вскоре загудел мотор автомобиля. Рыбаки уехали на озеро. Я решил остаться в палатке и немного поспать. Но сон не приходил. Я оделся, вышел во двор, сел на скамейку, под скворечником. Восток разгорался румянцем, словно там полыхали в пламени леса. Внизу, в ущелье, светилось темно-голубое пятно — часть большого, на 24 мили в длину, озера. Там гудел уже не один мотор и я подумал: даже здесь, на высоте 2-х тысяч футов, нельзя человеку избавиться от гула машин.

Радуюсь утру, на деревьях защебетали птицы. Чистый, словно профильтрованный воздух, освежал мою голову, лечил бессонницу.

Здесь нужно сказать несколько слов об американце, моем друге Бриско Кренкле. Несколько дней тому назад он мне позвонил по телефону: «Приезжай на озеро, довольно тебе коптиться в Сакраменто».

Первое письмо от Бриско я получил в 1950 году в Мюнхене. Я не знал английского языка и дал немцу перевести письмо. Письмо было из Аламеда, небольшого городка, в долине Сан Франциско.

«Дир бродер», — прочел немец и многозначительно посмотрел на меня.

— Танцуй, — сказал он мне почти тоном приказа. — У тебя в Америке нашелся брат.

— Это невозможно, — ответил я. От брата я получил письмо из России. Он — инвалид войны, живет на пенсии.

— Значит, — это твой второй брат, — настаивал немец.

— Второго брата я не имею!

— Посмотрим, что он дальше пишет, — согласился немец и сразу же начал переводить на немецкий: «Приветствую тебя и твою семью именем Иисуса Христа».

Я сразу понял в чем дело. Писал единоведец.

«...В войну я потерял двух своих сыновей. Это было большим для меня испытанием... И вот я решил быть вашим спонсором. Ваш адрес дал мне Союз Церквей. Сам я — маляр. Имею для вас работу, квартиру и мебель. Если нужна какая-либо помощь — пишите...»

Это письмо меня тронуло. Писал человек, которого я никогда не знал. В 1951 году мы с ним встретились в его доме. Простое, улыбающееся лицо, ласковые, светлые глаза с поседевшими бровями, мозолистые руки, знавшие тяжелый труд — таким я увидел его впервые.

Но вернемся к прерванному очерку.

Жена Бриско, пожилая с вдумчивыми глазами спокойная женщина, вышла ко мне во двор, спросила, как

сцалось и присела на скамейке.

— Знаете, — сказала она, — кто ближе к природе, тот ближе к Богу. Много теряют те люди, кто уходит с головой в свой бизнес и не находит времени оторваться от города и послушать, ну, хотя бы вот **этих** птичек...

На дереве, возле скворечника, неугомонно щебетала птица.

— Природа — это храм Божий, — продолжала далее миссис Кренкле. Солнце выходило из-за гор и красило почти полнеба в золото и пурпур. Было тихо и свежо. Деревья едва шевелили листочками. Вдали, напротив нас, раскинулось два, выгоревших от солнца холма. Они были похожи на гигантское седло, а деревья на них казались зелеными пятнами. Внизу, на склоне соседней горы виднелся ореховый сад. Деревья были посажены ровными рядами, оттого сад был похож на шахматную доску.

Много раз я мечтал поселиться в таком глухом месте, чтобы отдать себя целиком литературной работе, даже если этот труд почти никому в эмиграции не нужен. Есть такая потребность — рассказать людям о трагедии русского человека — беженца.

Незаметно прошли час и другой. Пришли наши рыбаки. Пойманную рыбу они оставили в лодке. Наскоро позавтракав, мы все отправились на озеро. После ночного ветра оно было беспокойно. Виднелись «белые шапки». Нашу лодку качало, бросало в сторону, мотор заглохал и нам стоило немало труда завести его снова. Ветер сорвал мою шапку и безжалостно бросил ее в пенные волны.

Мы повернули в тихую, закрытую кустами от ветров заводь и стали у берега. Клев был хороший. Сын таскал одну за другой небольшие рыбешки. Не одну подсек и Андриан Никитин, наш друг, талантливый математик, но с душой настоящего поэта. Андриан смот-

рит на природу, как на невесту. Улыбаясь, он поглядывает на богатые растительностью берега, прищуривает сквозь очки глаза и напевает себе под нос:

«Великий Бог, когда на мир смотрю я,
На все, что Ты создал Своей рукой...».

Его русые волосы медного отлива треплет ветерок. Он весь предан своей песне и не замечает, как его леску качает пойманная рыба.

Вечером мы поехали по узенькой горной дороге, вглубь леса. Новый «крайслер» мистера Кренкле поднял нас так высоко, что огромное в девять миль шириной озеро казалось игрушечным. Высокие, недоступные человеку сосны, стояли гордо, как богатыри. Чем выше мы поднимались, тем глуше, торжественнее и сумрачнее становился лес. Густой смолистый запах напоминал родные брянские леса. Дыхание озера до нас уже не доходило.

Солнце спешило скатиться за дальнюю гору. Тени становились длиннее и гуще. Через час мы спустились к озеру, на хорошую дорогу. Там с шумом и треском неслась во все стороны автомобильная Америка. Выждав удобный момент, мы также влились в это неудер-

жимое течение автомобилей и через несколько часов были в Сакраменто.

Неесколько недель спустя миссис Бриско поехала в Кензас, чтобы навестить своего больного, старенького отца и там неожиданно скончалась. Бриско не мог долго перенести разлуку с женой и умер от разрыва сердца в этом же году. Теперь на даче, возле «Прозрачного Озера» хозяйничают его две дочери. У них другие интересы и другая жизнь.

«БЕРЕГИ ДУШУ...»

Он сидел на скамейке, в тени густо разросшегося фигового дерева и, опершись на длинную суковатую палку, дремал. Временами он поднимал густые, белые, как лен, брови, безразлично поглядывал на дорогу и снова опускались его веки в сладкой дреме. Его седую голову прикрывала фуражка русского фасона, на затылке темнели пятна серой морщинистой кожи.

На соседних скамейках сидели несколько стариков. Я подошел к тем, которые раскладывали пасьянс и спросил:

— Кто из вас знает, в какой комнате живет мистер В.

— Это кто же? — спросил один у другого. — Вайтрошен? — Тогда иди к тому парню. Это он там сидит на скамейке, — прошамкал старик, жевавший табак и тут же сплюнул под ноги бурую тягучую жидкость.

Так впервые я познакомился со старческим домом, расположенном на Франклин бульваре, за городом Сакраменто, недалеко от фабрики, где я работаю.

Красное кирпичное здание казалось похожим на больницу: молчаливо светились в стенах маленькие окна, а под окнами зеленели густые кусты давно отцветшей сирени.

Сын старика-латыша работает со мной на одной фабрике. Он просил меня проведать его отца, «выжившего из ума от чтения Библии»

— Надоел он мне, вот я его и отвез в богодельню. Узнай, как там ему? — попросил он меня однажды.

Я подошел к скамейке. Старик поднял голову посмотрел на меня скучающими почти бесцветными глазами.

— Здравствуй, отец!

— Откуда вы меня знаете? — спросил он меня после некоторого молчания.

— Я вас не знаю, но хочу познакомиться.

— Это неплохо, можно, — сказал старик и дал мне место на скамейке. — Давно я не говорил по-русски, — высвистывал он слова. Говорить ему мешали искусственные зубы.

— Кто же ты такой? — спросил старик.

Я коротко ему рассказал о себе, передал ему привет от сына.

Через несколько минут старик тихо рассказывал о себе, с трудом подбирая русские слова.

— Да, я жил в России, учился там, технологический институт окончил, работал конструктором, имел патенты на несколько изобретений, а теперь вот...

Он долго молчал, силясь что-то сказать важное, но не мог. Вытащил платок, спокойно вытер глаза и потом добавил:

— А теперь вот никому не нужен... Даже сыну. Единственному сыну. Сажу вот под этим деревом второй год, ожидаю, когда Господь позовет.

Тень, в которой мы сидели, отошла в сторону, пригрело солнце и старик опираясь на палку, с трудом переставляя ноги, перешел на другую скамейку, не прекращая разговор.

— Так-то, друг, пробежит эта жизнь, как кошка за мышкой и не успеешь заметить, что в жизни глав-

ное, а когда увидишь, поймешь — жить уже некогда. Было у меня все: и сила, и знание, и деньги, да не умел я ими пользоваться. В революцию растрепали, потом немцы ограбили, а теперь вот начал в Бога богатеть, да поздно. На это тоже сила нужна, а ее нету...

Я сидел со стариком около часу, рассказывал ему о своей жизни, о том, как я пришел к Богу, а старик молчал, поджав губы и слушал. Он снял фуражку, седые, словно заплесневелые волосы его слиплись от духоты жаркого дня. Когда подул легкий, приятный ветерок и начали тихо шуршать бледнозеленые острые листья эвкалиптов, к дому неожиданно подъехала машина скорой помощи и через несколько минут двое молодцов вынесли на носилках прикрытое простыней тело какой-то старушки.

Мы несколько минут молчали. Машина моментально отъехала и старик, сжав мою руку в своей сухой холодной руке, сказал:

— Рад я за тебя, брат мой юный. Очень рад. Только одно скажу: береги душу. Это самое главное. Можно все потерять и потом приобрести еще больше, а вот потеряешь душу в богатстве, как мой сын, тогда беда. Вот он теперь даже дороги в церковь не знает... Молись о нем, брат мой, молись...

Вскоре прозвенел звонок к ужину и старик простился со мною. У ворот я оглянулся: старик махал мне фуражкой русского фасона и его седая голова светилась в лучах предзакатного солнца.

ВЕЧЕР

ВЕЧЕРНЕЕ небо задремало, потемнело, закрыло свои голубые глаза, притихло, успокоилось. И сразу же погасло прохладой. Такова особенность sacramентских вечеров.

Небо, весь день залитое солнцем, вечером внезапно потускнело и уже над городом засверкали, задрожали звезды, из-за высокого здания страховой компании выкатился бледный диск луны и, кажется, оставился на месте.

Я прошел несколько кварталов от своего дома, не встретив ни одного человека. Где люди? Почему их так мало в парках и почти никого нет у реки?

Большинство американцев любят после работы отдыхать с банкой пива перед телевизором. Не думаю, что они этим что-либо выигрывают, но я знаю чего они лишаются. Они лишают себя умиротворяющего действия природы, проповедника Божьей славы.

Город уставший от земных трудов, тихо погружается в покой, как в бездонный океан. Только на широких дорогах стоит неумолкаемый глухой автомобильный шум.

Автомобили — конек, который вывез Америку в разряд богатейших стран.

В этой суетной, но свободолюбивой стране, небо такое же красивое, как и в России. Те же скучающие звезды напоминают нам о существовании нездешних миров. Одна из них, яркая, постоянно мигающая звезда, похожа на вспыхивающий огнями бриллиант. Не на нее ли смотрел Есенин с рязанских полей, когда писал:

«Гори, звезда моя, не падай,
Роняй холодные лучи.
Ведь за кладбищенской оградой
Больное сердце не стучит».

Некоторые говорят, что думать об этом глупо. Но глупо ли готовиться к экзамену во время?

СОЛОМИНКА

ВСЕМ, кто жил в сов. России памятные годы НЭ-Па — новой экономической политики, введенной Лениным. И хотя это было «отступлением от коммунизма», но в короткое время наша деревня экономически окрепла, народ набирался сил, люди жили по своему весело.

В то время я был озорным пацаном. (Пусть слово «пацан» вас не смущает: я нашел его в самом лучшем русском словаре Ожогова и Шапиро).

В нашей деревне в ту пору часто бывали свадьбы. В свадьбах принимали участие все. Хозяева не скупились на самогон. Мужики хмелели туго, спорили, шутили за столами, а женщины подвыпив, как лебеди выплывали на круг, пускались в плясовую.

Нам, мальчуганам, хотелось все знать и все видеть.

Однажды случилась беда, Со двора выехала свадебная процессия. Ржали лошади, завывала гармошка, звенели бубенцы, раздавались свадебные напевы. На передней повозке, наполненной подушками сидели жених и невеста. На первом же повороте с оси слетело колесо. Жених не удержал невесту. Оба оказались посреди пыльной улицы с разбитой иконой.

После свадьбы началось расследование, так как сразу же стало известно, что из оси кто-то вытащил загвоздку. Нужно было найти преступника.

Хитрый бородатый старик Сударев собрал нас, мальчуганов и дал каждому по соломинке, при этом сказал:

— Смотрите, все соломинки одинаковы. Можете померять. Теперь идите за сарай. Я вас позову. У того, кто вытащил загвоздку соломинка вырастет, будет длинней. Я проверю. Идите...

Старик Сударев нашел преступника. Его соломин

ка оказалась не длиннее, а короче. Он ее укоротил зубами.

"Знает кошка чье сало съела".

"ВОЛШЕБНИК"

Замечательную эстрадную песенку слушал я недавно. Она записана на пластинке в исполнении Бернеса. В ней рассказывается о человеке, который умеет раздавать свою доброту на каждом месте. В пустыню он «принесит дождик», оживляет ее своим присутствием, а в пасмурную погоду "солнце раздает хорошим людям".

В песенке говорится:

«Ты идешь, идешь по январю.
Холодно. Следы, как многоточие.
Хочешь я с тобой заговорю,
Руку дам — и станет путь короче».

В этой доброте заключается все «волшебство» хорошего человека. Он научился быть добрым не по учебникам, не по сухим текстам катехизисов, а его доброта — его привычное нормальное состояние.

Нормальное состояние христианина — быть не только верующим, но и любящим.

В средние века многие алхимики неустанно искали "камень мудрости" или, как его еще называли — «философский камень», которым можно было бы превращать простые металлы в золото.

Такого камня не нашли.

А вот в нашей жизни такой камень есть. Этот «философский камень», которым можно было бы превращать «чугун и железо в золото» является любовь.

Когда человек отдает себя Иисусу Христу, Его божественной любви, тогда он сам загорается этой любовью. Человек становится приветливым, любезным,

внимательным, отзывчивым.

Со стороны такой человек кажется "волшебником". а на самом деле все просто: он подражает Христу.

БОЖЬЯ ЛЕЧЕБНИЦА

НАД дорогой, вьющейся спиралью по склонам каменистых гор, маячит несколько ястребов. Временами они застывают в воздухе, потом, то ли резвясь, то ли за добычей, камнем бросаются вниз и снова взмывают в синеву горячего неба. Иногда из окна автомобиля я вижу только их медленно плывущие по выгоревшей траве тени. Эти тени не раз пересекали узкую ленточку дороги на Гейзер. Так называются горячие источники вулканического происхождения в Калифорнии, в ста милях на северо-восток от Сан Франциско.

Земля, обрызганная знойными лучами солнца, пахнет нагретой печкой. От нее несет сухим жаром и приходится удивляться, что совсем рядом растут огромные калифорнийские дубы, густой зеленый кустарник и другая, неизвестная мне растительность.

Глубоко в каменистую почву пускают корни эти деревья, ищут живительную влагу, хранящуюся где-то глубоко в земле от обильных зимних дождей.

Автомобиль преодолевает подъем за подъемом. Два раза закипала в радиаторе вода и два раза я оставался на краю пропасти, чтобы дать возможность остыть мотору.

До моего слуха доносится глухой шум рвущегося на свободу пара. Воздух, пропитанный скипидаром и серой, становится гуще и острее. Чаше встречаются домики скотоводов. Они прилепились на склонах холмов, словно притаились перед лицом могучих, величественных горных вершин.

В Америке не только тело, но и душа утомляет.

ся. Быстро изнашивается человек в этом стремительном беге жизни. Я хочу жить как-то иначе, как то прощ, спокойнее и — не могу. Я — небольшое колесико в этой сложной и огромной американской машине, части которой движутся во взаимодействии и — хочешь, не хочешь — вращайся. Иначе эта машина тебя сломит, испепелит в порошок. Машина изнашивается. Изнашивается и человек.

Отсюда так естественна тяга людей за город. Одни из них любят природу, другие — просто хотят оторваться от повседневной, надоедливой суеты и городского шума, побывать наедине с небом, подышать свежим воздухом, набраться духовных и физических сил.

Была у меня еще одна потребность поехать на Гейзер: хотел поличить ноги. Временами я страдаю ревматизмом. Ревматизм в 45 лет? Я имел его в 30. Кто пережил ужасы фронтовой, партизанской жизни, ужасы немецкого плена, того это не удивит.

И вот я на Гейзере.

Миловидная старушка с копной белых, как снег волос, смотрит на меня мягко и приветливо. Она что-то вспоминает, морщинит белый чистый лоб:

— О, я помню вас! Как ваши дети? Они с вами?

— Конечно с нами! Как же можно без детей! Они любят ваш Гайзер. Для них здесь рай..

Старушка, жена хозяина, расплывается в улыбке. Она вписывает нас в книгу и получает за это 3 доллара. За эти небольшие деньги мы можем сутки пользоваться благами чудесных горячих источников.

Рядом с просторной, светлой столовой расположен большой, недавно выстроенный купальный бассейн. Теплая зеленоватая вода едва колеблется в берегах. Там же, в густой горной жимолости стоят ряды небольших домиков. Я еду на знакомое мне место, под ветви огромных вековых деревьев, где можно, разложив костер по-беженски, по-пастушьи, согреть чай, а потом поставить палатку, или еще проще — разместиться на ночь на столе, под открытым небом. Так делают люди, у кого не густо в кармане.

Это место долгое время называлось «Маленький Сталинград». Не знаю по какой причине, но потом оно называлось «Кастрово убежище», а теперь — «Вьетнамские джунгли».

Слух постепенно привыкает к шуму подземного пара, к воздуху, отдающему тухлыми яйцами и некоторым другим неудобством.

Людей мало. Нет той толкотни, что обычно беспокоит нас в общественных местах.

Совсем рядом, из подножия горы вырываются струи подземного пара. Он образует белые хлопья, особенно по утрам. Они, пролетая десятки футов, заметно тают. По трубе пар преведен в маленькое помещение для тех, кто любит париться. Действие этого пара чудесно.

Есть еще чудо: из одной горы проистекают три совершенно различных по качеству источника. В тени огромных кленов есть источник воды богатый железом и сульфатом, а немножко дальше, в прохладе зеленых фигов — источник магниевой воды.

Каждый посетитель получает от хозяина карту, на которой подробно размечена тропа в «Сад дьявола». Там действительно есть что-то адское. Пар вырывается из под земли с оглушительным свистом. Там же можно видеть озерцо кипящей, булькающей воды и если положить в эту воду яички, они будут через

две минуты сварены. Черная, как чернила, вода выделяет испарения, полезные для дыхательных органов. Почти рядом, из небольших горных щелей размеренно ухает горячий пар. Земля во многих местах трясется, периодически вздрагивает и, кажется, вот-вот прорвется земля и подземные силы вырвутся на свободу.

Вулканические породы, застывшая лава, камни огромнейшей величины можно встретить всюду. Кое-где белеет, как сахар, затвердевший порошок каких-то солей.

Смотришь на эти чудесные природные богатства и нельзя не думать о непостижимой мудрости Творца, о Его всемогуществе, о Его любви к людям. На земле нет ничего бесцельного. Великий ум создавал и творил этот мир.

Незримой тяжестью в ущелье незаметно опускается вечер. Сгущаются тени, на деревьях усаживаются птицы, а вершины гор все еще золотятся солнцем. Только 7 часов вечера, но люди в этих «Вьетнамских джунглях» уже готовятся к ночлегу.

Ночью к моей палатке подойдут дикие козы. Я приготовил для них арбузные корки, остатки салата и немного хлеба.

Маленькая лампочка дает мне свет от автомобильной батареи. Я могу сделать эти записи и прочесть главу из книги Иова.

Из окна автомобиля я вижу, как небеса медленно загораются звездами, как звезды делаются ярче. Над поляной начали бесшумно летать мыши. Они повисают на ветках, как черные серьги, обрываются и снова мечутся в звездном свете.

Я ожидаю рассвета, а вместе с ним — яркое калифорнийское солнце. Как только оно выглянет из-за гор — я тронусь в путь.

ПОД ЮЖНЫМ СОЛНЦЕМ

Горячий июльский день плавает в лучах раскаленного солнца. К девяти утра исчезает ночная свежесть, которой отличаются сакраментские ночи. В воздухе пахнет пылью и дымом: где-то жгут бумагу.

Я люблю маленький городок вблизи калифорнийской столицы. Он называется Брайтом. На картах его не найти, но калифорнийцы знают о нем, как о русском поселке. Над его улицами с множеством выбоин висит ленивая тишина. Только изредка промчится молодой мотоциклист, поднимая за собой пыль и она долго стоит в воздухе, ожидая дуновения ветерка, а потом, как после раздумья, оседает на ореховые деревья, на цветы под окнами просторных домов, на высокую некошеную траву у дороги. Даже воробьи, прячась от палящего солнца, перестают чирикать. Кажется, что городок устал и ему хочется вздремнуть.

У магазина, облепленного со всех сторон рекламами, стоит известный во всем Брайте пьяница. Рядом с ним, в тени, вывалив красный язык, лежит собака. Она тяжело дышит и смотрит на хозяина мутными, подслеповатыми глазами. Дверь магазина открылась и на пороге появилась черная, худая женщина. Несмотря на жару, она была одета в теплое старомодное пальто. Пьяница радостно щелкнул пальцами и, подойдя к женщине, взял у нее бумажный пакет. Они прошли несколько шагов и оба сели под деревьями. Женщина неразборчиво мычала что-то под нос, а он умело открыл банку пива, приложился к ней толстыми губами и, выпучив покрасневшие глаза, начал смаковать содержимое.

За широким искусственным валом у реки, раздаются детские голоса, приглушенные сушью. Там до позднего вечера играют и купаются дети и трудно поверить, что их родители когда-то родились и жили в России.

Река делает несколько крутых изгибов, бесшумно

и могуче несет свои мутные, холодные воды. И хотя от гор река уже прошла немалый путь, но она не устала: безжалостно срезает песчаные берега, крутит сутью, несет бревна, ящики, а бывает и тела человеческие.

Смелчаки взбираются на огромное дерево, цепко хватаются за прикрепленную к суку веревку, раскачиваются и прыгают в воду.

У берегов есть песчаные отмели и пляжи. На рыжем, как золото, раскаленном песке выгреваются ревматики. Сюда приезжают гости из Сан Франциско, где в это время стоит прохладная погода.

В стороне от пляжа, у небольшой заводи примостился старик-рыбак. Он только что снял с крючка карпа. Рыба заметно плескалась у его ног. На старике огромная соломенная шляпа, на руках полупустыми мешками висят мускулы, на чистом лице его заметны тщательно подбритые седые усики. Он самодовольно улыбается и сквозь стекла очков мечтательно смотрит на застывший поплавок.

Мне показалось, что рыбак русский. Я даже представил его прошлую жизнь неугомонного труженика, в поту сколотившего себе небольшое состояньице.

Я сидел невдалеке, изредка посматривал на старика и видел, как постепенно с его лица исчезала улыбка, как морщился его серый землистый лоб, как сосредоточенно он о чем-то думал. Ему явно везло: он снова вытащил небольшую рыбешку, но сняв ее с крючка, выбросил в воду.

Я подошел к старику. Рядом с ним, прикрытая рубашкой, лежала русская газета. Я не ошибся: рыбак был русским.

— Здравствуйте, отец, — произнес я громко, заранее предвидя, что при таком возрасте рыбак может быть глуховат.

— Хало, хало!.. Хау ар ю? — ответил он бодро, не

глядя в мою сторону.

— Мне кажется, вы русский? — спросил я.

— А то кто же, индеец, что ли? Конечно русский, — прошипел его простуженный голос. Его небольшие бесцветные глаза бегло меня оглядели и на некоторое время остановились.

— Брайтский, что ли? Когда-то я всех в Брайте знал, а теперь вас понаехало со всех концов, не узнаешь...

Говорил старик медленно, будто подыскивал слова. Говорить ему было тяжело. Его речь была смесью русских и американских слов, причем каждое слово он произносил на особый лад:

— А я вот приехал на векейшон... У нас, в Сан Франциско, увинди...

Слова «фишинг», «драйвить», «муховаться» обильно пересыпали его русскую речь.

— Я тут, брадер, филую лучше...

— У вас я вижу русскую газету. Свежая? — спросил я.

— Субботняя. Посмотрите. Пишут, в Сан Доминго каша заваривается. Туго будет Америке....

Пока я бегло просматривал газету, старик продолжал излагать свои взгляды на политическую обстановку. При этом он обнаруживал осведомленность настоящего дипломата.

— Залезли во Вьетнам, как в мышеловку, а теперь ни вперед, ни назад... Чудаки!.. Куба под носом — отдали коммунистам, а Вьетнам за 10 тысяч миль — держутся, как вошь за шубу.

— А потом в Перу и в Чили начнется...

— Откуда вам это известно? — спросил я.

— Ты, дружок, еще молодой. Там же одна беднота, капиталисты им по доллару в день платят и еще думают, как бы четвертак срезать. Школ нет, секурити нет, иншуранцев нет, а виски много...

— Да это плохие признаки, — подтвердил я. Старик долго молчал, собираясь с мыслями.

— А это вы читаете? — спросил я, указывая в газете на духовную Беседу.

Старик поправил очки, заглянул в газету и покачал головой.

— Мелко напечатано. Не по глазам.

Я сел ближе к рыбаку и начал читать вслух:

«Кто жаждет, иди ко Мне и пей», — сказал Христос. Человек должен прийти к источнику, если он жаждет найти правду жизни...»

Старик слушал равнодушно, без заметного интереса, а когда речь пошла об ответственности перед Богом за нашу жизнь, он прокашлял и, сматывая удочку, сказал:

— Это не для меня...

— Почему не для вас? Это для всех — заметил я. — Политика может быть не для всех, а Христос умирал на кресте за всех, чтобы все спасены были.

Старик молчал, внимательно и недоверчиво меня оглядывая. Дружественная улыбка его исчезла. Из глубоких, припятанных под седыми бровями глаз, повеяло холодком.

— Знаю я к чему вы клоните. Встречал я таких причеров. У нас в России, при царе, попы голову морочили, а тут эти причеры. Им бы толко доллары...

— Значит вы в Бога не верите? — спросил я.

Тут в Америке у кого есть доллар, у того и бог... Богом прикрываются, а бомбу на Хирупимо кто бросил?...

Старик снял с крючка остатки червяка, бросил их в воду и проговорил:

— Пойду вот туда, в шейд... Тут припекает...

— Да, отец, припекает... — согласился я.

Рыбак бросил мне «гуд-бай» и, похрамывая на обе ноги, пошел в тень.

— А рыбу-то вы забыли. — сказал я ему вслед.

Старик не дослышал.

Подул тихий, прохладный ветерок. Над водою робко пробежала рябь. Лениво свесив ветви, над песчаным берегом дремала ива. Омытый водою песок искрился золотыми крупницами, напоминая о том времени, которое называлось «золотой лихорадкой». По реке против течения шел небольшой, словно игрушечный, пароходик. На палубе, под разноцветным грибом зонта, вокруг стола сидело несколько пассажиров. Они играли в карты и тянули пиво. Огромное раскаленное солнце все еще стояло над головой освещало и грело планету, на которой живут люди, признающие и непризнающие своего Творца.

КАК ДЕЛАЮТ «КОММУНИСТОВ»

Когда-то будучи в лагере военнопленных, я любил в вечернее время слушать рассказы бывалых людей.

Иногда и я рассказывал.

Однажды, к случаю, сказал в бараке:

— А все-таки, московское метро лучше берлинского...

В тот день мы прятались от бомбежки в берлинском метро.

Через несколько дней меня вызвал в канцелярию «зондерфюрер», бывший офицер белой армии.

Не глядя на меня, он долго расхаживал по комнате, подняв голову, как на параде. Потом начал глухим могильным голосом:

— Большевитское отрепье!.. Тебе не нравится берлинское метро?

— О чем вы говорите? — осмелился я спросить.

— Не понимаешь? Кто говорил, что берлинское метро хуже московского?

Наконец я понял в чем дело. В нашей среде были сексоты и кто-то донес начальству мои слова.

— Я говорил. Это суцая правда, — признался я.

— Суцая правда? — взревел «зондерфюрер», багровея и брызгаясь слюной.

— Я отправлю тебя в Дахау!

— Позвольте сказать, — обратился я к начальнику. — Московское метро строили русские люди и потому честь и слава принадлежит им, а не коммунистам.

Гнев зондерфюрера улегся, но наказания я не миновал.

А совсем недавно один знакомый, задержав меня в магазине, рассказывал:

— Вот ты человек верующий, рассуди и скажи, как мне побороть обиду? Недавно сказал одному благочистивому, что в советской России выпечка хлеба лучше, чем в Америке и потому хлеб там питательней, а он мне сразу пришил коммунистический ярлык. Теперь со мной не разговаривает...А у меня ведь еще

не зажили на спине рубцы, что получил от них в 1939 году...

Я слушал и думал: ведь справедливость должна быть выше всего, выше личных счетов с властью. Если бы мы были более справедливы, избегали крайности, нам бы больше верили.

Верующие люди часто критикуют безбожников, а того не замечают, что сами-то недалеко ушли от них. Здесь, где мы имеем духовную свободу, имеем все возможности, чтобы объединиться и показать в личной жизни духовное преимущество христиан над неверующими, идут постоянные деления. Люди стали похожи на механизмы. Говорят, даже проповедуют о любви и милосердии, а глаза горят ненавистью и презрением к инакомыслящим.

Скучно жить в таком мире, господа!

Вероятно, некоторым моим соотечественникам мои заметки не понравятся. Признаюсь, они и мне не нравятся. Но что же делать? Пословица: «Не пеняй на зеркало, коли рожа крива» — не мной выдумана.

ВПЕРЕДИ — ВЕЧНОСТЬ!

БЫСТРО бежит, даже летит, время! А вместе с временем летит и наша жизнь. Куда? В бесконечный океан вечности.

Как важно даже в этой спешке, когда некогда протереть очки, найти время, чтобы остановиться, оглянуться, осмотреться, проверить курс: правильное ли я держу направление?

Помню, было время, когда я никак не мог дожидаться, когда мне исполнится 18 лет. Дни тянулись медленио, черепаший шаг. А теперь совсем другое. В этом году я вспомнил о своем дне рождения на 3-й день, а в прошлом около месяца спустя. И то случайно.

Может быть это хорошо. Зачем причинять хлопоты домашним? О посторонних здесь нет речи, потому что за всю мою жизнь я никогда ни от кого не получал никаких подарков к дню рождения, даже десятицентового карандаша.

И это тоже хорошо.

Сегодня подсчитал: приближаюсь к полстолетию. Значит не за горами и старость. Да, да, моя старость.

Недавно мы печатали в нашей газете интересное высказывание: «Некоторые женщины умудряются прожить до глубокой старости, оставаясь сорокалетними».

Не понимаю: к чему некоторые люди скрывают свой возраст? Никто не даст никому ни одного дня и не убавит.

Все наши годы и дни — в руках Господа.

Псалмопевец молился так: «Господи научи считать дни наши, чтобы приобрести сердце мудрое».

Профессор Е. Лебедев писал много интересных статей о людях, которые боятся даже разговоров о возрасте, о приближении к закату.

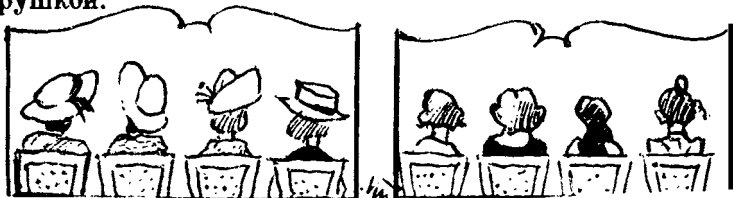
Никакой мудрости я в этом не вижу.

Тот же профессор рассказывал, как в парижском театре женщины никак не желали обращать внимание на объявления, гласящие: «Чтобы не мешать сзади сидящим — снимите шляпу!»

Тогда директор пошел на хитрость. Он написал объявление так: «В шляпах разрешается сидеть только пожилым женщинам».

В тот же день в зале не было ни одной женщины, сидящей в шляпе.

Ни одна женщина не пожелала считать себя старушкой.

КОГО БОЛЬШЕ?

ПОРАЗИТЕЛЬНЫЕ вещи приходится иногда встречать в практике христиан. Я знал, что среди церковных хористов, которые пением зовут людей к вере в Бога, можно встретить людей неверующих. Но вот недавно мне пришлось разговаривать с регентом одной церкви. Он оказался совершенно неверующим человеком.

Это открытие так меня поразило, что я, несмотря на его пожилой возраст, спросил его в упор:

— Почему же вы воспеваете Христа, в Которого сами не верите?

Он долго молчал, а потом тихо, как школьник, проговорил:

— Правду сказать, я люблю искусство.

И его хор поет:

«Мы — свет миру,

Спасенье несем!..

«Если свет — темнота, то что же тогда темнота? — спрашивал когда-то Христос. Этот же вопрос звучит и сегодня.

От огня первохристианской церкви осталась только зола. Этой золой и дышат номинальные христиане. Эту золу разносит ветер по всей земле. Правда, в этой золе можно заметить отдельные искорки, но как они мизерны! Чаще всего они гаснут на лету, только напоминая о том великом огне, который в свое время сжигал языческий мир.

Язычники сжигали христиан, но на самом деле в этом огне они горели сами. А теперь, по словам одного моего друга среди христиан больше язычников, нежели в Африке. Когда он это сказал, я спросил его:

— Как это понимать?

— Очень просто, — отвечал он спокойно. — Если человек любит Бога только языком, а не делом,

значит он — язычник.

Теперь посудите сами, кого на земле больше: язычников или христиан?

МОЯ БЕРЕЗКА

ЕСТЬ непреодолимый закон течения времени. Мы идем вместе с ним и потому мы не замечаем этого движения.

Недавно я свернул на 38-ю улицу, в Сакраменто, где лет 10 тому назад жил в маленьком домике.

Все как будто на месте, но когда я взглянул на березку, когда-то посаженную мною под окном, я понял, как далеко я отплыл за 10 лет.

Это было маленькое, хилое деревцо, неустойчивое, увядавшее в жаркие дни. Долго она боролась с Сакраментским климатом. Преждевременно желтели и осыпались ее нежные листочки, на белой коре появлялись бурые пятна. Я бережно ее окапывал, поливал и продолжал верить, что она не умрет, выживет, приспособится к климату и я буду радоваться ее клейким почкам весной, а листочкам — летом.

Я родился и вырос в деревне, окруженной березовым лесом и береза — мое родное дерево.

И вот теперь смотрю я на это дерево и не узнаю его: белый ствол, как свеча, взметнулся до крыши, а кудрявость ветвей сразу напомнила слова есенинской «Березы», посвященной Капиной:

«О чем там шепчет ветер,
О чем звенит песок?
Иль хочешь в косы — ветви
Ты лунный гребешок».

Приспособилась моя березка к новому месту, помирилась с климатом и растет теперь вверх и в ширь.

Вырванный войной с корнями из родной земли, я тоже не пожелтел и не засох, потому что потоки Живой Воды ежедневно орошают мою душу.

Не знаю, как долго будет расти моя березка на том месте. Да она теперь и не моя: у нее другой хозяин. Но каждый раз, когда я буду проезжать возле этого дома я взгляну на березку и подумаю о скоротечности нашего времени.

Не знаю, как долго я буду обитать на земле. И хорошо, что я этого не знаю.

Так лучше.

Я БЫЛ НА РОДИНЕ...

Часы мерно отстукивают время:

— Тик-так, тик-так...

Они стоят на моем ночном столике, заведенные на 6:30 утра.

Я встал раньше.

Открыв занавеску, увидел темное небо, едва схваченное зарей. Звезды все еще горели.

В моей голове творилось что-то непонятное. Я только что видел сон. Пытаюсь вспомнить все его детали, чтобы на всякий случай записать, потому что через сны иногда говорит к нам Бог.

Каким-то чудом я оказался в моем родном городе Новозыбкове. Иду по Октябрьской площади, нагруженный тяжелыми чемоданами, ящиками, узлами. Мне тяжело, но я несу их с радостью, даже ликованием. Знаю, что в самом тяжелом чемодане лежат Новые Заветы. В других подарки родственникам.

Здесь нужно сделать маленькое отступление. В последний раз я взглянул на родной город в 1943 году. Город был разрушен до неузнаваемости. После окончания войны брат писал, что во время отступления немцев в 1944 году от города мало что осталось.

Он был сожжен.

И вот я иду и с удивлением смотрю по сторонам. Сердце до краев наполнено радостью. Мне хочется петь: это же моя земля, это же мой родной город!..

Но что это такое? Там, где против аптеки стоял памятник Ленину, я вижу огромный, новый пустующий дом. Заново построены новые магазины, возведены радио мачты, но везде, вокруг новых построек лежат горы необработанного строительного материала: камней, песка, кирпичей и новые, скипидаром пахнущие доски. На мостовой в огромные кучи сложен булыжник и дорога, по которой я иду, не закончена.

Сворачиваю за угол. Хочется взглянуть на близкое сердцу здание Педагогического Института: здание перестроено, а вокруг лежит небрежно сваленный в кучи строительный материал.

Я захожу в знакомый мне с детства дом. Меня встречает мать моей жены, которой я никогда не видел и даже не знал по фотографии. Мать меня обнимает и долго целует:

— Сынок, я так долго тебя ожидала...

Губы у матери холодные, высохшие, но лицо у нее радостное и сияющее.

— Мама, — спрашиваю я, — почему у вас до сих пор не очищены дома? Как это некрасиво и не удобно... И дороги плохие.

— Сынок эти дома будут перестраивать. Они же никуда не годятся!.. Поэтому, в них никто не живет, — отвечает мать и умоляюще смотрит мне в лицо.

Я подумал:

— Опять, по-прежнему, строили вредители...

Заведенные часы продолжали отстукивать время:

— Тик-так, тик-так...

А за окном бледно, как догорающие свечи, мигали звезды.

На востоке едва заметной голубой черточкой за-
нималась заря.

ЖИВОЙ ВИНТИК

СЕГОДНЯ на работе меня очень клонило ко сну. Казалось, упал бы на цементный пол и сразу уснул бы под непрерывный жалобный гул моторов, как в колыбели. Но дремать нельзя. Люди работают до поту и задержка одного тормозит ход всей продукции.

Я работал, как и все, представляя себя маленьким винтиком огромной и чудовищно — сложной машины, имя которой — богатая Америка. И этот винтик трется, изнашивается и приближается время, когда его резьба будет прокручиваться и он станет негодным. Главный механик скажет ему: «Ну, потрудились ты, сколько было положено, а теперь — иди на отдых».

Но в этом винтике есть нечто живое, неумирающее, мыслящее и оно **останется** живым и **мыслящим** навек.

Неумирающая **жизнь** духа — это в действительности и есть сам человек, независимо от того, кем он является в земной жизни — винтиком, гайкой или целым агрегатом.

Это и есть величайшее чудо, которое мы называем душой.

Здесь будет уместно привести стихотворение Р. М. Березова, которое он прислал мне из путешествия:

Лукавый сест семя клеветы,
Готови для распятия кресты.

Кого распнут, злословя и браня?
Тебя сначала, а потом меня.

Когда умрем, нас могут пожалеть,
На похоронах будут дружно петь.

И скажут, не питая мыслей злых:
«Как жаль, что мы не оценили их».

И здесь мне хочется сделать приписку:
Не знают все, что я, они и ты
Бессмертны в Царстве Божьей красоты.

ВЫБОР

Повеяло вечерней прохладой. Несколько минут тому назад в небесах, широко раскинутых над аэродромом, светились белые полосы дыма. Они таяли, принимая оранжевый оттенок. Теперь их не видно совсем. Едва мигающие огоньки испытательных самолетов, отдаленный, еле уловимый гул моторов напоминают о присутствии человека в небе.

На окраине города луч прожекторов обшаривает со всех сторон затерявшееся в небе облако. Луч ищет не вражеский самолет, а доверчивых покупателей, рекламируя вновь открытый магазин.

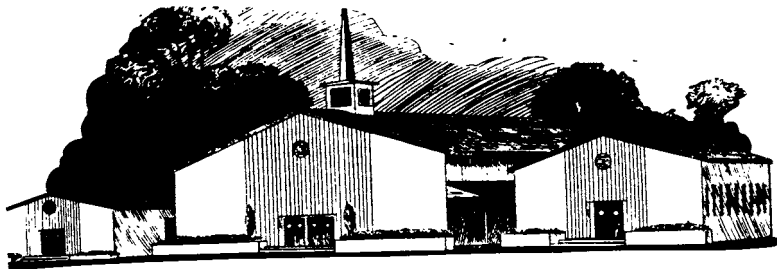
Американские специалисты рекламы — большие фантазеры.

Город не успокаивается до полуночи, по улицам течет река света, снуют во все концы автомобили. И я еду, всматриваясь в освещенную фарами полосу дороги. Вот так должно быть и в жизни: далеко вперед нам не видно, а видно ровно столько, сколько нужно для того, чтобы безопасно продвигаться вперед.

Душа хочет тишины, ищет успокоения от тревог прожитого дня.

В американскую церковь я приехал к началу собрания.

За окном неугомонно бурлит городская жизнь, а здесь, в уютном, теплом зале много света и тишины.

Впереди, за кафедрой, говорит пресвитер. Меня трогают его слова, простые, каждому понятные и правдивые.

В глазах служителя Евангелия стоят слезы. Он вытирает их платком почти незаметно и говорит:

— Я родился в большой семье. Мы все любили старшего брата и отец не чаял в нем души. Отец ходил в церковь, но был скуповат, когда собирали средства для заграничной миссии.

— Помню, — продолжал пресвитер, — наш пастор сказал: «Нам нужно сделать выбор: или мы должны послать в Европу миссионеров с благой вестью о Христе, или нам придется посылать туда солдат».

«Мой отец отнесся к этому призыву скептически. А ровно через два года в наш дом принесли телеграмму. Мой брат был убит немцами при высадке на берега Европы.

— Отец долго ходил в трауре, ни с кем не разговаривал. Потом я видел его в церкви. Он встал перед всеми и сказал:

— Братья и сестры, наш проповедник был прав. Наш большой грех — скупость. Я каюсь в нем и отныне десятую часть моего заработка отдаю на дело Божие...

Печально, что мы всегда каемся после потери, а не до нее.

БЕДНАЯ ЖЕНЩИНА

Я стою в очереди за получением обеда. Фабричная столовая огромная, светлая, наполнена приглушенными голосами. Впереди меня стоит худенькая с детским личиком женщина. Лицо ее белое, бескровное и маленькое, кисти рук тоненькие. Длинные пальцы привычно открывают пачку сигарет и тут же щелкает зажигалкой.

Женщина курила, как опытная курильщица, жадно втягивала в себя дым.

И тут во мне загорелось желание спросить:

— Скажите, пожалуйста, почему вы курите?

Женщина смущенно смотрела мне в лицо. Видно, такого вопроса она не ожидала и может быть никогда о нем не думала.

Я знал, что спрашивать об этом неэтично, но и молчать я не мог. Болезненный вид женщины вызвал к ней сожаление.

если курение не полезно, то почему вы курите?

то я сразу же начну тоже курить, — сказал я. — А если курение не полезно, то почему вы курите?

Женщина сделала еще одну глубокую затяжку и, выбрасывая изо рта клубы дыма, ответила:

— Ай ду нот ноу.

Бедная женщина! Вероятно, она — мать малых детей. Она делает то, что не знает.

И таких миллионы. Даже среди христиан.

Если бы те деньги, которые номинальные христиане превращают в дым, отдавались на дело Божие, ни одна церковь не испытывала бы материальных затруднений. Тысячи миссионеров можно было бы послать в другие страны. Если бы в свое время миссионеры были посланы во Вьетнам, Америке не нужно было бы посылать туда своих солдат.

ГОРОДСКАЯ ОСЕНЬ

Осторожно, почти незаметно подкрадывалась осень. Сначала это были сухие, пепельные листья, сожженные горячим августовским солнцем. Их гонял ветерок по зеленой траве парка, словно искал для них потаенное место. Затем по утрам продолжительнее стояла прохлада. Сентябрьский воздух казался упругим, потяжелевшим, а после первого небольшого дождика

воздух сразу наполнился запахами усталой земли — и это уже был запах настоящей осени.

Школьные площадки наполнились шумной детворой, закрылись купальные бассейны, владельцы домов чаще говорят об уплате городского налога и это все значит, что лето 1967 года прошло и больше не вернется к нам никогда. Возможно будет другое лето, лето 1968 года, но и за ним придет осень с теми же самыми приметами.

В этом круговороте времени самое лучшее то, что никто из нас не знает своего завтра. «Не вполне человека давать направление стопам своим», — сказал когда-то великий пророк Иеремия. Так устроен человек. Его воля подчинена одному или другому хозяину. И как он счастлив, если этим хозяином является его Творец.

Пришли на память и другие слова пророка Иеремии: «Пришла жатва, кончилось лето, а мы не спасены».

ОПАСНАЯ ФИЛОСОФИЯ

СЕГОДНЯ, в 8 часов утра, на фабрике, где я работаю, замесом упал повор на цементный пол. Ему было 46 лет. Он никогда никому не жаловался на плохое здоровье.

Несколько недель до этого события на дворе той же фабрики, за рулем грузовика умер шофер. Ему было 45 лет.

Я вспомнил о том, что великий русский композитор Бородин умер во время танцев. Веселился, танцевал мазурку и упал навзничь мертвым.

Вспомнил о благословенном муже Божьем И. В. Пепраше. Он отошел в вечность на вокзальной скамейке с раскрытой Библией в руках.

По разному живут, по разному умирают люди.

Когда в фабричной столовой я сказал моему со-

седу, что такое может случиться с каждым, он заметил:

— Я хотел бы умереть пьяным!..

Догадываюсь почему. Недавно я пытался его убедить, что после смерти человек остается навеки в том состоянии духа, в каком его застигает смерть. А так как «пьяному море по колено», то ему казалось, что это — самое лучшее состояние перед смертью. Ничего не страшно.

Но это опасная философия!

БАБУШКИНЫ ПРОГНОЗЫ

В ЭТОМ году начало сакраментского лета было прохладным. Потом внезапно, в середине июня, на город навалилась жара до 105 градусов.

Некоторые люди такие явления называют капризами природы. В действительности же это не так. Природа не капризна. Природа умна. Все природные явления находятся во взаимосвязи и главный импульс управления — под контролем Творца.

Есть такие ученые, которые не хотят признавать это. Они измышляют всевозможные объяснения, но сами им не верят.

Наша добрая знакомая американка, встречаясь с нами, неизменно начинает разговор о погоде:

— Сегодня обещали похолодание, а она смотрите — за 100 градусов перевалило.

— Кто же это обещал похолодание? — спрашиваю я.

— «Веттер мен» обещал, — говорит она. — Метериолог.

Ах, эти метериологи! Как часто они попадают впросак! Вот почему опытные предсказатели погоды обычно говорят так: «Ветер умеренный, температура 90-100 градусов, возможно похолодание».

Моя бабушка предсказывала погоду тоже. Уж если скажет: «Сегодня будет дождь» — обязательно будет.

— Мои косточки говорят, что будет дождь, — говорила она.

· СЧАСТЬЕ ИОСИФА КАЦМАНА

МНОГО лет тому назад, в 1816 году, на главной улице Лондона высилось красивое четырехэтажное здание с вывеской: «Банк оф Майер Ротшильд».

Весь тогдашний мир знал Ротшильда, финансово-го магната. Лондонские купцы звали его «золотым мешком». Когда Ротшильд появлялся утром на улице, купцы издали сносили перед ним черные фетровые шляпы и заискивающе улыбались:

— Гуд мornнг, сэр!..

Тот, кому Ротшильд, встречаясь, пожимал руку, ходил в почете у местной знати.

В те времена немало предприимчивых еврейских юношей приезжали в Лондон, чтобы разбогатеть на торговле шерстяными тканями. Они искали покровительства и поддержки у Ротшильда. Искали и многие находили.

Не один разбогатевший купец потом говаривал:

— Ротшильд — мой батюшка, благодетель. Он расчистил мне дорожку и помог встать на свои ноги. Дай Бог ему здоровья!..

Иосиф, старший сын варшавского бакалейщика Кацмана, однажды в споре бросил отцу колючие слова:

— Не хочу нюхать твой керосин, да деготь! Не хочу торговать спичками!..

В тот день он ушел из дому.

Ушел и не вернулся.

В ту же весну Иосиф Кацман появился в Лондоне

у дверей банка Ротшильда. Ротшильд на второй день принял Кацмана, слушал его благосклонно, опустив поседевшую голову. Иосиф просил заем.

— На этот раз не могу вам помочь. Слишком много теперь ходит таких ко мне, — проговорил Ротшильд.

На больших темных глазах Иосифа заблестели искорки слез.

Банкир это заметил и, как бы спохватившись, спросил:

— Почему ты пришел просить заем у меня? Есть ведь другие банки...

— Я еще в Польше слышал, что вы всем помогаете стать на ноги. Вы добрый, знаменитый... Вас весь Лондон, весь мир знает...

— Не могу, — повторил Ротшильд и углубился в свои бумаги.

Иосиф постоял у дверей и направился к выходу.

— Куда же ты пойдешь, — спросил его Ротшильд, заметно добрея.

— Не знаю...

— Хорошо, юный друг, я пройду с тобою до моста, — сказал магнат.

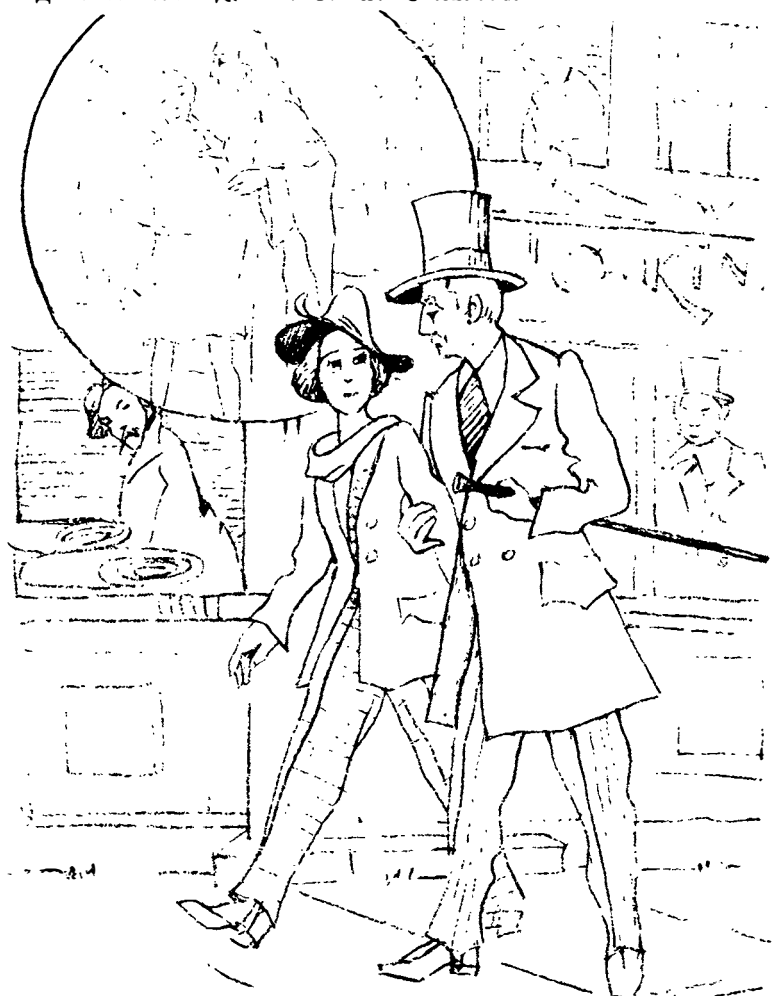
Ротшильд взял Иосифа под руку и вышел на шумную улицу. После долгих густых туманов в Лондоне установилась хорошая солнечная погода. Под ногами порхали голуби. Со стороны Темзы подувал приятный, влажный ветерок.

Торговцы выглядывали из окон своих лавок. Каждому хотелось знать, с кем идет великий Ротшильд, по дружески разговаривая.

— Наверно приехал его родственник, — думали купцы.

Кто-то остановил карету, предлагая их подвезти, но Ротшильд отказался. Он перешел с Иосифом мост, пожелал ему всего хорошего и, прощаясь, добавил:

— Теперь, юный друг, ты можешь заходить на этой улице к любому торговцу и брать товар в кредит. Никто здесь тебе не откажет.

Иосиф низко раскланялся, сняв шляпу. Ротшильд подозвал извозчика и возвратился в свой банк.

В тот же день Иосиф зашел к первому торговцу,

в большой угловой офис. Навстречу ему вышел рыжеватый купец с пухлыми, как у женщины, руками, поклонился и спросил:

— Что вам угодно, сэр?

— Мне нужно 5 тысяч ярдов шерстяной ткани. Разумеется, в кредит...

— Рыжеватый купец широко улыбнулся.

— Только пять тысяч? Больше не хотите?

— На первый раз хватит этого, а потом посмотрим, — входя в роль делового человека, — ответил Кацман.

— Хорошо. Вот вам образцы. Выбирайте, а завтра подпишете бумаги.

Иосиф энергично пожал пухлую руку рыжеватого торговца и вышел на улицу, довольный и счастливый.

Слушая этот бесхитростный рассказ из уст моего единоверца Я. Ф. Пригодича, я думал, как хорошо иметь другом сильного, умного, богатого человека!

Насколько же лучше быть другом Того, Кто держит в руках весь мир, всю вселенную.

И это возможно.

Христос сказал Своим последователям: «Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам...».

ВРЕМЕНА МЕНЯЮТСЯ

В статье «Почему молодые девушки продают своих детей», напечатанной в «Ридер дайджест», американская журналистка Э. Лейк рассказывает о том, как тысячи незамужних матерей продают своих детей на черном рынке Америки.

Каждый год в Америке не меньше 20.000 незамужних матерей через всевозможных посредников, включая адвокатов, докторов и шоферов такси продают своих новорожденных детей тем, кто в них заинтересован.

В прошлом году в Америке 176.000 школьников принесли своим родителям незаконнорожденных детей, не краснея и не считая свой поступок позорным.

Разве это не один из признаков последнего времени перед явлением Христа?

Читая об этом, я вспомнил случай, который произошел в моей деревне. В мой первый школьный год была суровая зима. Дорогу в школу занесло снегом и я весь день сидел у окна и наблюдал то за пустынной улицей, то за синеватой чертой леса.

В избу вошла моя старшая сестра и взволнованно проговорила:

— Танюша повесилась!..

Это была дочь соседа, красивая скромная девушка лет восемнадцати.

Я выбежал на улицу. Избу соседа окружала взволнованная толпа.

— Откачивать надо, откачивать!.. Растирайте снегом!.. — раздавались голоса.

Таня умерла.

На другой день приехал городской фельдшер. По всей деревне ползал слухок: «Танюша была беременной...».

Танюша не могла перенести позора, который неминуемо к ней приближался.

(Ее жених уехал на Дальний Восток). Танюша наложила на себя руки.

Но времена меняются.

Теперь смотрят на все это иначе, по-язычески. Впрочем, у язычников этого не бывает.

ЖИВАЯ РЕКА

ЦЕРКОВЬ Иисуса Христа многие богословы сравнивают с горной рекой, протекающей в ущелье, между скалами. Иногда она совсем теряется из виду, делает-

ся еле заметной и только слышно, как умиротворяюще журчит живая вода.

Усталый путник всегда найдет ее по радующему звуку журчащей воды. В реке путник может освежиться, выпить ее воды. Как жаль, что многие путники утратили слух и проходят мимо этой реки.

Вспомнилось мне стихотворение В. Зубарева, молодого советского поэта, о горной речке:

«Дрожат от озноба на дне ее камни.
Я кланяюсь ей и дорога легка мне.
О ней говорят: «Такая, саякая!...»
А речка бежит. не иссякая.

Она и не может иссякнуть, потому что ее источник неиссякаем.

Источник реки, которую я имею в виду — Христос и Его Евангелие.

ВЗГЛЯД НАЗАД

ГОВОРЯТ, что эмиграция живет воспоминаниями. Это верно сто раз.

Каждый раз, вспоминая что-то или о чем-то, можно извлечь урок.

У моей старшей сестры был сын Леня, низкорослый крепыш с белыми выгоревшими от солнца волосами. Подстригался он редко и его волосы были похожи на хорошо выбеленный лен. От растительной и жидкой пищи у него был большой, не по росту, живот. Сестра часто жаловалась:

— Господи, когда я накормлю моих детей. Они всегда голодные.

У нее их было пятеро.

В 1935 году умерла моя мать. Я остался в избе один. Сестра однажды предложила:

— Возьми к себе моего Леню. Тебе будет веселее,

а мне меньше хлопот.

В ту пору Лене было 7 лет. Он пришел ко мне один из деревни Синий Колодезь, где жила сестра, поразив меня смелостью: 12 километров дороги лежали через леса.

Леня жил со мною всю зиму и, казалось, всем был доволен.

В холодные зимние вечера мы беспощадно жгли железку. Греясь возле нее, мы подолгу читали рассказы М. Горького и Мамина Сибиряка. После чтения нам долго не спалось: мерещились глухие сибирские края и жадные к наживе богачи — купцы, убивавшие родного брата, чтобы овладеть золотом.

В школьной библиотеке не было книг, которых я бы не читал. Книгами меня снабжал учитель русского языка и литературы из соседней деревни.

С той поры прошло 30 с лишним лет.

Недавно я получил от Лени письмо. Он прислал мне фотокарточку. Те же умные карие глаза смотрят на меня из под матросской безкозырки, на приоткрытых устах застыла улыбка, будто он только что сказал:

— Смотри, дядя Коля, каким героем стал твой

племянник. Моряком! А помнишь, как мы вместе спали на печи, свернувшись калачиком. Помнишь, как морозный январский ветер выхолащивал нашу избу как мы каждое утро варили горшок промерзшей, неприятно-сладкой картошки.

Да, это был наш дневной рацион, хлеба тогда у нас не было.

Все ушло, все уплыло, но не без следа. Только никогда не существовавшее не оставляет после себя следов.

А след от тех переживаний таков: когда мне бывает трудно (а такое бывает), я не впадаю в отчаяние, а говорю сам себе:

— Держись Николай, за Господа. Он сохранил тебя во времена много хуже теперешних.

ПОКА НЕ ПОЗДНО...

Как-то заехал я к знакомым, чтобы пригласить их на Праздник Хора, устраиваемый нашей церковью в Сакраменто.

Возбужденные лица супругов пылали гневом.

— Заходи, заходи, — приглашал меня муж. — Не смущайся.

— Закрой свой паяльник! — выкрикнула жена из спальни и стукнула дверью. — Не оправдывайся.

Несколько минут спустя, она вошла в гостиную. Началось излияние обид. Остановить их спор я не мог.

Жена кричала мужу:

— Я не прошу тебе ни за что до самой смерти...

Провожая меня, муж грустно смотрел в землю...

— Вам бы я советовал молчать, не оправдываться перед женой, когда она во гневе, — посоветовал я.

— В том-то и беда, что когда я молчу, она еще больше злится, — ответил муж и вяло почесал за ухом. Потом он рассказал мне историю мужа и жены,

которые жили не в ладу и дело доходило до драки. Но когда муж умер, жена всегда хвалилась:

Хороший был у меня муж. Уступчивый...

После смерти люди видят других людей в другом свете.

Не помню, кто мне рассказывал о 2-х сестрах, которые поссорились из-за подушки при разделе наследства умершей матери. Вскоре одна из сестер заболела, была при смерти. Когда пришел пастор, чтобы сестер примирить, больная сказала:

— Если я действительно умру, то прощаю ее, но если останусь жить — не прощу...

И она умерла.

Христос же сказал так: «Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним». (Мф. 5:25).

Другими словами: «Мирись, пока не поздно».

ГОВОРIT СТАТИСТИКА

СЕГОДНЯ прочел в газете статистику относительно того, как американцы расходуют деньги. По прочтении сделал выписку в мой «Блок-нот эмигранта».

Вот как выглядит эта статистика:

Америка израсходовала в прошлом году на азартные игры — 36 биллионов долларов. Криминальные преступления стали Америке 24 биллиона. На алкогольные напитки израсходовано 11.05 биллиона, на курение — 6.37 биллионов, на питание для собак («дог фуд») — 0.22 биллиона, а на миссионерское служение во всех странах мира (на заграничную миссию) — 0.13 биллиона. Это почти в два раза меньше, нежели на «дог фуд».

Собаки в Америке пользуются особым вниманием

После этого, конечно, не удивительно, что война в Вьетнаме не утихает. А если утихнет — вспыхнет в

другом месте. В такое время мы живем. «Маленькая война» может превратиться в «большую». И люди будут спрашивать: почему Бог допускает войны?

На этот вопрос дает ясный ответ вышеизложенная статистика.

МИССИОНЕРСКОЕ ПОЛЕ

ЭТОГ случай произошел с проповедником Евангелия в СССР. Оказавшись в Канаде, он рассказывал: «Когда меня арестовали за религиозную активность, я было упал духом. Меня лишили того дела, которому я посвятил всю мою жизнь. А когда после первого допроса меня привели в камеру, где сидело человек 100, я сразу понял почему я оказался в тюрьме? Перед сном я молился так: Господи, как мне было трудно собирать людей, чтобы возвещать им Твое Евангелие. А теперь мне людей собирать не надо. Они уже собраны. Сделай меня для них благословением...»

— И что же вы думаете, — продолжал далее проповедник, — Господь молитву услышал. В камеру приходили и уходили свежие люди. За короткое время через мое свидетельство 40 душ уверовали во Христа. Я их учил петь гимны, молиться. Охрана не раз стучала в двери:

— Замолчите!..

Наконец, начальство узнало, что произошло в камере и меня перевели к уркам, к уголовникам. А в это время верующие собрали для меня передачу: сухарей, белье, сахару. Когда я вошел в камеру, глаза уголовников пронизывали меня насквозь. Я сделал несколько шагов, положил свою сумку на пол и, обращаясь ко всем, сказал:

— Братья, сегодня я получил передачу. Может среди вас есть нуждающиеся? Разделите...

Высокий, хмурый парень, должно быть старшой, подошел ко мне, молчаливо взял мой «сидор» и тут же

разделил передачу всем поровну, включая меня:

— Возьмите, это ваша часть, — сказал он мне, подавая пустую сумку.

В камере мне полагалось место у параша, но старшой тут же сказал:

— Хорошим людям у нас есть хорошее место. А впрочем, скажи, за что тебя перевели к нам?

— Да вот в 44-й камере я научил людей молиться Богу, а начальству это не понравилось. Меня бросили к вам...

Старшой улыбнулся, моргнул своим коллегам и сказал:

Вот хорошо! Теперь учи нас молиться Богу...

Тюрьма стала для меня миссионерским полем. Признаться, я очень жалел, когда через месяц меня освободили...

В ЗАКРОМАХ ПАМЯТИ

ОДИН из моих братьев по вере, Терентий Шелюк, как-то рассказал эпизод из своего детства. Он настолько поучительный, что я решил рассказать о нем друзьям.

«Помню, будто это было вчера. Пасли мы коней на выгоне. Нас было несколько сельских пареньков. Пришло обеденное время. Каждый открыл свою сумочку, где хранился хлеб и кусочек сала. Сало мы любили поджаривать на костре, посадив его на прут.

Был с нами один приезжий парнишка. Он тоже развернул свою сумочку, а там оказался пирог с ягодной начинкой. Смотрим мы на него, а у нас слюнки текут. Попробовать хочется.

Парень взял пирог в руки и начал молиться: «Господи, спасибо Тебе за этот пирог и за маму, которая его спекла. Благослови нас»...

Парень осторожно разломил пирог на несколько равных частей и подал каждому из нас. Пирог был необыкновенно вкусным и я теперь еще помню его душистый аромат. Но главное не в этом. Молитва этого парня произвела на меня такое впечатление, что я сразу же перестал ругаться нецензурными словами, подружился с этим парнем, а после от него узнал, что есть

такая книга, которая называется Евангелием и что в этой книге написано, как надо верить в Бога и как надо жить.

Это был первый толчок к исканию Истины, которая открылась мне много лет спустя в Канаде».

Да, у нас, у каждого, есть закрома памяти, но не каждый туда заглядывает.

БЫВАЕТ И ТАК...

ИНОГДА бывает так: пишешь о каком-нибудь событии, которое произошло, к примеру, в Канаде, а через неделю приходит письмо от калифорнийца с вопросом: «Какое вы имели право писать обо мне в газете?»

— Как же? Там прямо написано: и «церковнослужитель».

— Но ведь служителей церкви на земле тысячи. Все деноминации имеют своих служителей.

— Да, но здесь явный намек на меня. Как срисовали...

Это напомнило мне такой случай.

Зимой 1949 года в Мюнхене проповедовал известный евангелист Иоанн Марк. Однажды, перед началом собрания, во дворе молитвенного дома появился инженер К. Он, как мне было известно, служил в Эф-Би-Ай. Поздоровавшись со мною, он как бы невзначай обронил:

— Надо послушать, о чем будет говорить этот возмутитель.

Я хотел предупредить И. Марка о том, чтобы он был осторожным. Ведь каждое слово агент разведки может истолковать превратно. Но сказать мне не удалось. Марк был уже за кафедрой и я положился на Господа.

После собрания инженер К. подошел ко мне:

— Значит вы предупредили его, что я здесь?

— Абсолютно нет — Ответил я. — Не успел.

— Как же нет, если этот армянин все время говорил обо мне, о моей жизни, смотрел на меня и даже указывал пальцем. Но я все-равно его уловлю... — добавил он и, повернувшись на каблуках, пошел к трамвайной остановке.

Как верна русская пословица: «На воре шапка горит».

РУКИ МАСТЕРА

ВЕСНОЙ 1941 года, перед началом 2-й мировой войны, пришлось мне смотреть кинокартину «Паганини». Она шла в Новозыбковском кинотеатре и чтобы купить на нее билет, мне пришлось отказаться от обеда.

Партина произвела на меня большое впечатление. Некоторые кадры этого замечательного фильма помню до сих пор.

Где-то, на окраине Лондона, в маленькой лавке старьевщика, собрались люди на аукцион. Антикварий привез старую, грязную скрипку. Обращаясь к толпе, он сказал:

— Эта скрипка сделана руками Страдивариуса...

В толпе посмеивались. Никто не верил, что эта грязная, запыленная скрипка, долго пролежавшая где-то в подвале сделана великим мастером. На ней не было имени Страдивариуса.

Антикварий пытался объяснить, что великий мастер не на каждой скрипке ставил свое имя. Но это не помогло. Публика оставалась безразличной.

Кто-то подал голос:

— Пять гиней. Не больше!

В это время с улицы вошел человек средних лет

в бархатной куртке. Он был черноволос и худощав. Он подошел к прилавку, взял скрипку и начал ее внимательно рассматривать. Он бережно вытер платком пыль, натянул струны, настроил скрипку и как только его смычок коснулся струн, в толпе раздались голоса:

— Паганине!... Паганине!...

Полутемную лавку наполнили чудные звуки и в ней, казалось, сразу посветлело.

Играл гениальный музыкант.

Люди сразу затаили дыхание. Некоторые мужчины сняли шапки. Одни плакали, другие смеялись от радости.

Как только Паганини кончил играть, из толпы раздались голоса:

— 50 гиней!

— 60 гиней!

Паганини купил эту скрипку за 100 гиней и в тот же вечер он дал на этой скрипке концерт.

Успех был потрясающим.

Каждый раз я вспоминаю кадры этого фильма, когда встречаю людей в прошлом ничем не приметных, а теперь совершающих великое дело благовестия Евангелия.

Небесный Мастер делает с душой человека чудеса. В прошлом грязная, никому ненужная, душа возрождается к новой жизни, как только коснется ее Христос. Он очищает ее, настраивает, приводит в порядок и начинает ею пользоваться.

Некогда грязный и никому ненужный в умелой руке Мастера приобретает великую ценность.

Сколько «скрипок» с оборванными струнами пришли в «небесный оркестр?!»

Я знаю таких и потому, радуясь, не могу не воскликнуть:

О, пусть душа моя,
Как скрипка зазвучит
В руках большого
Мастера Вселенной!

ВДОХНОВЕНИЕ

КАК для солиста очень важным является постановка голоса, так для писателя очень важным является постановка слога, или точнее — постановка слова.

Но это еще не все.

Для натренированного поэта не трудно написать стихотворение на любую тему, в любое время. Но будет ли в нем поэзия — это другой вопрос.

Кроме природных данных, которые мы называем даром свыше или одаренностью, нужно еще одно — вдохновение.

Уже давно я не пишу новых стихов. Пробовал и все напрасно: не получается. Каждый день мысли заняты одним: как бы не опоздала к сроку выйти газета «Наши Дни?»

Те, кто мог бы помогать в этом деле, теперь ждут и никак не дождутся ее умирания. До стихов ли мне в такое тяжелое, заботливое время!

Но вот вчера неожиданно полились слова и я еле успевал их записывать.

Сегодня прочел это стихотворение снова и снова, сделал одну поправку. Не верилось, что это стихотворение было написано за 5 минут.

Как жаль, что такие минуты теперь приходят ко мне очень редко.

Мне нравится стихотворение Дм. Климова. Оно хорошо и правдиво рисует вдохновенные минуты поэта:

«Над крутыми этажами зданий
Ночи бархатная синева.

Слышу, Слышу:
Вот ползут к гортани
И выпархивают мои слова.

Я беру, которые покрепче,
Нитью мысли связывают их. —
Все прочнее, бережней и легче
За стихом укладываю стих».

В ДРУГОМ ОСВЕЩЕНИИ

СЕГДНЯ мне хочется записать несколько слов о суетности человеческой жизни. Если кто-нибудь скажет, что это — старая тема, я отвечу: Нет такой старой темы, на которую нельзя было бы сказать что-либо новое.

Истина всегда остается истиной, но мы можем видеть ее с разных сторон и в другом освещении.

В одном освещении — нам нужна религия. Гонение против религии — преступление.

Это истина.

В другом освещении религия без духа — это смерть, это опиум: привыкает к ней человек, как к табаку и делается ее рабом. Я знаю многих религиозников сухих, как сухари и жестоких, как «святые инквизиторы.»

Это — тоже истина.

Как-то П. И. Рогозин рассказывал: «Пригласил я знакомого в церковь по телефону, а он в ответ:

— Не могу, не могу... Дела неотложные. Ну, никак нельзя...

Я ему говорю: «Да вот к нам приехал из Аргентины человек, проповедник...»

— Нет, поверьте, сегодня не могу, — взмолился человек.

— И этот проповедник привез из Аргентины для

вас от вашего друга каку-то вещь...

— О, да?... Ну, тогда я приеду к вам сегодня. Когда начало? — радостным тоном спросил знакомый».

Суета земной жизни поглощает многих людей с головой. Они, бедные, оградили свои дома высокими заборами, думая найти там счастье. Они забыли, что Бог дал нам жизнь для вечных целей и что их мертвая религиозность — пустое, никому ненужное, бесполезное занятие.

Без перемены сердца религиозность не стоит ломаного гроша. Такая религиозность только затемняет ум и делает человека уродом: ни христианин, ни безбожник.

ЧТО БОЛЬШЕ?

ОБ ЭТОМ случае мне рассказал проповедник из Тексаса. Когда-то об этом писали в газетах.

Небольшой пароход вышел в море на рыбную ловлю. Случилось так, что два рыбака отплыли на лодке от парохода, а в это время неожиданно подул ветер и отогнал лодку в сторону.

Рыбаки потеряли из поля зрения пароход, а ветер все усиливался. С наступлением темноты начало морозить. До берега было около 100 миль.

Два рыбака, затерянные в открытом море, вели отчаянную борьбу со стихией, стараясь приблизиться к берегу. Уже светало, а берега все еще не было видно. У рыбаков не было ни пищи, ни воды.

Один рыбак так был душевно надорван, что к концу второго дня отказался грести и через несколько часов замерз от холода. Второй не сдавался. Его окровавленные руки примерзали к веслам, но он продолжал грести и молить Бога о помощи.

Раньше он никогда не молился Богу, а теперь молился горячо и искренне.

На четвертые сутки рыбак увидел очертания бе-

рега. Его подобрали в полумертвом состоянии. Чтобы спасти жизнь, его отмороженные руки и ноги пришлось ампутировать.

Рыбак выздоровел и был счастлив, потому что в беде он обрел веру в Бога.

Он потерял руки и ноги, но ведь Христос сказал так: «Душа не больше ли тела?»

БЫТЬ МОЖЕТ ЗАРЕЙ...

ВЧЕРА был жаркий день. Два последних часа моего рабочего дня я работал в помещении, где термометр показывал 112 градусов.

Домой ехал разваренным, неспособным ни к какому труду. Лучи заходящего солнца били золотыми снопами в окно автомобиля. Над вершиной горы стояло растянутое, окрашенное в пурпур, облако.

Вечером у меня разболелась голова и я вышел во двор. Вечерняя прохлада, казалось, стекала с огромных, все еще зеленых деревьев и разливалась по земле. Во дворе прогуливался ветерок, разнося запахи осени.

Я лег под деревом на качалке, прикрывшись одеялом, но уснуть не мог. Звезды мигали ярко и небо казалось безмолвным, а Земля попрежнему гудела, ухала, стонала и плакала. Земля на которой стоит наш го-

род, никогда не отдыхает.

Со стороны главной дороги доносился ревущий гул грузовиков. Недалеко лязгал маневрирующий поезд, визжали тормоза. Потом несколько раз жалобно завывала сирена, иногда раздавались пьяные голоса молодежи.

Было далеко за полночь, когда я вернулся в комнату, лег на диване и вскоре уснул. Уснул сладко, как спят дети. И, вдруг, затрещал будильник. Мне хотелось выбросить его в окно, но это ничего бы не изменило: мне надо было снова собираться на работу.

Несколько минут спустя местная христианская радиостанция, передающая евангельские программы круглые сутки, передавала песню, слова которой переведены на русский язык:

Быть может зарей,
Когда утро начнется
И солнечный луч
Сквозь туманы пробьется,
Придет Иисус
В полноте Своей славы,
Чтоб взять от Земли Своих».

Гряди, Господи, сегодня!..

Жалеть на Земле мне совершенно нечего.

Жаль мне только тех, которые еще до сих пор не открылись Господу.

ЧЕЛОВЕК — ЭТО ЕГО ДУША

МНОГИЕ люди заявляют:

— Душа?.. Этого быть не может? Умер человек, закопали его в могилу, в землю — матушку, вот и вся его история...

— Почему вы не верите в загробную жизнь? — спросил я как-то одного знакомого.

Он невозмутимо посмотрел на меня и ответил:

— Я не верю в загробную жизнь, потому что ее

Этот ответ мне сразу же напомнил «Письмо ученому соседу» А. П. Чехова относительно жизни на луне. Чеховский «мудрец» писал так:

«Если бы люди жили на луне, то они бы падали на землю, а этого не бывает. Нечистота и помои сыпались бы на наш материк с населенной луны. И вообще луна существует только ночью, а днем она исчезает...»

Да, возможно на луне и нет жизни, но загробная жизнь, жизнь духа, существует. Человек — это не только плоть и кровь. Человек — это в первую очередь его душа, его дух, не подчиняющиеся законам тления. В этом плане человек бессмертен: И святые и грешники.

Кто сокрыл свою душу во Христе, тот будет с Ним и в вечности.

ДВА ЛИЦА

ВЧЕРА мне прислали сборник произведений талантливого украинского писателя — сатирика Остапа Вишни.

Перо у него острое, как скальпель хирурга. Пишет он смело, обличая бюрократизм партийных чиновников.

Эта смелость меня удивила: при коммунистической цензуре писать так откровенно о власти имущих.

Между прочим, у него есть такой диалог:

— Вы в Бога верите?

— На службе не верю, а дома — верю.

Так бывает в СССР, где религиозному человеку закрыты дороги к продвижению по служебной лестнице.

В Америке же чаще встречается наоборот: на службе, перед людьми, человек верит в Бога, а дома, где его никто не видит — живет, как безбожник.

Такая лицемерная религиозность опаснее безбожия.

П И С А Т Е Л И

Функция памяти — не только запоминать, но и забывать.

И мы забываем...

Очень хорошо, если мы забываем плохое, неприятное, неинтересное, а помним хорошее. В жизни однако, чаще бывает наоборот: мы помним до мельчайших подробностей о нанесенных нам обидах, а забываем наших верных друзей и благодетелей.

У псалмопевца Давида была хорошая память. Он часто вспоминал, как Господь извлек его «из страшного рва, из тинистого болота и поставил на камне ноги его» (Пс. 39).

В минуты душевной радости он однажды воскликнул: «Благослови, душа моя, Господа и не забывай всех благодеяний Его».

Размышляя об этом, вспомнил я сегодня о моей первой встрече с писателем. Он не был знаменитостью. Я даже не знаю, что он написал, но встреча с ним имела большое влияние на формирование моих склонностей.

Этим писателем был Михаил Лоренцев.

Я был учеником 6-го класса Котической НСШ (неполной средней школы).

Однажды, директор школы Филипп Иванович Романчук, похожий своими рыжими усами на Максима Горького, сообщил нам новость:

— Завтра в нашу школу приедет московский писатель.

Он не назвал его фамилии. Да для нас и не было важным. Главное, мы могли увидеть и услышать настоящего, живого писателя.

На другой день после окончания уроков, все ученики пятых, шестых и седьмых классов собрались в

небольшом школьном зале. Мы ожидали писателя, за-
таив дыхание. В зал вошли учителя, а за ними в со-
провождении директора шел писатель.

Он был низкого роста, чуть повыше семиклас-
сников, коренаст, с длинным загривком седеющих во-
лос. Он удобно, с достоинством сел в приготовленное
для него единственное кресло. В стеклах его больших
очков в тяжелой роговой оправе отражался свет заж-
женных ламп. Он широко улыбался, глаза его смотре-
ли через очки мягко и доверчиво, не скрывая любо-
пытства. В его взгляде было какое-то притяжение.

Более двухсот «гавриков» сидели перед ним, от-
крыв рты, будто им не хватало воздуха. Чтобы не нару-
шить тишину, мы боялись шевельнуться.

Писатель с достоинством, спокойно снял очки, вы-
тер их платком, неторопливо посмотрел в окно, где
уже сгустились сумерки и, вытащив из кармана за-
писную книжку, сделал в ней какие-то пометки.

Директор представил нам писателя и тот, слегка
поклонившись, начал приблизительно следующее:

— К вам, юные друзья, я приехал из столицы
нашей большой советской родины, из Москвы. И при-
вез вам привет от Союза писателей. Я бываю в сель-
ских школах, рассказываю ученикам, что такое писа-
тель. Мое имя Михаил Лоренцев.

Голос Лоренцева был приятен, говорил он мед-
ленно, сдерживая улыбку удовольствия:

— Писатель — это не профессия и не долж-
ность. Писатель — это человек, который видит даль-
ше и глубже других, который умеет наблюдать
жизнь и отображать ее словами в рассказах, повес-
тях, романах.

Писатель должен показывать жизнь другим такой,
как она есть на самом деле. Художник рисует кисть-
ю, красками, а писатель рисует жизнь словом.

Я верю, что некоторые из вас пожелают быть писа-
телями и будут ими, придут к нам, старикам, на сме-

ну. Не правда ли?..

Я сидел на первой скамье, прислушивался к каждому слову писателя, любовался его авторучкой, воткнутой в карман пиджака, его часами на руке, которая часто повисала в воздухе, как изваяние.

Я не помню всей речи писателя, но и теперь, спустя много лет, помню, как он, отпив несколько глотков воды, читал нам стихи Маяковского «Кем быть?»

«Я бы в летчики пошел,

Пусть меня научат!..»

Нет, в ту минуту я не хотел быть ни летчиком, ни машинистом. Я хотел быть писателем.

Лоренцев читал отрывки из рассказов Горького, Николая Островского, читал умело, будто рисовал перед нами живые картины.

Такое чтение не могло не захватить наши юные души.

Писатель произвел на меня потрясающее впечатление. Мы долго ему рукоплескали, а он, широко улыбаясь, стоял перед нами, как кудесник, который умел заворочить наши мысли, увести нас в царство живого художественного слова.

Так как я жил в семи километрах от школы, мне пришлось заночевать в деревне, у друзей.

Спал я плохо, голова была полна мыслями, мечтами о писательстве. Думал о том, с чего я должен начинать, чтобы стать писателем. Первое, сказал Лоренцев, надо много читать, уметь наблюдать за окружающей жизнью, любить людей, любить родину. Все это, казалось, было у меня налицо. Утром, на пути домой, я несколько раз присаживался, пробовал писать стихи о том, как красив летом наш край, но у меня ничего не получалось. Дальше двух строк дело не шло.

У входа в деревню я свернул на кладбище, где год тому назад была похоронена моя мать. У меня

была привычка, проходя возле кладбища, снимать фуражку. Я считал мать святой, близкой к Богу. Я разговаривал с ней, как с живой:

— Мама, помоги мне стать писателем...

На этот раз я сел возле ее могилы, на пне срезанной березы и мне было приятно, что меня никто не видит, кроме порхающих пташек.

Через несколько минут появились строки:

Ах, как трудно идти мне прямо,
Когда нету дороги прямой.
Мама,мама родная мама,
Будь незримо всегда со мной.

На душе у меня тревожно,
Хлеба нет и я голоден, мать.
Неужель, неужель невозможно
Мне хорошим писателем стать?

Жизнь сложилась не так, как я думал. До печатного звания писателя я не дорос, застрял где-то у подножья Олимпа, но все, что было мною написано, имеет прямую связь с именем Михаила Лоренцева.

Январь 1942 года.

Самарканд...

Я иду в строю учебного батальона по Полевому Шоссе. В арыках воркует вода. Надвигаются сумерки. Уродливыми фигурами чернеет на огородах саксаул.

Нас, курсантов Воронежского военного училища связи, к производству в офицеры, ведут строем в клуб РККА на выступление московских писателей и поэтов.

— Залевай! — звенит голос командира учебной роты.

Петь обязаны были все, даже простуженные.

«Артиллеристы, точней прицел,
Наводчик зорок, разведчик смел.

Врагу мы скажем: нашей родины не тронь,
А то откроем сокрушительный огонь».

За нами шли строем курсанты Харьковского бронетанкового училища, курсанты Московской интендантской академии, эвакуированные в Самарканд.

Зал клуба был переполнен до отказа. Многие стояли «проходах».

Первым выступил поэт Виктор Гусев. Тогда он он заведовал радиопередачей: «Письма на фронт». Гусев, плотно сложенный, среднего роста с открытым лбом и красивой шевелюрой, был бы похож на спортсмена, если бы не носил больших очков. Он прочел несколько пропагандных стихотворений. Его стихи мне не понравились, кроме одного, которое я потом заучил наизусть:

«На закате в саду заброшенном,
На прощанье мне руку пожми.
Все, что было у нас хорошего,
Ты в дорогу с собой возьми.
И в края уезжая бранные,
В кровь залитые края,
Знай, идет сквозь луга туманные
За тобою любовь моя».

В то время никто не мог подумать, что ровно через два года, не дождавшись конца войны, Гусев должен будет скоростижно умереть на тридцать пятом году жизни.

Вторым выступил поэт Владимир Луговской, высокий, длиннолицый и худой с горящими, как у аскета, глазами. Он хорошо знал Узбекистан и читал стихи об Узбекистане, читал нараспев и его громовой бас потрясал весь зал.

Потом вышел Николай Вирта. Он был в полувоенной форме: в командирских хромовых сапогах, в галифе необыкновенного размера и в теплой вязаной рубашке с широким воротником. Небольшого

роста, мелколицый, с прямой прической, он не произвел на меня никакого впечатления ни внешнею, ни чтением своих военных мемуаров.

Читал он долго, нудно, зал скучал. Курсанты переговаривались. Эпизоды, которые Вирта описывал были явно выдуманы, натянуты, далеки от жизни. Наконец кто-то не вытерпел, встал в рядах и громко сказал:

— Товарищ Вирта, пером вы хорошо воюете, а вот с винтовкой вы, видно, не пробовали. Попробуйте...

Выступившему не дали закончить. Дежурный взяв его за руку и вывел из зала. Позднее мы узнали, что это был раненый капитан, которого отпустили из госпиталя послушать советских писателей.

По всему залу прошел смехок. Вирта испытывал замешательство. Он прервал чтение очерка и начал рассказывать о своем участии в боях с белофиннами. Но и его рассказ не был убедительным. Слишком много в нем было бахвальства ходульного патриотизма.

После Вирта выступил какой-то комиссар. Он призывал всех честно и самоотверженно громить немецких захватчиков.

Потом нас снова построили в колонну по шести и повели в казармы. Снова запевала начал песню и весь строй подхватил припев:

«Кони сытые, бьют копытами,

Встретим мы по-сталински врага...»

Рядом со мной устало пагал бывший борисоглебский учитель. Он выводил басом этот припев по-своему:

«Кони сытые, мы голодные,

А голодным как воевать».

В то время нас кормили очень скверно.

Его голос тонул в море других охрипших голо-

сов, а когда оборвалась песня, по мостовой гулко раздавалось цоканье двухсот пар керзовых сапог, подбитых железом.

Прошли годы.

Теперь, я часто вспоминаю изречение Некрасова
«Суждены нам благие порывы,
А свершить ничего не дано».

Я имел эти благие порывы, но для их свершения подо мной не оказалось родной земли.

Сегодня тишина наполняет мою комнату, временами постукивает пишущая машинка, стрелка часов соскочила с двенадцати. День я работал на фабрике и я доволен тем, что Бог дает мне здоровье, чтобы своими руками зарабатывать хлеб и еще кое-что к хлебу. Я доволен тем, что живу в стране свободы, где я могу писать обо всем, что думаю, ничего не тая и без боязни, что завтра меня могут вызвать в партком на «проработку».

Пусть не вышел из меня «инженер души», но зато моя душа окрылилась верой в спасающую любовь Христа. Благоднее того служения, которое Бог доверил мне, я не знаю. Только даровал бы Бог время и силу его совершать.

«СЛОЖНАЯ КОМБИНАЦИЯ»

Сухой, словно поджаренный воздух бьет в окно автомобиля. Впереди, на горизонте, виднеется горящий в разноцветных лампочках купол штатного здания. Там раскинулся Сакраменто — город садов и парков. Лучи прожекторов прощупывают небо. Они не ищут вражеских самолетов, а только указывают в какой части города шумит — гудит штатная выставка.

Там скоро взорвутся ракеты, раскинутся в стороны изумрудными огнями и... погаснут, как угасает наша земная жизнь.

Утешает, даже радует одно: погаснув на земле, она расцветет для вечности.

Конечно, у тех, кто рожден свыше.

Автомобиль был исправлен и через 30 минут я снова ехал через тот же мост. На другом его конце мигали красные сигналы полицейских. Один из них собирал метлой разбитые стекла. Там была авария. Пострадавших уже увезли. Может быть кто-то был убит, может кто-то был ранен...

И я думал:

А не могло ли случиться так, что Бог допустил кому-то перекусить провод конденсатора, чтобы меня задержать и таким образом отвести от гибели, от несчастья?

Может быть Он, Незримый, направил меня на пол часа в гараж именно в тот момент, — когда обстоятельства места и времени вели меня к аварии.

Да, жизнь — это сложная комбинация. И не нам, смертным, ее расшифровать.

Сегодня, в понедельник, газеты напечатали официальное сообщение, что на дорогах Америки за 3 дня

праздника было убито в авариях 663 человека. И это, говорят, сравнительно мало!

От конечной развязки нас может отделять только один шаг.

Вот, к примеру, ехал я вчера в Сан Франциско.

Неожиданно, при подъеме на мост «Голден Гейт» мой автомобиль пошел рывками, а потом совсем отказался работать.

— Что за искушение? — возмущалась жена. — Ведь только вчера за ремонт мотора уплатили 28 долларов.

Я открыл дистрибутор и там среди контактов, возле самого конденсатора заметил оборванный провод.

Кто мог откусить этот провод в таком месте, где его нельзя соединить? — вопрошал я сам себя и не находил ответа.

И вдруг за моей спиной раздался повелительный голос американца:

— Сэр, здесь не место ремонтировать мотор! Садитесь в автомобиль, отпустите тормоза, поставьте скорость в нейтральную позицию. Я вас потяну в гараж на моей аварийной машине.

Пришлось согласиться.

Завыла сирена. Большой желтый трок тянул мой автомобиль против движения трафика. Дети радовались:

— Папа, за 5 долларов нас везут с сиреной.

— Плохо, что везут в обратную сторону, — заметил я.

Ремонт был закончен за несколько минут. Возвращаясь в Сан Франциско, мы увидели вблизи того места, откуда нас увезли в обратную сторону, два полицейских автомобиля. Двадцать минут тому назад здесь была авария. Амбуланс увез раненых. Полицейский сметал с дороги разбитое стекло.

— Да, подумал я, — вероятно не напрасно Кто-то задержал меня на полчаса.

Жизнь — сложная комбинация.

Вечером я возвращался домой. Навстречу мне текли 3 непрерывных линии света. Это автомобилисты возвращались домой в Окленд и Сан Франциско. Выходной день люди провели на лоне природы, а теперь

каждый спешил в город. Три линии огней растянулись на 90 миль. Казалось, автомобилям не было ни конца, ни края.

Жена, наблюдая за этой, мало отрадной картиной, задумчиво сказала:

— Не дай Бог, начнется война, или какое-либо иное бедствие. Тогда сразу же поднимай руки к небу и говори: Боже, возьми нас отсюда такими, как мы есть. Из города все равно не выбраться...

Жизнь — сложная комбинация. Разгадывать ее нет смысла: все равно не разгадаешь. Лучше без мудрствования довериться Тому, Кто Сам о Себе скажет:

— Я есть жизнь.

«Жизнь — сложная комбинация», — говорил кто-то из современных мудрецов. Посмотришь вокруг, оглянешься назад, спокойно подумаешь и, глубоко вздохнув, скажешь словами пословицы:

— Да, жизнь прожить — не поле перейти.

И в этой жизни Кто-то нам незримо сопутствует, Кто-то помогает.

ДОЗОРНЫЙ

КАК-ТО, я получил два письма от Федора Варфоломеевича Цигаля. На двадцати страницах он излагал большие вопросы христианства, жаловался на свое одиночество и скуку. Он приводил цитаты из Шопенгауэра и Л. Толстого, указывал на заповеди Христа, Кришны, Заратустры и звал меня проведать его «для обсуждения проблемы мира».

И вот я в Стактоне, ишу не отмеченную на карте Турнпикрод, останавливаясь на газолинных станциях.

На окраине города, за каналом, между выжженными солнцем холмами, я нашел на почтовом ящике нужный мне номер. У настержь открытых ворот сидел на сухом пне старик в черном, стареньком костюме. Белая окладистая бородка на мелком лице. внимательные, умные глаза старика напоминали мне писателя Михаила Пришвина.

Возле старика на ящике лежал раскрытый томик Мери Бекер «Наука и религия», а также пожелтевшие номера нашей газеты, испещренной красным карандашом вдоль и поперек.

Старик подняв глаза и увидев меня возле себя, бодро по-солдатски вскочил, подал мне сухую маленькую руку.

Я назвал свою фамилию.

— Рад, рад познакомиться с вами, — повторил старик. — Садитесь вот здесь, на ящике... Вести мне вас некуда, здесь побеседуем.

Ветерок принес от канала запах дикой травы и тины. Возле нас суетливо порхали воробьи.

— А я думал, что ваша борода будет побольше моей, а вы, оказывается, мне в сыновья годитесь... А борода вам нужна, без бороды в рай Господь никого не пустит...

Три часа мы говорили о вопросах веры и спасения.

Федор Варфоломеевич уходил от личных, ко вселенским проблемам. Его интересовали вопросы, как прокормить Индию, закончить вьетнамскую войну, связать Мао-Дзе-Дуна и каждый раз, когда я спрашивал о нем самом, он уклонялся от ответов шутками.

— Вот видишь, живу на свалке отшельником. Неудобно, но весело. Со мной живут еще два таких чудака...

— Сколько же вы получаете пенсии? — спросил я старика.

— Допустим, 120 долларов. А что?

— Вы могли бы жить лучше, чище, ближе к своим людям.

— Я бежал от этих, своих людей, а вы меня к ним зовете, — пробурчал старик.

В лучах заходящего солнца на дороге поблескивало битое стекло. В воздухе был слышен запах гари. И хотя свалка давно уже перенесена в другое место, но где-то под землей все еще гнили и разлагались отбросы.

— Вот видишь эти холмы? — возбужденно спросил старик. — Тут похоронили вещей на 250 тысяч. Выбрасывали, ломали, жгли, а бедным людям не да-

вали. Вот вам и христианство! Не понимаю я этого.

Живет Федор Варфоломеевич в небольшой будке, спрятавшись от людей. Днем и ночью он думает, как победить демонов, которые наполнили этот мир до отказа.

— Я, знаете, как дозорный... Вы были в армии? — спрашивает меня Цигаль.

— Был, — говорю я. — И дозорным был.

— Так вот, значит, и я: был у молокан, жил у прыгунов, жил у «новоявленного Христа Кришны» писал письма Орал Робертсу, Билли Грему, Труману и Хрущеву — везде обман. Прислушаешься, присмотришься, а правды и нет. Украли правду... Старик горько улыбнулся.

— Были у меня маленькие сбережения, да забрал их Кришна. Да я и не жалею. Жалко одного: правды Божьей нигде нет...

— А вы-то молитесь Богу? — спросил я.

— Сколько угодно, да толку-то что? Мир не изменишь...

— Мы, каждый в отдельности должны измениться. К лучшему. Быть ближе к Богу, — вставил я свои слова, но старик продолжал:

— Двести сект, сто религий, а христианства нет. Было, а теперь нет. Вывелось...

Уже темнело, когда я простился с искателем Божьей правды.

— Молитесь обо мне. Запутался я в этих религиях, как в лесу дремучем, — говорил Цигаль, помахивая мне своей шляпой.

Он ушел от ворот в свою лачугу, светя в сумерках серебряной красивой бородкой.

ЗЕМЛЯ В ТУМАНЕ

КАЖДЫЙ новый день представляется нам загадкой. Встал сегодня в 6 часов утра, открыл занавеску и наблюдал, как в утреннем молочном тумане плавают силуэты домов. Изредка показываются слабые огни автомобильных фар и тут же исчезают.

Таким же неопределенным и туманным кажется и грядущий день.

Знаю, что я должен еще раз просмотреть приготовленный вчера вечером газетный материал, знаю, что к 8:30 утра должен поехать на фабрику, знаю, что дети пойдут в школу, жена будет спешить к автобусу, чтобы не опоздать в типографию, но всего этого может и не быть.

Басовитый голос диктора из «Голоса Америки» передает последние известия: «Американские самолеты сегодня интенсивно бомбили Сев. Вьетнам вблизи Китайской границы...»

Включил московское радио: Там тоже самое: передают об успехах вьетнамских партизан, о готовности Вьетнама вести войну до победного конца.

Что будет? Никто ничего не знает, кроме Бога. Вспыхнет атомная война? Возможно. В один-два дня будет решена судьба мира. Жалко людей, жалко пре красной земли, хотя лично для меня смерть перестала быть пугалом. Я знаю, что смерть это только перемещение на адреса. На новом месте Господь будет со мною еще реальнее.

Но вот день прошел. Ничего страшного не случилось. Правители, как и рядовые люди, не хотят атомной войны. Только пьяный, да глупый могут сказать: «Ну, что ж? Начнем! Кто кого?»

К сожалению, у власти некоторых государств есть и пьющие, есть и глупые...

Опять, уже с вечера, город в тумане. Таков в Калифорнии ноябрь. И опять темнота, крадучись, прижимается к земле.

Сегодня я не включал радио. Но я знаю, что где-то в комитетах и подкомитетах, в конгрессах и парламентах, на собраниях, митингах и конференциях люди произносят речи в защиту мира. Знают ли эти люди Слово Библии: «Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его; если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж». (Пс. 126:1).

Колесо истории в движении и не нам, смертным изменить его ход. Мы спрашиваем самих себя словами Моргунка (из поэмы А. Твардовского «Страна Муравия»):

«Конец предвидится, иль нет
Всей этой суетории?»

На этот вопрос Моргунку никто не мог ответить. Но верующие знают, что конец будет.

Все что имело начало имеет и конец. И мы его увидим.

Земля в тумане, но близится восход Солнца Правды.

РЯДОМ С НАМИ

Соединенные Штаты Америки и Мексика — соседи. Стыдно жить рядом и не знать, что делается у соседа на дворе, чем он живет, тем более, что на земле одного соседа — в Мексике — расположен детский приют, которому иногда помогают некоторые читатели нашей газеты.

И вот я на пути в Мексику.

Из Лос Анжелеса выехали утром рано. Держим путь на Сан Диего. Оттуда до мексиканской земли 15 миль.

По сторонам широкой дороги мелькают зеленые холмы. Один за другим встречаются маленькие городки. Издали они кажутся игрушечными: чистые ровные улицы, разноцветные домики, украшенные садами. И радуется сердце, когда смотришь на все новое: новые дороги, новые мосты и переезды, новые рестораны и гостиницы, новые электростанции и огромные стальные

вышки с натянутыми силовыми проводами.

Это — Америка. Неудержимое и постоянное обновление — ее характерная черта.

До Сан Диего осталось 30 миль. Берег океана почти рядом. По небу плывут тучи, обгоняя одна другую, а где-то, над Фрезно и Сакраменто стоит голубое, без единой тучки, горячее, сухое небо. Гуляет весеннее солнце и над Брайтом, где мы создаем наше детище — христианскую газету.

Внезапно в открытое окно ворвался отвратительный запах гнилых водорослей. Я закрыл окно автомобиля, но это не помогло. Рядом виднелось озеро из которого, видно, не вытекала вода.

Точно так бывает и в жизни, — подумал я. Когда душа варится в своем соку, не имеет связи с источником живой воды. — там витает запах смерти. И наоборот: где в действии процесс обновления, где не утрачена связь с источником жизни — там свежесть, приятный запах, сама жизнь.

На холмах, недалеке от дороги, маячат огромные радиовышки. На одном из холмов, возле Сан Клемен-та, виднеется белый крест — символ Христовой любви и прощения.

Сан Диего, как и другие большие города Америки, имеет много пригородков. Люди отвоевывают от заливов землю, перехватывая их насыпями, строят пляжи, рестораны, отели, аэродромы.

Вот и мы проезжаем возле аэродрома. Два реактивных самолета только что поднялись с дорожки и летят почти рядом со скоростью быстрее звука. Они маневрируют над заливом, оставляя за собой причудливые фигуры — четыре струи бурого дыма.

У берега стоят военные пароходы, длинными лентами вытянуты склады, видны подъемные краны — гиганты и другие погрузочные приспособления.

Еще полчаса и вот она, мексиканская земля, серые и скучные холмы, поросшие худым, рыжеватым кустарником.

Город Тихуана (Тетя Хуана) — пыльный и грязный город. Он весь обвешан рекламами по американскому образцу. Это все, что взято от Америки. А рядом с главной улицей тянутся убогие, узкие улочки, заполненные до отказа коробками, в которых живут

бедные люди.

На этих улицах не видно ни одного деревца, ни одного куста, ни одного цветочка.

Избушки, сделанные из старых ящиков, похожи скорее на курятники. Вокруг таких избушек роются в земле малые дети, о чем-то кричат, плачут, спорят, дерутся и тут же мирятся.

Мой спутник, Леонид Степанович Плужник, много раз бывавший в этих местах, рассказывает:

— Трагедия. Прямо-таки, трагедия. Большинство этих детей живут только с матерью, без отцов.

— Где же их отцы? — спрашиваю я.

— Отцы? Не знаю, можно ли этих пьяниц называть отцами? Они находят молодых женщин, уходят от семьи, бросают своих жен. Кормить детей даже вдвоем тяжело было, а теперь они на плечах матери и, конечно, живут милостыней.

Смотрю я на эти улочки и вспоминаю мою родину тридцатых годов. Ведь там коровники и конюшни выглядели гораздо лучше, чем жилье этих людей.

Мы свернули к океану. Перед нами раскинулась бескрайняя голубая гладь. На горизонте качается два небольших суденышка, должно быть рыбаков. Равномерно и глухо бьет о береговые камни пенистая волна. И вот здесь, на этом берегу, я вижу величественное здание. Это — ресторан для богатых туристов. Стекла огромных окон улыбаются морю и солнцу, там мелькают разноцветные шляпки нарядных женщин, а у

подъезда стоят ряды автомобилей самых новейших и дорогих марок.

Должно быть странно, обидно и печально смотрят на этот ресторан бедные мексиканцы. Ведь их же холупки почти рядом. И не удивительно, что пропагандисты социализма имеют успех в распространении своих идей не только в Индии и в Африке, но даже рядом и в самой Америке.

Презрение и ненависть закипает в глазах этих бедных и несчастных детей, когда они голодны, когда им нечего одеть, а их отец — пьяный развратник приходит в свою клетку с тем, чтобы избить мать, потому что она ничего не имеет на обед.

Это убийственно страшно сказать, что лавки алкогольных напитков открыты в Тихуане круглые сутки. Что можно сказать о людях, которые стоят во главе этого странного и страшного города?

Что делает Америку богатой? Правильная постановка жизни, трудолюбие, свобода личной инициативы. Так почему же не прививаются эти качества народу — соседу? Потому что ему в первую очередь нужно Евангелие, не религия (религии там много), а Евангелие, открывающее людям возрождение души и спасение.

Мы снова свернули на другую улицу. Здесь снуют автомобили с номерами разных штатов Америки. Здесь дешевый газolin, дешевле вино и женщины, здесь люди жадно поглощают всякое зло, пьют греховную отраву, проводят время в играх, в пьянках, бросая под ноги нищим «даймы» с многозначительной надписью: «Мы верим в Бога».

Центральная площадь этого города, словно дыра, засоренная полупьяными, странными людьми и на этой-то площади возвышается купол католического собора. Отовсюду бил в ноздри жирный запах мексиканских специй.

Это было в четверг, перед Пасхой. Тяжелые двери храма были настежь открыты и на шумную улицу просачивался баритон священника:

— Глорий Мария, Глорий!..

От Тихуаны, до Энсенады — 65 миль. Есть две дороги: старая и новая. Новая дорога платная: уже через три мили мы заплатили 60 центов, потом снова 80 центов и уже недалеко от Энсенады — еще один доллар.

В этом отношении мексиканское правительство взяло пример от американцев, но этот пример бьет только по карману туристов. Другие пользуются старой, бесплатной дорогой.

Навстречу нам идут пешеходы, некоторые босые, с сумочками за плечами. На их усталых лицах отразилась вся тяжесть жизни.

Земля вокруг бедная, песчаная, каменистая. На клочках пригодной земли пашут лошадьми. Справа — пустынный, необозримый океан, слева — облысевшие от ветров и солнца холмы.

Возле дороги встречаются небольшие селения. Городками их называть стыдно. Это такие же коробки-избушки, как и в Тихуане. Сколько их встречалось на всем пути, но мы не видели ни одной школы, ни одной больницы, но зато на берегу океана часто встречались так называемые «трейлер паркс» — дома на колесах. В них живут преимущественно американские пенсионеры, уставшие от шума и суеты городской жизни. Перед ними, как на ладони, лежит океан, Просоленный свежий ветер, пенистый прибой и голубое небо — это все, что им теперь нужно и они это имеют в достатке.

У поворота к океану стоит кабинка с надписью во всю стену: «Ла Фонда — Мотель», что означает: «Мотель — Волна». В этом мотеле больше двух кроватей поставить невозможно и это удивляет, как внедряется американский метод рекламы в жизнь бедной Мексики.

В Энсенате мы остановились у дома брата Леонида Афанасьевича Федоренко. Разноязычный шум города висел в теплом солоноватом воздухе. Он дул с океана, был в лицо, поднимал на улицах пыль. На огромном холме, также, как и в Тихуане, виднелось нагромождение серых, мрачных кабинок с плоскими крышами. Там живут бедные люди без воды, без газа, без электричества.

Русские люди умеют жить и за границей. Мы остановились набрать газولين, а на ее стене красуется надпись: «БРАТЯ ПОПОВЫ». Попов — отец является подписчиком нашей газеты. Мы видели газолинку Рудометкиных. Неплохо устроил свою жизнь и брат Федоренко. Он прожил среди мексиканцев более 40 лет, усвоил их язык и нравы и теперь заведует приютом детей — сирот.

Сестра Федоренко встретила нас у своего дома. Нет у меня слов, чтобы описать восторг этой женщины, соскучившейся по русским людям. Она обняла и поцеловала мою жену несколько раз, как после долгой разлуки, хотя видела ее впервые.

Стоял я рядом и думал о величии христианского духа, о той любви, которую дает Христос верующим в Него людям.

— Ты, Единый Бог, творящий чудеса! Верую и еще раз исповедую Твое чудное имя! — так хотелось мне кричать на весь мир.

Бог собирает всех людей воедино, указывает им путь к земному и вечному счастью, к всеобщему слиянию всех душ, рожденных свыше.

Рядом стоял мексиканец, покрытый пылью и потом, шофер грузового автомобиля. Он смотрел на нас и прислушивался к незнакомому говору странных людей. Сестра Федоренко заметила его и тут же, запустив руку в глубокий карман своего фартука, вытащила брошюру на испанском языке и дала ее шоферу.

— Жалко мне их, — говорит сестра Анастасия, — были бы они верующими — иначе бы жили, всего бы хватало...

Мы сняли с автомобиля вещи, привезенные для сирот и сразу же направились в приют. Хорошо было иметь с собой человека, знающего все эти места, как свой город, Леонида Степановича Плужника. До приюта оставалось 15 миль. Они были не только знакомы нашему проводнику, он жил здесь, в этом странном и необычном городе.

— Видите эту гостинницу? — спрашивает он, — я работал на ее постройке. А вот здесь я когда-то сеял пшеницу. Ну и уродила она однажды! Такого урожая не видели здесь люди никогда. И я знаю почему: я молил об этом Бога — послать урожай, чтобы я, сняв его, мог потом оставить ту работу, которая очень мешала моей духовной жизни. И Бог ответил на мою молитву...

Леонид Степанович говорил с такой убежденностью, что слушая его, мне хотелось самому молиться:

— Господи, дай и мне такую веру, яви такое чудо, пошли такой урожай подписчиков на газету «Наши Дни», чтобы и я мог оставить фабрику и посвятить все мое время моему любимому делу — свидетельству

об Иисусе.

Эти мысли ласковым теплом греют мое сердце и я знаю, что как только подрастут мои дети, эту возможность мне Бог откроет.

Вскоре мы свернули влево на проселочную дорогу. Но это была не дорога, а сплошное бездорожье. Огромные ямы, выбоины объехать было невозможно.

— Как далеко еще до приюта? — спрашивают мои дети.

— Еще одна миля! — отвечает Леонид Степанович.

— Еще миля! — раздаются недовольные голоса детей. Автомобиль их закачал, им нужен свежий воздух, но открыть окна невозможно потому что двигались в густом облаке едкой, скрипящей на зубах, пыли.

Мы осмотрели приют, познакомились с его работниками и лишь потом принял нас Леонид Афанасьевич в маленькой, бедно обставленной, но уютной конторке. Он рассказывал мне историю приюта, познакомил с планами на будущее:

— Вот прикупили 70 акров земли, посеяли кое-что, да одна беда: поливать нечем, воды не хватает. Есть один колодец — мало. Нужен другой, а это значит надо еще просить у Бога две тысячи долларов.

Говорит Федоренко веско, слушает чутко, не топчется, знает свое дело.

— Поеду в город, куплю детям самое дешевое: кишки, легкое, печенку... Хороший навар получается и полезный, дети едят с аппетитом и сам с ними ем. Это — вся моя привилегия. Жалованье за мой труд мне никто не платит...

Бог позаботился о семье Федоренко. Его сын — летчик, имеет собственный двухмоторный самолет, оперыскивает в Мексике посевы химикалиями, недавно совершал эту работу в Кубе по вызову русских советников. Он — христианин, где есть возможность — свидетельствует о Боге.

— Был здесь в приюте недавно другой управляющий, американец, — рассказывает далее Федоренко. — Платили ему 300 долларов в месяц. Ну и что ж? Наделал долгов и уехал. Опять позвали меня — старика. И вот за несколько месяцев Господь помог мне оплатить все долги и даже заплатить своим служащим наперед.

— Сколько же вы им платите? — спросил я.

— 30 долларов в месяц. И питание, конечно.

А в это время во двор высыпали дети — и большие, и маленькие. Старшие не покрикивают на них, а учат их уважать и любить друг друга. В углу большой комнаты уселась группа малышей. Они поют, разучивают гимны. Слушать их было интересно. Знаю, что поют они о любви Бога, Который нашел их заброшенными в этом мире и приютил их в этом доме, у подножия большой горы.

Человек способен привыкать к условиям — хорошим и плохим. И вот дети думают, что они живут в самых лучших условиях. И так, наверно, есть, если посмотреть со стороны на жизнь тех детей, которые бродят полураздетые и грязные по улицам Энсенады.

Тем, кто думает, что ему не за что благодарить Бога, живя в Америке, полезно побывать в Энсенаде. И обязательно вместо «Дизней ленд» детей следует провезти в приют. Они должны знать, как много еще на свете детей, которые готовы стать на голове за одну американскую жвачную резинку, цена которой один цент. Эти дети живут без родительской любви и ласки, живут на милостыню людей, верующих в Бога.

И это рядом с нами, в Америке.

Снова катимся мы по ровной дороге в Америку. На пограничном пункте нас спросили только об одном:

— Все ли вы граждане Америки?

Услышав утвердительный ответ, пограничный служащий приложил два пальца к козырьку и произнес свое магическое слово:

— Окей!

На пути же в Мексику нас не спросили даже этого.

И вот она снова Америка! Куда девались пыль и грязь? И земля как будто та же, что и на другой стороне границы, да люди не те и жизнь не та и кажется солнце здесь добрее и мягче, и небо голубей и ласковей.

Ветерок разогнал клочья весенних туч, которые мы видели утром. День догорал спокойно и красиво. Над океаном лениво проплывало солнце, колебалась затуманенная даль горизонта.

Впереди вырисовывался огромный и торопливый Лос Анжелес.

КРЕПКАЯ ДУША.

— ЗДРАВСТВУЙТЕ, земляк! — сказал я коренастому, широкоплечему здоровяку с пышной, окладистой бородой, как у Карла Маркса. Когда он крепко, до хруста в пальцах, пожал мою руку, я спросил его имя.

— Зови Яковом Николаевичем. А фамилия моя — Сысоев, — добавил он.

Рядом стояло несколько мужчин и женщин. Они тихо разговаривали. В их плавном, окающем говоре было что-то волжское, но все они — молокане переселились в Америку из Закавказья и теперь долгие годы живут в небольшом калифорнийском городке — Шередане.

Сысоеву давно уже перевалило за шестьдесят, но стариком его назвать нельзя. От блеска его глаз, от простодушной улыбки от бодро звенящего голоса веет жизнью.

— Я, видишь сам, человек живой, люблю пошуметь, — говорил он мне, усевшись на скамейке.

Из под костюма американского покроя виднелся конец пояса, которым была схвачена белая, как снег рубашка с прямым воротником. Такие рубашки одевают почти все мужчины по воскресеньям. Женщины одевают длинное, свободное платье и белый, опущенный на лоб, платок.

Шередан расположен в 40 милях от Сакраменто, столицы Калифорнии.

Небольшие деревянные домики разбросаны беспорядочно. В центре — два молитвенных дома. Видно, жители любят приволье, тишину, ничем не обремененную жизнь. На лугах, за проволочной оградой, лениво бродят коровы, а поодаль стоят беленькие фермерские домики.

На богослужения люди собираются вяло, не спеша. Да и спешить-то не к чему, когда все делается по солнышку.

У молокан есть свои обычаи. При входе в молитвенный дом каждый склоняет голову и тихо молится. Присутствующие в это время встают.

В комнате, у стен, стоят деревянные скамейки, на

столе, покрытом белой скатертью, лежит огромных размеров Библия, открытая на псалмах.

— Ну, что Семен, запоешь? — спрашивает старший.

Семен, немного подумав, отвечает:

— Чего ж нет? Можно.

Так непринужденно, по домашнему, начинается у молокан собрание.

«Веруйте в Бога и в Меня веруйте», — начинает чтение Евангелия один из грамотных братьев.

«В доме Отца Моего обителей много». Эти слова кто-то подхватил одним голосом тихо, как бы издалека, но потом включился второй голос, третий, четвертый, потом все сразу дружно подхватывают знакомую мелодию и вот уже вся комната сотрясается от мощного пения. Там, где кончают слова одни голоса, песню подхватывают другие. Прерывается она только тогда, когда старший начинает чтение следующего отрывка Писания.

Пели молokane долго. Их пение вызывало во мне много воспоминаний и бурю сложных и непонятных чувств.

Молokane любят Слово Божие, но принимают его по своему, как научены предками. Я видел, как несколько сестер концом платка смахивали слезы. Они не считают себя самоправедными.

Мирная жизнь, простота и доброта соединяют людей с Богом. И об этом поют они в своих псалмах, вкладывая в пение все сердца.

Припомнились слова ап. Павла: «Назидайте самих себя псалмами и славословиями, и песнопениями духовными, воспевая в сердцах ваших Господу».

После собрания многие говорили об утрате людьми страха Божьего.

— Подумать только: жена пастора, а накрашена так, что уже и на человека не похожа...

— Из церкви вышел и сразу же соску в рот...

— А смеху-то у них в церкви сколько!.. Вот потому мы и не идем к американцам..

Я вижу, как Сысоев важно расправляет густую бороду, гладит ее, как ласкового котенка, о чем-то вспоминает. Вот он встал, спокойно всех оглядел и неторопливо начал свою проповедь:

— Да, братцы мои и сестрицы, в такое время мы живем теперь, что люди умнеют и глупеют — все сра-

зу. Не жалеет человек самого себя и Бога не боится. Вот вспомнил я один случай. На родине это со мною было.

— Пас я, значит, в деревне коней. Иду однажды по дороге, гляжу — налобник лежит. Это значит уздечка, по теперешнему. Поднял я этот налобник, принес домой, радуюсь: все-таки польза хозяйству будет.

Пришел отец, спрашивает:

— Где взял?

— На дороге, говорю, нашел.

— На дороге? Ну и дал он мне чесу...

— Не твое — не бери! Иди, положи, где взял!..

— Несу я этот налобник, плачу и думаю:

— Ну и злой же у меня отец! Я же не украл, а нашел...

Сделав небольшую паузу, Сысоев продолжал:

— Хорошо учил меня отец, строго. А теперь что делается? Дети делают то, что им вздумается и родители ни мур-мур...

Молокане гостеприимны.

— Приезжайте, пожалуйста. Не забывайте нас. Мы любим вас слушать и статьи в газете читаем...

Мне очень нравилась борода Сысоева и я, прощаясь, что-то сказал ему о бороде.

— Чтобы иметь бороду, надо иметь крепкую душу. Свои-то понимают, а со стороны много неприятностей.

Он улынулся и ряд белых зубов сверкнули в бороде белизной и спрятались.

— Без бороды в рай не пустят. Это помни всегда. А носить ее теперь стало легче. Бывало поедешь в Розвелт «на окшен», идешь по базару, а на тебя все смотрят косо, в сторону отходят, будто я обмарать могу. Однажды один молодец оглядел меня подозрительно с ног до головы и говорит, как будто никогда бороды не видел:

— О, борода!..

— Да, говорю, борода. Я же не женщина. Значит и борода есть.. А он плюнул мне в лицо и пошел, не оглядываясь. Тут люди смотрят на меня, смеются. А я стерпел и простил его. Христос прощал и нам велел прощать... Так что, парень, надо было крепкую душу иметь чтобы носить бороду.

— Ну, а как теперь? — спросил я.

— Теперь? Теперь совсем другое. Битники отращивали бороды и все перепутали. Бороды носят, а живут не по-человечески. И опять на меня косо смотрят: думают, что я под старость с ума сошел и в «хиппис» записался...

Я возвращался домой и думал о молоканах. Почему царское правительство ссылало их в Сибирь, отбирало детей? Они жили и живут нравственной, моральной жизнью. Ссылать надо было безнравственных людей, алкоголиков, воров, развратников.

Люди, подобные Якову Николаевичу Сысоеву действительно имеют «крепкую душу». Жизнь преобразается, земля меняет свое лицо, а эти немногие люди, остаются верными своим обычаям.

Их дети и внуки стали американцами, отошли от родителей, отцы же и деды попрежнему носят эмблему секты, названной в России молоканством.

Да, надо иметь крепкую душу, чтобы живя долгое время в Америке, оставаться русским.

Но главное не в этом. Главное быть и оставаться христианином.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Не знаю по какой причине с ранних лет меня влекло в мир поэзии, в мир красиво сложенных, рифмованных строк. Когда первый раз я услышал сказку Ершова «Конек Горбунок» из уст нашего меланхолического зятя, долгое время я повторял запавшие в моей памяти слова:

«Ой, вы, братья, отворите,
Караульного впустите.
Я, как курица, промок
С головы до самых ног»

Отец пробовал купить для меня эту сказку в городе, но все его старания были тщетными. Этой сказки в продаже не было.

На «Ильин день», что бывает в начале августа, отец взял меня на ярмарку. Кажется, это было в 1929 году, как раз перед началом коллективизации. Между другими хозяйственными делами он нашел время показать мне книжную лавку. Среди множества пропагандных книг, напечатанных на шершавой дешевой бумаге,

на прилавке оказался большой, иллюстрированный од-
нотомник А. Некрасова.

— Папа, — взмолился я, — купи мне эту книгу.
Я всю ее на память выучу!..

— Такую книгу за всю жизнь на память не выу-
чишь, — пробурчал отец.

— Выучу! — настаивал я.

— Что стоит эта книга? — спросил отец продав-
ца.

— Шесть рублей.

— Ничего себе! На шесть целковых можно барана
купить.

— Ваше дело, товарищ, — ответил продавец. —
Бараны покупают баранов, а умные люди хорошими
книгами интересуются. Эта книга — редкость.

— За пять не пойдет?

— Цена государственная, не шутите..

— Ну, так и быть, — сказал отец. Он вытащил из
бокового кармана выношенный жилетки кошелек, от-
считал шесть рублей и заплатил за книгу.

Шесть рублей по ценам того времени были боль-
шими деньгами. Отец за охрану леса получал 25 руб-
лей в месяц.

Всю дорогу к дому я держал в руках большую,
увесистую книгу, иногда открывал первую страницу,
смотрел на портрет автора.

— Папа, глянь-ка, какая лысая голова у этого пи-
сателя!..

— И у тебя полысеет, когда напишешь такую кни-
гу, — ответил отец.

— А вот дед Назар лысый, а совсем неграмотный.

— У него лысина от мудрости. Он хоть и негра-
мотный, а любому грамотею три очка вперед даст.
Иди, спроси у него откуда что появилось? — все зна-
ет.

Я смотрел на голову отца, покрытую пыльным,
как у мельника, картузом и думал:

— Скоро, должно быть и у отца будет лысина.
Он тоже много знает: весь свет на корабле объехал...

Стихи Некрасова я читал запоем. Любил их слу-
шать и отец.

Летом, когда открывался охотничий сезон на
уток, к нам приезжали охотники из города. Вечером,
обычно после бани, отец любил похвалиться перед

гостями:

-- Ну и сын у меня! Наверно стихотворец будет, не иначе. Он может целый час наизусть читать.

-- Неужели? - спрашивал кто-либо.

Не шучу, давай об заклад!

- Давай!

- Сколько?

-- Литровка!

-- Павел, приведи Колю, - приказывал отец старшему брату.

Брат вел меня со двора и нашептывал на ухо:

-- Ты не строчи, как из пулемета, а рассказывай медленно, чтобы на час хватило.

-- Почему?

На заклад взялись... Гляди, не дрефь...

Отец встретил словами:

-- Ну-ка, пострел, расскажи нам на память «Кому на Руси жить хорошо?»

Я знал, что отказываться было немислимым, да и невыгодным делом. Каждый раз, когда я заканчивал чтение, гости давали мне по гривеннику и больше. Я становился посреди избы и начинал певучим говорком:

«В каком году -- расчитывай,

В какой земле -- угадывай,

На столбовой дороженьке

Сошлись семь мужиков...»

После чтения гости награждали меня медяками.

В 4-м классе сельской школы старая учительница Анна Петровна Потапова решила выпустить стенгазету. К работе, в числе других учеников, она пригласила и меня. Я взялся переписывать заметку об ученице которая любила на уруках смотреть в зеркальце. Каждый раз, когда учительница его отбирала, у нее появлялось другое.

Не знаю, почему меня потянуло написать об этом стихотворение. Назвал я его «Зеркало жалуется». Помню некоторые двустушия:

«Это что же, скажите, такое?

Не дает мне девчонка покоя.

Тяжело мне бывает, бедняжке,

Наплюет и сотрет промокашкой.

А потом в меня смотрится часто:

Ну не меньше разов полтораста.

Долго ль буду терпеть эту муку?
Ой, возьмите меня на поруку...»

Стихотворение, конечно, значительно было исправлено учительницей, но с тех пор она не раз заглядывала в мои тетради, чтобы прочесть, что я еще «придумал». А придумал я вот что: я написал письмо отцу «стихами». Он жил в это время в Одессе, «подальше от колхозов». Брат и сестра говорили иначе:

— Раз власть требует, значит надо идти в колхоз. Супротив власти все равно не устоишь, а только с голоду помрешь...

Наше хозяйство давили налогами, жизнь становилась невыносимой и отец однажды сказал:

— Ну, ладно, как хотите! Идите, дети, в колхоз, а я посмотрю, как оно получится. Я уезжаю!

И уехал!..

Долго от отца ничего не было слышно. На первую же его весточку я написал большое, в несколько страниц, письмо. Писал его долго, не один день. Написанное хранил в секрете. Наконец, вырвал из школьной тетради «в клетку» два листа и переписал начисто:

«Добрый день, мой папаша!

Тебе пишет письмо Николаша.

Не забыл ли ты младшего сына?

Он теперь одинок — сиротина.

Он теперь ходит в школу босый,

А на стежках холодные росы.

Ой не знаю, что будет со мною

Этой страшной, холодной зимою?..

Письмо так тронуло отца, что он не замедлил приехать домой. Он привез мне богатое дореволюционное издание сказок Пушкина, купленное им у одесского букиниста.

Вскоре почти все сказки Пушкина я знал наизусть, читал их ребятам в ночном, а в длинные зимние вечера — соседям, приходившим нас навестить.

Свои увлечения стихами и сказками я вскоре забросил. Меня увлек Максим Горький. Его «Детство» и «Мои университеты» я читал не отрываясь. Сочинения Горького мне давал Павел Емельянович Демьяновский, учитель русского языка и литературы в нашей школе — семилетке.

Позднее, когда я впервые увидел портрет извест-

ного в литературе Гиляровского, я вспомнил моего учителя: он был поразительно на него похож. От Гиляровского его отличило только отсутствие усов. Демьяновский каждый день тщательно брился. Большое, широкое, всегда довольное лицо его было гладким, взгляд чистый и ясный, брови густые.

Демьяновский жил на берегу реки Ипути в простой крестьянской избе. Каждое утро он неизменно купался, даже зимой, в лютые холода. Окунется в воду — и скорей к берегу! Красное, как у рака, тело учителя не боялось морозов. Мужики считали его чудачком, старушки — колдуном, а нам он объяснял просто:

— Во всем нужна тренировка и закалка. Капля горячего чаю может обжечь тело, но этот же чай мы держим во рту, глотаем с удовольствием.

Однажды Демьяновский пригласил меня к себе на квартиру. Меня поразило множество книг, разложенных на столе, на скамейках, на полках. В избе был обычный холостяцкий беспорядок, но книги были сложены аккуратно, каждая на своем месте. Запах старых книг и сигар вытеснил кисловатый запах русской избы и мне казалось, что я нахожусь в настоящем книгохранилище.

— Видишь, здесь все мое богатство, — говорил мне Демьяновский, как равному. — Нет у меня ни жены, ни детей, ни отца, ни матери и, кажется, нет настоящих друзей. Книги — мое богатство. Так вот, я сделал открытие: хорошая книга — самый лучший друг: никогда не предаст, не подведет, не обидит и взаймы не просит. Есть время — открывай, читай, шевели умом. Нет времени — закрой, положи аккуратно на полку, она не обидится... Вот смотри сюда: здесь у меня Лев Николаевич Толстой, а вот здесь Николай Васильевич Гоголь, Михаил Юрьевич Лермонтов. А вот здесь, на председательском месте — Александр Сергеевич Пушкин...

Демьяновский перечислил мне всех русских классиков, представленных в его библиотеке, всех называл, не иначе, как по имени и отчеству, словно это были его друзья, каждому давал краткую характеристику:

— Больше всех я полюбил Горького, — продолжал учитель. — У Алексея Максимовича на первом месте — человек. А это в литературе — самое главное.

Лев Николаевич тоже хорош, но то, что он всю жизнь одной ногой стоял в графстве, а другой в мужиках — все испортило. У Горького не так...

Демьяновский открывал книгу, читал мне отрывки, подчеркнутые карандашом. Некоторые из них врезались в мою память, я схватывал их налету:

«Море смеялось». Или: «Ветер ласково гладил атласную грудь моря».

Вот бы мне научиться так писать, как Горький! — думал я про себя, возвращаясь домой. — А что стихи? Стихами так никогда не скажешь.

Жил я в шести километрах от школы. Читать я научился в пути: иду и читаю. Зимой, когда дуют ветры, метут снега, конечно, не до чтения. А летом — хорошо. К стихам я больше не возвращался. Демьяновский, узнав, что я пописываю стишки, сказал мне однажды так:

— Ты, парень, научись сначала правильно говорить, выражать свои мысли в прозе, а стихи — это роскошь...

И я не брался за стихи до Педагогического Института, где на моем пути во весь рост встал Сергей Есенин.

Его стихи ходили у нас по рукам нелегально.

Когда был объявлен конкурс на лучшее стихотворение, поэму или рассказ, я решил испробовать свои силы в двух жанрах. Рассказ «Моя деревня» жюри отклонило без комментариев. В нем я уделил много места председателю колхоза — пьянице. Значит, рассказ оказался политически невыдержанным. А поэма «Маша — трактористка» заняла третье место. Начинаясь она словами:

Солнце стало выше,
Красятся березы,
Снег давно растаял,
Потекли ручьи

Птицы прилетели
И уже в колхозы
Лошади стальные
С гулом поползли.

— Дали мы тебе третье место по твоей бедности. Все-таки, 30 рублей на дороге не валяются, — сказал критик, член жюри.

— Почему? Слабо? — обиженно спросил я.

— Неграмотно, — был короткий ответ. Ты берешь образы, не соответствующие действительности. У тебя «лошади стальные с гулом поползли», но ведь

лошади же не ползают...

Полученные 30 рублей я в первый вечер пропил с друзьями. Далеко за полночь раздавалась наша песня под аккомпанимент гитары:

«Ты уедешь к северным оленям,

В жаркий Туркестан уеду я».

И действительно, вскоре мы разъехались, но не к «северным оленям» и не в жаркий Туркестан, а на фронт защищать родину.

Здесь я должен рассказать еще об одном событии.

Несколько дней спустя после моей «литературной удачи» я шел по Красной улице в студенческое общежитие. Не знаю, почему улица называлась красной. Красного там ничего не было. По этой улице иногда водили заключенных из тюрьмы в районное отделение НКВД и обратно.

Помнится, был солнечный весенний день. Небо, сплошь залитое солнцем, казалось бездонной голубой чашей, опрокинутой великаном. Краски чудсеного дня сразу же помрачнели, когда я увидел, что навстречу мне конвоир с наганом наголо вел заключенного. В нем я узнал моего учителя Павла Емельяновича Демьяновского. Он шел по булыжной мостовой, тяжело шлепая разбитыми вдребезги ботинками. Он смотрел вперед, не поворачивая головы ни направо, ни налево. Щеки его обвисли, заросли рыжей колючей щетиной, что было для него так непривычно, лицо сделалось узким, неузнаваемым, землисто-серым.

Хотелось крикнуть: «Павел Емельянович, что с Вами?» Я шел по тротуару до отделения НКВД, издали наблюдая за учителем. Об этом я рассказал моим друзьям. В тот же день мы собрали Демьяновскому передачу: купили хлеба, дюжину яиц, табаку, кто-то для этого случая достал кусок сала. Но каково же было мое разочарование, когда после беглого опроса: кто я? откуда? — дежурный отделения сказал:

— Демьяновский подследственный. Передача не разрешается законом.

Вскоре началась война, началась иная жизнь: еще более суровая, жестокая, беспощадная.

В мае 1942 года я был уже на передовой. До 19 августа включительно вел дневник, делал заметки для будущей книги «О том, что видел, что слышал, что

сам пережил». Но все это осталось в бункере возле деревни Лощихино, между станциями Барятинская и Бахмутова. Пробовал я писать стихи, но не решался их посылать в армейскую газету. Вот образец моих фронтовых стихов:

На болоте трясина зыбкая,
Мы в грязи, а враги в броне.
Ни за что б им не взять Новозыбкова,
Если б сесть на стальном коне.

Мы погнали бы их, непрошенных, —
Где же техника наша, где?
А теперь вот друзья мои скошены,
А я стыну в окопной воде.

19 августа 1942 г. я попал в плен.

Первый год плена был тяжелым, страшным и мучительным. Сознание было занято одной мыслью — выжить. Но и в плену я пробовал записывать эпизоды лагерной жизни, писать стихи, за которые немцы могли бы поставить «к стенке».

К стихам я вернулся в 1948 году. В этом году началась моя новая жизнь.

Красота сладчайшего Иисуса покорила мое сердце. С той поры целью моей жизни стал Христос.

ТАКОВА ЖИЗНЬ

КАК-ТО пришлось мне работать возле линии железной дороги. Была ранняя осень, прошли первые дожди. Первая зеленая травка начала пробиваться сквозь густую щетину выгоревшего под солнцем луга.

Во время обеденного перерыва я отошел в сторону от моих коллег, присел на пригорке и начал читать корректурные оттиски газеты.

— Закурить имеешь? — раздался над головой голос американца. Он стоял передо мной грязный, худой, небритый.

— Некурящий, — ответил я.

— Может имеешь дайм? Не ел два дня, — пожаловался незнакомец.

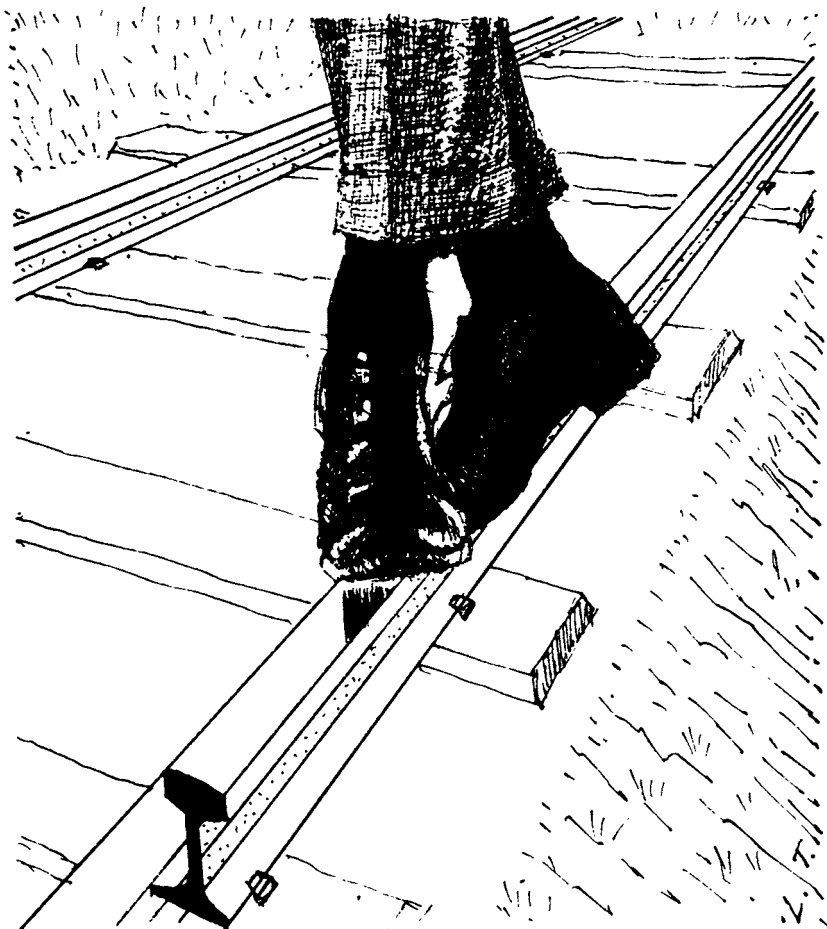
Я дал ему полтинник и спросил:

— Куда идешь?

— Не знаю. Был машинистом, сделал аварию и вот теперь пять лет брожу по дорогам, ищу счастья...

— Гуд бай, — прохрипел его голос и он снова побрел по дороге, считая шпалы.

И я подумал: все мы — странники и пришельцы на этой земле. Такова жизнь. Но разница между людьми заключается в том, что одни — христиане — знают куда идут, другие — не знают.

ЖИЗНЬ КАК ОНА ЕСТЬ

Под кровом Всевышнего

(БИОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ)

ТАК НАЧИНАЛАСЬ ЖИЗНЬ...

ПЕРВАЯ страница повести моей жизни начиналась в деревушке Боровке. Она носила название от слова «бор» — большого соснового леса на южной окраине Брянской области.

Себя я помню лет с шести, даже раньше. Старший брат настойчиво учил меня азбуке, помню его объяснение:

— Видишь крючок? Вот это и есть мягкий знак. Тебе шесть лет. Пиши буквами «шесть». Без этого крючка получится шест, а не шесть...

В нашей избе, над кроватью, во всю длину стены висел шест для одежды и мне хорошо запомнилась разница в правописании слов «шест» и «шесть».

Учился я по букварю. Когда отец привез мне из города первую книгу для чтения, это был мой большой праздник.

В деревне школы не было. Немногие читали кое-как по печатному. Когда же, случалось, кто-нибудь получал письмо, читать его носили в соседнее село. В таком положении нашу деревню застала революция.

Я родился уже после революции. Тогда много говорили о правах, о свободе, о равноправии, об образовании. В тридцатых годах я ходил в школу в соседнее село, за шесть километров.

Когда леса перешли в ведение местных советов, мой отец стал лесником. Оттого все мое детство связано с лесом. Отец часто брал меня с собой в «обход» по лесным тропинкам и просекам. Он любил природу, любил зверей и хотя за плечами носил двухстволку, но стрелял только от скуки. Я не помню, чтобы он подстрелил хотя одного зайца.

От отца не раз влетало мне за шалости. Но один случай поразивший меня родительской человечностью я хорошо помню и сегодня.

Мне было шесть лет. Начиналась весна. Под окнами в полдень стучали капли, со стрех обрывались сосульки, разбиваясь со звоном, как стекло. На полях уже виднелись проталины, грустно чернел лес. В избе было тихо, скучно и сонливо. Мой брат, примостившись у порога, вдохновенно мастерил скворечник, а я, взобравшись на шкаф, нашел на полке банку из под чая. Открыл я ее не без труда. Там лежали красиво разрисованные бумажки. Обрадованный интересной находкой, я побежал к соседке, черноволосой, смуглой девочке Нине. У Нины сразу же появилась идея:

— У меня есть ножницы... Будем вырезать картинки и наклеивать на окна...

За этими занятиями нас увидела мать Нины. Она вскрикнула:

— Что же вы делаете, окаянные?.. Это же гроши!...

Все деньги оказались изрезанными на куски.

Вскоре пришел отец. Он взглянул на мои дела и ахнул:

— Корову порезали!..

Отец долго копил деньги, чтобы купить корову. Так как бумажных денег я никогда не видел, я изрезал их ножницами, как обыкновенные бумажки.

Поняв весь ужас моего преступления, я плакал. Отец взял меня на руки и понес домой. Я держал его за шею и, прижавшись к колючей, небритой щеке, просил:

— Палочка, прости, больше не буду...

— Да боельше и денег-то у нас нет, — сокрушенно отвечал отец.

Отоц не наказал меня, простил.

Отец никогда не ходил в церковь, а когда заходила речь о религии, он говорил:

— В Бога я верю, а попам у меня веры нету. Нет в их жизни Христовой правды. Пьют самогонку, как и мы, грешные...

Моя мать была очень религиозной. Вся ее жизнь была связана с церковью, с исполнением обрядов, соблюдением постов и праздников. Помню, как однажды, на Пасху, отправляясь в соседнее село ко всенощной, мать взяла и меня. Запах ладана, воска, смолистых еловых ветвей, которым был устлан пол, блеск икон, мигание свечей, отливающее золотом паникадило, хор и басистый голос священника — все это надолго врезалось в моей памяти. Мать ставила свечи и долго молилась перед иконами, склонив колени. Я прислушивался к ее шепоту, к ее частым вздохам и начинал понимать, что матери живется очень тяжело, что

она жалуется Богу и ждет от Него помощи.

В церкви я скоро подружился с местными мальчишками. Они пригласили меня в клуб, что стоял напротив церкви. Там шла в это время антирелигиозная пьеса, играла гармошка, пьяные голоса подпевали демьяновские частушки:

«Цены драг с нас батя тучный,
Мертвым спуску не давал,
А теперь за харч насущный
Скот пасти нам батя стал».

Клуб был переполнен молодежью, плавал облаками мохорочный дым, под ногами трещала шелуха семечек. С большим трудом я выбрался во двор. Там шла кинокартина. На экране бегали фигуры, стреляли из пушек, горели дома. Я видел кинокартину впервые и так ею увлекся, что совсем забыл о матери и о церкви. И только когда вокруг церкви начался крестный ход с пением хора, когда началась традиционная стрельба, я вспомнил о матери и с большим трудом нашел ее в кругу женщин, разложивших вокруг здания церкви пасхальные куличи и яички для окропления водою.

На рассвете мы отправились домой. Сине-голубое небо заметно светлело, из-за леса величественно выплывал красный диск солнца, начинали петь птицы. Лошаденка, предчувствуя приближение дома, бежала охотно. В пути меня корила мать:

— Я тебя в церковь взяла, чтобы ты Богу помолился, а ты, значит, к сатане сбежал... Накажет тебя Бог за это хворобой, али чем другим...

— Всех накажет, кто в клубе был? — спрашивал я.

— Всех накажет, всех, конечно. Только не всех сразу, не в одно время, но Бог всех безбожников накажет... Бойся Бога, сын, бойся...

Мать заметила на моем лице раскаяние и добавила:

— Бог, Он как отец добрый: кто кается — прощает... Вот и ты молись Богу, а Он смиростивится и простит твой грех.

— А как молиться, мама? — спросил я.

— Молись так: «Отче наш, ниже еси на небеси»...

— А что такое «ниже еси», мама?

— Об этом только батюшка знает...

— Почему же ты у него не спросила?

— Да разве можно, сынок, знать все про все?..

До обеда на Пасху обычно спала вся деревня. В полдень она оживала. Шумливая детвора высыпала на улицу, как цыплята из лукошка. Начинались игры.

На второй день Пасхи к нам приезжали гости: зять Степан, дядя Егор, большой, лысый с умными глазами и его взрослые сыновья Андрей и Митрофан. На столе появлялась четверть крепкого, синеватого самогона, окорок, куличи, яйца. Все становилось в ряд перед иконами и дядя Егор прочитывал молитву «Отче наш», широко осеняя себя крестом. Начался обед.

Отца я никогда не видел пьяным. Пил он хитро, небольшими глотками, но любил угощать других. Наш зять, по детски застенчивый, тихий, кроткий и слабосильный человек, после первого стакана сразу менялся. Каждое неосторожное слово собеседника могло его обидеть и вызвать гнев. Он становился придирчивым, лез ко всем драться, бил посуду и ругался. Для таких случаев отец всегда припасал веревку. Он зорко следил за поведением зятя и как только его буйство переходило границы, он подавал сигнал сыновьям дяди Егора. Те клали его на пол и вязали веревкой. В это время зять бился головой о пол, кусался, плакал и превращался в невероятно сильного человека. Связать его стоило немалых трудов. Потом он погружался в крепкий сон. Утром он просил у всех прощения, застенчиво улыбался и краснел, когда говорил отцу:

— Простите, больше этого не будет. Даю зарок не пить...

Конечно этих обещаний он не исполнял.

Бывало, за столом кто-либо из гостей затягивал старинную грустную песню. Ее подхватывали другие. Изба сотрясалась от мощных мужских голосов. В песне выливалось все народное горе. Потом отец брал скрипку, подстраивал ее почти у самого уха и, взмахнув смычком, начинал свою любимую песню:

«Степь да степь кругом,
Путь далек лежит,
А в степи глухой
Умирал ямщик».

Подстраиваясь под скрипку, песню подхватывали все, включая женщин, а я, выглядывая из-за печки смотрел, как широко открывался широкий, беззубый рот дяди Егора и как, склонившись над столом, грустными и мутными глазами смотрел через окно Степан.

В праздничные дни в деревне много пили. Рождество, крещение, Пасха, Троица никогда не проходили без драки. Дрались отчаянно и хлестко, иногда из за пустяков, пуская в ход не только кулаки, но и бутылки, и колья.

На другой день, после похмелья, примирались и снова начиналась мирная, трудовая жизнь деревни.

Так было в годы НЭПа.

Разгульную буйствующую Русь, прозванную святой, ожидали тяжкие времена. И они пришли вместе с раскулачиванием и коллективизаций.

ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

В январе 1929 года в наших краях стояли лютые холода. Суровые морозные ветры и большие снегопады держали людей в избах. Чтобы не затеряться и не за-

мерзнуть на дальней глухой дороге, в эти дни я не ходил в школу.

Однажды утром к нам кто-то постучал. Мать открыла дверь. В избу вошел высокий человек в полупубке, с густо заиндевелой бородой. Он снял шапку, страхнул у порога снег. На худощавом лице его с глубокими умными глазами мелькнула виноватая улыбка.

— Мир Вам, христиане, — проговорил он внятным певучим голосом. — Нельзя ли у вас обогреться?..

Мы охотно дали ему место у железной печки. Она в эти дни горела постоянно.

— Устал сердечный? — спросила мать участливо. — Может выпил бы чаю?

Незнакомец согласился.

Это был странствующий сапожник, как он рассказал нам о себе. Он шел из села в село, останавливался там, где ему была работа. Сапожная работа наплась и у нас.

— А о плате не спрашивайте, — заявил он, заметив, что мать ищет повода спросить о цене.

— Я живу не для себя, а для бедных людей. Кто что даст, то и хорошо.

Он работал у нас неделю, примостившись у окна, где было больше света. Нам нравился его веселый, общительный характер, а больше всего то, что он не курил и не ел мяса. Он был интересным, увлекательным рассказчиком. В долгие зимние вечера наша изба наполнялась соседями, которые приходили послушать бывалого человека.

Вскоре сапожник познакомился со мною. Он интересовался, чему и как нас учат в школе. Тогда я ходил во второй класс.

Мать не без гордости рассказывала обо мне полупешепотом:

— Он у нас дюже смысленный. Читать научился до школы. Тянет его к книжкам, как к меду...

Однажды сапожник спросил меня:

— Льва Николаевича Толстого читал? Слышал о таком писателе?

— Как же? «Хаджи Мурата» читал, «Корнея Васильева» читал, как он из дому ушел, а потом опять вернулся. Очень хороший рассказ. Так было с нашим соседом...

— Еще что читал?

Ничего другого вспомнить я не мог.

В тот же вечер я читал под копящей с разбитым стеклом пятилинейной лампой из хрестоматии старшего класса рассказ Толстого «После бала». Пришли соседи. Слушали внимательно. Сапожник часто останавливал чтение и пояснял:

— Вот как оно было на Руси святой... Хамелеоны какие... На балу — герой, рыцарь, ручки дамам целует, а с людьми — кат.

— Кто такие хамелеоны? — спросил кто-то из соседей.

— Это маленькие ящерицы, умеющие быстро менять окраску. Они могут быть и зелеными и коричневыми и даже черными. В Африке водятся.

— Так оно и теперь есть. Всегда так было, — дополнил сосед.

Когда я читал о наказании солдата шпицрутенами, сапожник меня остановил и сокрушенно проговорил:

— Вот так и Христа били. А за что? За то, что Он принес человеку свет, учил его любить ближнего. А Его люди положили на крест и гвоздями прибили.

— Это евреи сделали, они и отвечать будут, —

— А мы то лучше евреев, что ли? — оспаривал другой. — Добрым людям и теперь нет на земле места: не убьют, так в Сибирь сошлют.

— Да, евреи тут ни причем, — заметил сапожник. Христа распяли наши грехи.

— Что же дальше было? — спросил я, захвачен-

ный историей Христа.

Сапожник продолжал:

— Шесть часов висел Он на кресте. И умер. Сняли Его со креста и похоронили в пещере Иосифа...

— Потом, на третий день, Христос воскрес, — вмешалась в разговор мать.

— Он воскрес в духе и истине, — пояснил сапожник. Его идеи и теперь живут.

Долго рассказывал сапожник об учении Христа. За окном бушевала вьюга. Скованные морозом окна постепенно оттаивали: весь вечер в железную печь подбрасывали дрова. Старый кот с порыжевшей от огня шерстью, дремал возле печки, водил ушами, будто и он прислушивался к тихой беседе бородатого незнакомца.

Одно матери не нравилось: перед сном сапожник «творил» про себя молитву, но не крестился, будто иконы стояли в углу не для него. Мать не решалась спросить, что это значит, но в семейном кругу решили, что он какой-то сектант. Это слово было для меня большой загадкой.

Мы ложились спать поздно. Мне долго не спалось. Иногда ветер назойливо стучал ставнями, шумел и завывал в трубе. Я думал о сапожнике. Мне он казался таинственным человеком и его одинокая, бесприютная жизнь вызывала во мне жалость. Засыпая незаметно, а когда просыпался, сапожник уже сидел перед окном за небольшим верстаком. Он постукивал молотком или делал дратву и в то же время тихо, про себя, напевал, проникновенно выводя слова:

«Выхожу один я на дорогу,
Сквозь туман кремнистый путь блестит
Ночь тиха, пустыня внемлет Богу
И звезда с звездою говорит».

У печи хлопотала мать. Яркое пламя разгоревшихся дров освещало ее усталое, покрытое преждевремен-

ными морщинами, лицо. Пение сапожника ей нравилось, она прислушивалась к словам песни, осторожно передвигая ухватом горшки.

Однажды сапожник прервал песню и, обращаясь к матери, спросил:

— Вот вы Ксения Васильевна, говорите, всю жизнь думаете о спасении души, о Царстве Божием. А знаете ли вы, что Царство Божие внутри вас есть? Смотрю я на вашу жизнь и думаю: святая у вас душа, а сами того не знаете.

— Где уж нам до святых? Дня того нет, чтобы без греха прожить. Не делом, так словом согрешишь, не словом, так мыслью.

— А разве святые безгрешны? В Евангелии сказано: «Любовь покрывает множество грехов». Так что главное — в любви. Если она есть в сердце, значит и Царство Божие там же, — наставническим тоном говорил сапожник.

Я прислушивался к его речам, мало разбираясь в словах. Но я знал, что говорил он о важном, о нужном каждому человеку, говорил о Боге.

Прошла неделя. Однажды вечером, когда вся работа была уже закончена, сапожник попросил у меня лист бумаги. Несколько минут он сосредоточенно думал, как бы что-то решая, а потом вытащил из кармана огрызок карандаша и начал писать.

Утром, перед тем как с нами проститься, он дал моей сестре исписанный лист бумаги. На его лице скользнула и спряталась в бороде грусть.

— Ну, прощайте... Иду на юг и с вами, верно, на земле не встречу. Но вот важное письмо. Читайте и храните. Старайтесь жить так, как здесь написано. Перепишите его и дайте другим.

Мать подала ему узелок с пищей и несколько рублей.

— Нет, нет! — сказал сапожник. — Я богат, живу верою...

Мать настаивала на своем. Сапожник взял деньги и пересчитал их.

— Это много. Один рубль возьму, на всякий случай, а остальные раздайте нищим во имя Христово.

— Возьмите хотя вот это... Холода-то какие, простудитесь, — настаивала мать, предлагая ему шерстяной шарф. Но и от шарфа он отказался.

Мне было жаль расставаться с сапожником. За неделю я успел к нему привязаться. Немного спустя я вышел на улицу. Снова занималась метель, снежная поземка заносила дорогу. Незнакомца я больше не увидел.

Позднее мы узнали, что таинственный незнакомец был странствующим толстовцем. В соседней деревне он провел месяц. Там он больше говорил о себе, об учении Христа. Но о подобном письме, какое он оставил нам, никто не рассказывал. А написал он приблизительно вот что:

«Уходя от нас, Иисус Христос заповедал нам любить Бога и ближнего своего, как самого себя. Христа люди распяли на кресте за добрые дела, но Его пример остался живым на все времена, для всех людей. И я вам говорю: не сердитесь, не клянитесь, не лгите, прощайте обиды, помогайте тем, кто беднее вас и вы сподобитесь быть сынами человеческими. Ваше счастье в вашем сердце. Поэтому берегите сердце от греха. Любите и милуйте. Если будут бить вас, не уклоняйтесь от удара. Побеждайте зло добром. Свет побеждает тьму, а истинный свет — учение Христа».

Так впервые я узнал о существовании Евангелия. Я много думал об этой книге и готов был все отдать, чтобы ее прочесть.

Прочесть Евангелие мне довелось 15 лет спустя.

ПАМЯТНЫЕ ДНИ

«Да. Детство ранено **нав**ылет.
Остановись в лесу, **шепни**:
Зачем они березы **пилят**
И **выкорчевывают пни**?»

ИВАН ЕЛАГИН

Низкое серое небо висело над почерневшим лесом, над деревушкой, спрятанной грядами низкорослого березняка. Рябоватые болотца, порыжевшая осока, мелкий кустарник и клочки убранных картофельных полей — вот ноябрьский пейзаж нашей местности.

Был тоскливый, серый и холодный день. Я шел из школы лесом, напрямик, по приметным стежкам, сокращая длинную дорогу. В лесу было тихо и по-осеннему скучно. Бледножелтые листья ворохом лежали на сырой земле. Часть их была еще на деревьях. После дождей по обочинам дорог, у пней, в ту пору росли опенки. Я снял рубашку, завязал рукава и наполнил ее грибами.

Вечер наступил внезапно. Осенняя темень быстро садилась на деревню, во дворах лениво чаяли собаки, пахло дымом, сеном, свежим молоком и навозом.

Старшая сестра встретила меня со слезами. Ее слабые от рождения глаза вспухли и покраснели — весь день плакала. Она растерянно металась по избе и, чтобы не тревожить больную мать, говорила полупшепотом:

— Боже, Боже, что же нам делать? Откуда беда такая?

Я стоял у кровати и смотрел на больную мать. Маленькая коптящая лампа освещала ее вспухшее до неузнаваемости лицо. Она тяжело дышала и безразлично смотрела в низкий, почерневший потолок. Видно, ей было тяжело справляться с болями.

— Иди к председателю, проси коня. Мать надо везти в больницу, — распорядилась сестра.

Председатель колхоза Калина Налигацкий, полный, плечистый, лет сорока пяти, с грубыми, словно топором вытесанными чертами лица, сидел в прокуренной канцелярии о чем-то думал и нервно барабанил пальцами по столу. Его покрасневшие глаза остановились на мне:

— Что тебе надо? — спросил он скрипучим с похмелья голосом.

— Мама больна... Надо отвезти в больницу, — начал я нерешительно.

— Никакой больницы! У нас нет свободной тягловой силы...

Я расплакался.

— Мама умрет, что мы будем делать?..

Налигацкий начал просматривать газету.

— Сестра на работу не выйдет, — пробовал я угрожать.

— Выйдет! Еще как выйдет! — отвечал он, не поднимая головы. — Я раз сказал — кончено. Кто я тебе? Председатель, али нет?

Налигацкий был партийным. Он был прислан из района, чтобы наладить развалившееся колхозное хозяйство. Его боялась вся деревня. Не сказав больше ни слова, я ушел домой.

Матери стало лучше, но она заметно волновалась и пыталась нас утешить:

— Не беда, дети. Без доктора обойдусь. Если Богу угодно — выживу, а если нет — на то Его воля. И никакой доктор не поможет. Вот только бы селедочки кусочек. Солененького хочется...

В ту пору во всей деревне не было ни у кого селедки и в помине.

Рано утром, когда деревня еще спала я ушел в город, припрятав в кармане трехрублевую бумажку — подарок от брата. Старший брат в это время отбывал воинскую повинность в красной армии.

Шестнадцать верст до города я шел спеша, чтобы угодить больной матери, сделать ей приятное — купить селедку. И каково было мое разочарование, когда во всех, известных мне лавках не оказалось не только селедки, но вообще никакой рыбы. Рыбные магазины торговали уксусом и солонками.

Может быть в то время это было хорошо: соль для матери, больной воспалением почек, была крайне опасна.

Возвратился я домой поздно вечером. Мать говорила мало. О селедке больше не вспоминала.

— Где же ты, сынок, был? — спросила мать, еле выдавливая слова.

Я ничего не ответил, чтобы не сказать матери неправду.

Через несколько дней ей стало еще хуже. Опухоль еще больше наливалась ее ноги, руки, лицо, делала ее совсем неузнаваемой.

— Подойди, сынок, ко мне, — сказала мать однажды утром. — Умру я... Не выживу, — проговорила она шепотом. — А ты не плачь, сынок... Я тебя вымолила у Бога...

Она с большим трудом подняла руку и положила мне на плечо. В ее больших, проникнутых любовью глазах, стояли слезы.

— Одно прошу тебя, сынок, молись Богу, — говорила она едва слышно. — Он поможет... Он...

Мать закрыла ввалившиеся глаза и несколько минут лежала в забытьи. Я смотрел на нее сквозь завесу слез и никогда мне мать не казалась такой дорогой, близкой и нужной, как в эту минуту.

Сестра спешно снарядила меня к тете. Она жила на хуторе, в трех верстах от нас.

— Скажи мама умирает... Пусть скорее придет.

Я не верил этому и с такой вестью пошел неохотно.

На поля падал мокрый снег. Он падал также мне за шею и слепил глаза. На поляне, за деревней, где сто-

ял большой ветвистый дуб, неожиданно, прямо передо мною упала ворона, но едва коснувшись земли, она взмахнула крыльями, испуганно каркнула и улетела в лес. Я принял это за плохое предзнаменование.

В первый раз я с ужасом подумал: что же буду делать, если мама умрет? Куда я пойду? Кто будет со мною?..

Домой я вернулся с тетей. Мать, одетая в серое платье, которого я никогда не видел у нее раньше, лежала на широкой скамье. У ее изголовья бледно мерцал огарок свечи. Непривычно пахло в избе воском и нафталином. На щеках матери еще не разошелся предсмертный румянец. Опухоли на лице как будто не бывало. Я долго всматривался в ее лицо и мне казалось, что она вот-вот откроет глаза и скажет:

— Ну, как сынок? Устал? Полезай-ка на печь, обогрейся...

Но этого случиться не могло. Мать умолкла навеки. Спазма в горле перехватила мое дыхание, я вышел в сарай, где у нас были сложены дрова и, забившись в темный угол, впервые по-детски искренне и слезно помолился Богу:

— Боже, помоги мне, сироте... Я теперь один...

От собственных слов я еще больше расплакался.

На следующий день, утром, изба наполнилась соседями. К вечеру приехали дальние родственники. Каждому хотелось выплакать свое горе. Не плакал только товарищ предколхоза. Он попрежнему ходил по деревне пьяный, покачиваясь с бока на бок. К нам он не зашел ни разу.

У матери была предсмертная просьба: похоронить ее по православному обычаю, со священником. Но исполнить ее просьбу нам не удалось. Единственный на всю округу, священник, отец Василий Тищенко, тихий, отзывчивый добродушный человек, отказался приехать на похороны:

— Опять меня посадят, — говорил он в оправдание. — И так налогами душат, нет спасения, а поехать к вам, в другую деревню — тогда поминай, кем звали...

У нас обнаружилась еще одна беда: не было досок, чтобы сбить гроб. К концу второго дня где-то обнаружили две осиновых доски из которых и смастерили гроб.

Хоронили мать в непогоду. Небо плакало дождем и снегом. Темно-серые тучи низко плавали над кладбищенскими деревьями. Я стоял у гроба матери и глотал слезы, но они не были солеными. Может быть потому, что их было много.

Ночью я не мог уснуть. На дворе занимался ветер. Мне было больно от сознания, что в могиле, где похоронена мать темно, холодно и нет воздуха.

Несколько дней спустя я видел сон: мать стояла у дверей в том же сером, неношенном платье. Я хотел было броситься к ней навстречу, но не мог: что-то держало меня на месте.

— Мне хорошо, очень хорошо, сынок, — сказала мать глухим, неестественным голосом. — У нас всем хорошо...

Я проснулся внезапно. Взволнованно стучало сердце. Жалел, что не приметил лица матери и не сказал ей ни слова. А сказать ей было что.

Так начиналась жизнь.

ВХОЖДЕНИЕ В МИР

«Кто не помнит прошлого,
Тот живет без будущего»
(Восточная мудрость).

ЛУЧШИЕ наши воспоминания связаны с детством и не потому, что тогда жили лучше, а потому что мы сами были лучше.

Когда мой отец ушел из деревни от социальных притеснений, я оказался выброшенным на улицу. В то

время в поисках куска хлеба бродило много беспризорных. Я принял совет старшей сестры и нанялся в подпаски к пастуху Ануфричу.

Кормили нас обществом, колхоз начислял мне полтрудодня и я гордился своим собственным заработком.

Тяжело мне было просыпаться по утрам. Сон настолько меня одолевал, что сестра не раз лила воду на мою голову. Я вставал, на ходу протирали глаза и плелся за стадом, мокрый до пояса от густой росы.

Летние дни у стада казались очень долгими. О времени судили по солнцу. От его восхода я много раз измерял свою тень. Когда тень вмещалась в два моих шага, стадо направляли к Горелому болоту на «стойло». Там Ануфрич раскладывал костер, бросал в него сырые сучья. Дым был верным средством избавления от назойливых полчищ слепней, оводов и комаров.

Обед приносили нам из деревни поочередно: горшок теплого картофельного супа с поджаренным луком, несколько ломтей хлеба и кувшин молока.

Осенив себя крестом, Ануфрич шептал про себя молитву, потом привычно разламывал хлеб и, подавая мне добрую часть, никогда не забывал сказать:

— Бери, что Бог послал. Подкрепляйся, парень.

— Как же Бог послал, когда нам люди принес-

ли? — спросил я однажды.

Старик сурово посмотрел на меня и сказал:

— А Бог как посылает? С неба кусками бросает, что ли? Вот так, через добрых людей и кормит бедных...

— А богатых кто кормит? — спросил я.

— Кто же у нас богатый? Вишь, теперь у нас равенство: все бедные.

— Все, да не все, — возражал я Ануфричу. Вчера директор МТС в колхоз приезжал на автомобиле. Весь блестящий, как новый. Директор — не бедный...

— Ну, дружок, это люди особой статьи, партийные. Не нам чета.

Ануфрич не любил моих вопросов, был со мной неразговорчив и часто зол. После обеда он выбирал место под деревом и укладывался спать. Я наскоро ел свой обед, потом ложился на спину и долго, порой до слез всматривался в загадочное голубое небо.

Смотреть в небо — было моим излюбленным занятием. Стадо пряталось от жары в кустах и я мог долго лежать и предаваться моим думам.

Птичий хор, несмотря на полудневный зной, пел свои песни, неумолкая. Вблизи, полуоткрыв беззубый

рот, храпел Ануфрич. Монотонно, как ослабевшая струна, гудели оводы.

— Как все красиво устроено на земле! — думалось мне. — А кто знает, как появилась земля и первый человек на ней? Что было в начале? Павел Демьяныч, местный учитель, говорил: «Не верьте поповским сказкам. Землю создал не Бог, потому что Бога нет. Земля произошла от солнца, а солнце само собой произошло. Наукой доказано...».

— Но почему же теперь ничего не происходит **само собой**? — возникал неразрешимый вопрос. Вот, допустим, моя ложка. Она сама собой не произошла. Ее кто-то сделал. А как же такая огромная и красивая земля, а на ней цветы, луга, леса, реки, горы — как все это могло произойти само собой?

— Человек произошел от обезьяны, — говорил учитель. — Англичанин Дарвин доказал это.

— Допустим, это так, — размышлял я. — От кого же обезьяна произошла? — От более простейшего животного. — А то, простейшее животное, от кого произошло? — Из живой клетки.

О клетке я имел тогда очень отвлеченное понятие, но мои мысли на этом не останавливались, а шли все в том же направлении:

— А та, живая клетка, как появилась? Как она произошла? — «Из воды и воздуха» — объяснял учитель. — А вода и воздух как произошли? — «Вода и воздух всегда были» — говорил наставник.

Ответ учителя мне не нравился. Я понимал, что здесь что-то не так. Если первая клетка произошла из воды и воздуха, то почему теперь не появляются эти живые клетки из воды и воздуха?

Лежа на спине, я старался припомнить каждое слово, сказанное учителем. В моей голове назрело много вопросов. Они стояли передо мной, как непоборимые великаны. Я с нетерпением думал о том дне, когда оставлю стадо и снова пойду в школу.

Все мои размышления обрывались на живой клетке. Дороги дальше не было. Я знал о существовании микроскопа, но никогда его не видел и мне хотелось взглянуть на это таинственное создание — живую клетку, как на великое чудо, начало всех начал.

Пастух Ануфрич с белой, как капустный лист, окладистой бородой, не мог удовлетворить мою любознательность. Растягивая слова охрипшим от простуды голосом, он повторял одни и те же фразы:

— Испортился народ. Совсем испортился...

Строго, с укором поглядывая на меня, сердито говорил:

— Молоко на губах не высохло, а вишь куда тебя тянет! Скажи ему, сколько лет земле? Чудак, ты, парень! Да разве это кому ведомо?

Старик прищуривал и без того узкие, всегда опухшие глаза, с густыми седыми бровями и поднимал лицо к небу, будто искал там ответа на мой вопрос.

Через минуту он многозначительно говорил:

— Богу все ведомо. А мы кто? Нам знать много не положено.

На этом наш разговор кончался. Ануфрич неохотно вставал, лениво разминал ноги, встряхивал рваную одежду и, как бы заключая, выводил слова с особой певучей интонацией:

Тебе, милоч, поговорить бы с нашим священником. Вот светлая голова! Умница. Тот все знает. Он говорил мне: «Вся земля Словом сотворена». А каким Словом? — на это ответ не дает, боится...

— Каго боится? — спросил я.

— Начальства... Дело его гиблое. Пчеловодом заделался. Вот так оно, времечко пришло. Держи, милоч, язык за зубами — больше проживешь.

Иногда я уносился мыслями в неведомые мне большие города, где живут всезнающие, ученые люди.

Вскоре удивительным образом сложились обстоя-

тельства и я, после окончания школы — семилетки попал в город. Там я был принят на рабфак.

Это были тяжелые годы. Правительство платило мне 40 рублей в месяц стипендию, но чтобы прожить на эти деньги, надо было отказаться от завтрака, а на обед брать фунт хлеба и немного сахара. Два раза в неделю я мог позволить себе зайти в студенческую столовую, чтобы купить тарелку горячего супа и стакан киселя.

Не лучшее обстояло дело и с одеждой. Даже позднее, когда стипендии выдавали сто рублей в месяц, я в одной рубанке «косоворотке» ходил на занятия весь учебный год. Когда она начинала блестеть от грязи, я снимал ее перед сном, мыл под рукомойником почти без мыла, потому что мыло стоило дорого. За ночь рубанка высыхала, я разминал ее руками, а утром она была снова на моих плечах.

Томительными были последние часы занятий. От мысли о пище рот наполнялся слюной, в животе появлялась боль, тошнило. На одном из таких уроков я смотрел на доску, где учитель решал геометрическую задачу, а думал о другом: как и где сегодня пообедать? До получения стипендии осталось еще несколько дней, а в кармане было только 30 копеек. У друзей я уже был в долгу.

Учитель математики, хромой, неопределенных лет человек, с женским и в то же время строгим выражением лица, всегда чем-то недовольный, по глазам умел читать мысли студентов. Он вызвал меня к доске:

— В., продолжайте решение задачи!

Я вышел вяло, как будто на казнь. Меня бросало в пот, решение продвигалось медленно, урок затягивался, а учитель сидел с искривленным выражением лица, словно во рту у него был укус и молча смотрел на меня. Это меня еще больше смущало. Наконец, он встал и медленно произнес:

— Удивительно способный юноша, но ужасней-

ший лентяй.

На последних словах он сделал особое ударение. Прозвенел звонок.

Знал ли учитель, что в ту минуту серая рублевая ассигнация была для меня заветной мечтой? После урока в шумном многолюдном коридоре он подошел ко мне, положил руку на плечо и заглянул в лицо сочувствующим взглядом.

— Вороне Бог послал кусочек сыру, — сказал он шутливым тоном и что-то сунул в мой карман. — Я был немножко неправ, — добавил он смущенно.

Когда он скрылся за дверями преподавательской комнаты, я обнаружил в моем кармане небрежно свернутую пятирублевую бумажку.

Пришлось вспомнить пастуха Ануфрича и согласиться с его словами:

— Через добрых людей Бог бедных кормит...

ДОБРАЯ ДУША

В ХОЛОДНЫЕ декабрьские дни 1939 года, когда скованные морозом окна не оттаивали несколько дней подряд, я оставил угрюмое студенческое общежитие и снял дешевую комнатку в отдаленном и глухом районе города Н.

Старый сгорбившийся домик с двумя комнатами и несколькими каморками, стоял занесенный снегом в глубине сада. Весной там буйно цвела черемуха.

Хозяйка дома, Прасковья Ивановна Ветковская, одинокая, всеми забытая старушка с чистым, доблорущим взглядом, в платке, прикрывавшем лоб почти до бровей, предложила мне одну из каморок с кроватью, столиком, с двумя стульями. Небольшая плата была по моему карману.

Прасковья Ивановна любила подолгу сидеть у самовара, разговаривать с кошкой и пить бурый липовый

чай. Когда утром, очистив дорожки от снега, я собирался в Институт, она приносила мне чашку сладкого чаю и, ласково улыбаясь, говорила:

— Погрейся, парень. Чаек этот полезительный, лекарственный. Я вот всю жизнь пью и к докторам дороги не знаю.

Как-то, во время лекций я почувствовал себя плохо. Вернувшись с занятий раньше времени, я уже на крыльце услышал звуки молитвенного пения. Они текли как из подземелья. Слабые старческие голоса пели нестройно. Подпевая густому басу, слабенький дискант выводил одни и те же неразборчивые слова. Пели в комнате моей хозяйки.

Я осторожно вошел в свою комнатку и прилег на кровать. Пение будило во мне воспоминания, трогало сердце, а частые повторения «Господи, помилуй» напоминали о той церковной службе, которую я слушал когда-то в детстве.

В городе к тому времени уже не было ни одной открытой церкви, хотя десятки куполов без крестов все еще возвышались над серыми однообразными домами, над редкими рощицами и садами. Церковными зданиями пользовались для нужд народного хозяйства, для «культурной и просветительной работы», для складов, клубов, изб-читален, для музеев и т. п.

Через оттаявшее за день окошко виднелся тихий, заснеженный сад. Две-три пичужки беззаботно прыгали по веткам. Молчаливые деревья бесшумно осыпали иней. День незаметно угасал, красное солнце косыми лучами скользило по крышам соседних домов. На ночь морозило снова.

Моя узкая комнатка казалась мне гробом. Весь день я ничего не ел и это создавало удручающее настроение. Невольно я начал рассуждать сам с собой. За стеной люди молятся Богу. У них есть вера, есть какая-то надежда, пусть несбыточная, по сесте, а у меня что?

Я принадлежал к категории молодых советских

людей, считавших религию, по выражению Ленина, «опиумом народа». Но бывают в жизни минуты, когда душа вдруг почувствует себя опустошенной, смертельно одинокой, несчастной и никому ненужной. Не с кем поделиться своими переживаниями, своими мыслями. Каждый живет своей жизнью, у каждого есть свои слезы, свое горе. И тогда человек невольно начинает думать о смысле жизни.

В сенях закрипели двери. Поодиночке, чтобы быть незамеченными, посетители Прасковьи Ивановны начали расходиться. Минуту спустя, хозяйка постучала в мою дверь:

— Что с тобой дружок? — спросила она участливо, по матерински нежно, вглядываясь в мое лицо. — Не заболел ли?

— Немножко... Простудился. Температура... — ответил я.

— Это не беда. У меня потогонная травка есть сразу, как рукой снимет. А мы вот, Николаша, Богу молились, — сказала Прасковья Ивановна, меняя тему разговора — Что ты на это скажешь?

Хозяйка хорошо знала, что домашние богослужения противозаконны, что за это ее могут наказать. Но на ее порозовевшем лице я не заметил ни страха, ни смущения. Наоборот, оно светилось какой-то неуловимой радостью.

Я молчал, не находя ответа.

— И за тебя я молилась, чтобы Бог милостивый помог тебе в жизни, в учении. Тебе ведь тоже тяжело живется. Да, все эти студенты — мученики. Сколько я их видела — все они страдальцы. Как же о вас не молиться Богу?..

— Спасибо, Прасковья Ивановна. Я как раз в этом нуждаюсь. Приболел вот немного. От отца ничего не слышно... Есть о чем Бога просить, — ответил я.

— А разве ты веришь в Бога? Вас ведь теперь

учат, что Бога нет. Вместо Бога нашли какую-то материю. В магазинах накакой материи не найдешь, а вам то и знай про нее говорят.

— Может быть Бог и есть, но я Его не знаю. Никто Бога не видел.

Хозяйка стояла передо мной, сложив на груди руки, и спокойно слушала мои доводы. Потом она присела на край стула и наставительно начала:

— Сын ты мой, сын, да разве мы грешные можем видеть на земле Бога? Видеть нам Его не дано, а верить дано, потому и сказано: «Блаженны не видевшие, а поверившие».

С этими словами Прасковья Ивановна вышла, но вскоре вернулась, держа в руке старую, порывшуюся от времени книгу и медную иконку.

— Вот тебе даю образок Божьей Матери, Заступницы. О всех она печется, всем помогает. А вот здесь (она раскрыла книгу) есть молитовка. «Достойно есть» зовется. Послушай меня, старую, как мать. Не плохому учу, хорошему. Перепиши эту молитовку и заучи ее хорошенько.

Внимательно глядясь в мои глаза, как бы читая их, она добавила тихо, почти шепотом:

— Если хочешь от Бога милость получить — молись. А «Отче наш» ты знаешь?

Я утвердительно кивнул головой и в доказательство прочел молитву без затруднения.

— С детства знаю. Мать когда-то научила...

— Вот хорошо. — продолжала хозяйка, воодушевляясь. И «Отче наш» читай, осеняя себя крестом. Сам Христос учил этой молитве.

Немного помолчав, она продолжала:

— Только смотри, сын, не всем про то рассказывай. Сам знаешь, какой народ нанче пошел. Родному брату не верь, не то что товарищу. И как бы в подтверждение добавила:

— Так и в святых книгах написано: «Восстанет

народ на народ и сын будет против отца.» Так оно теперь и есть.

— Но как же вы, Прасковья Ивановна, мне доверяете? — спросил я, немало тому удивляясь.

— Я знаю, ты не доносчик. Да и я ведь не враг власти. А в Бога все равно буду верить, хоть убей. И не одна я такая. Вера, сын, большое дело, неоценимое. Твоя ведь мама тоже верила?

— О, да, — отвечал я. Она верила. Всем сердцем верила. Только что из этого? Всю жизнь до советской власти служанкой была, расписаться не умела. Верила, верила, а жизни так и не видела. Видно, Бог и от верующих отказался...

— Неправда это, — настаивала на своем Прасковья Ивановна. Бог от людей не отказался, люди от Него отказались. Оттого и беда на земле. Подумать только, не только у нас, а даже за границей с голоду умирают.

И тут же, меняя тему разговора, Прасковья Ивановна сказала:

— А вчера читала я твои стихи о матери и слезу не удержала. Сама покатила слезу непрошенная.

На морщинистое лицо хозяйки упало несколько бриллиантовых слезинок, но она, будто не замечая, смахнула их ладонью и ушла к себе в «келью».

Медная иконка, величиной в спичечную коробку, покрытая синим налетом окиси изображала Деву Марию с Младенцем на груди. Я спрятал ее в письменный стол, записал молитву «Достойно есть». Смысл церковно-славянских изречений был мне мало понятным и далеким от моих переживаний, но как большинство людей, склонных скорее к суеверию, нежели к вере, я смотрел на все это с сомнением.

Прасковья Ивановна, очевидно, казалось, что я интересуюсь вопросами веры и она усердно старалась меня приобщить к православию, к почитанию святых, к посту и молитве. Иногда я слушал ее подолгу, особенно

в выходные дни, когда из-за безденежья я сидел дома.

— Ничего, Николаша, не унывай, — ободряюще говаривала Прасковья Ивановна.

— Бог тебя не оставит. Только верь. «Падут возле тебя тысячи и десять тысяч одесную тебя, но к тебе не приблизятся».

В действительности же, я интересовался религиозным вопросом в той мере, в какой он был связан с историей России. Историю я любил также, как и литературу. Но диалектический материализм, вопросы ленинизма и политэкономии, я всегда забрасывал до зачетов, а потом старался в два-три вечера наверстать упущенное.

Чистой исторической науки фактически тогда не существовало. К высказываниям таких историков, как Платонов и Костомаров, подходили довольно осторожно. Даже Соловьев и Ключевский на семинарах подвергались критике в оценке некоторых исторических событий. О Покровском было запрещено даже говорить. Во всем надо было придерживаться строго партийного взгляда. Поэтому, многое, особенно в вопросе религии оставалось скрытым, неясным и сомнительным.

Может быть это как раз и располагало меня много говорить с Прасковьей Ивановной о старине. Ее мать хорошо знала барщину. Бабушка была продана известным в нашей округе катом-помещиком. Эти рассказы вызывали у меня чувство негодования к правителям России, вызывали недоверие к церкви, к ее служителям, которые шли в ногу с богатым классом. Но там, где Прасковья Ивановна рассказывала о подвижниках веры, я думал об этих людях, как о героях.

Вместе с теплыми утешительными словами хозяйка ежедневно приносила мне тарелку горячих вкусных щей. Она присаживалась у моего стола и начинала свои рассказы о праведных старцах, о чудесах, о жизни патриархов Израиля. Тогда я впервые услышал рассказ о прекрасном Иосифе, сыне Иакова и я

не раз подумывал написать об этом поэму.

Иногда я вступал в разговор, приводил общеизвестные факты о недостойной жизни священнического чина и тогда Просковья Ивановна искала другую тему или уходил в свою комнату. Видно и она знала эти больные места, которыми умело пользовались атеисты в борьбе с религией.

На другой день, как только я приходил с занятий, хозяйка снова появлялась в моей комнатухе с какой-нибудь просьбой, а после, угощая меня обедом, начинала все тот же разговор о Серафиме Соровском, о Сергее Радонежском и о других подвижниках православия.

— Каким же образом, — спросил я ее однажды, — люди, уходившие в пустыни, отрицая материальные ценности, основывали монастыри и сами становились крупными собственниками лесов, пашен, рек и даже деревень. Выходит они противоречили тому, чему учили?

— На моем веку этого не было, — оправдывалась Просковья Ивановна. Да, монастыри были у нас богатые

Вскоре Просковья Ивановна переходила в наступление:

— Много знать — скоро состариться. Зачем оно тебе? Теперь много знают, а вот сегодня два часа за килограммом хлеба в очереди стоял. Наказал Господь Русь за грехи тяжкие. Бывало, в Карховском соборе звонят, а у нас слышно, как колокола переливаются. Почитай, десяток верст будет. А теперь и душу усопшего помянуть негде. Хоронят людей, как животных...

Эти рассказы увлекали меня не на шутку. Жалобы Просковьи Ивановны были основательными. Я знал это и видел, как верующая добрая душа была в загоне. Мне было жаль ее и я, нее замечая того, становился на ее сторону.

— Мне с тобой поговорить, как чаю попить, —

говорила она, уходя ко сну. — С тобой и мне веселей, родной ты мне стал. Вот посижу у тебя и душу отведу. На сердце легче станет...

Хозяйка не сделала меня религиозным человеком, но вызвала во мне интерес к духовным вопросам, заронила сомнение, что душа человека смертна, что нет загробной жизни. — Кто-то есть выше человека, — думал я.

Весной, когда высыхала грязь, цвели ветвистые клены, а солнце пригревало землю, я часто уходил в сад готовиться к зачетам. Домой приходил усталым, как всегда голодным и нервным. Прасковья Ивановна знала это и не беспокоила меня своими рассказами, но перед экзаменом меня научила еще одной молитве: «Моли Бога о мне, свитый угодниче Божий Николае, яко аз усердно к тебе прибегаю, скорому помощнику и молитвеннику о душе моей».

И я твердил эту молитву перед дверями строгого доцента.

Однажды, знакомясь с первоисточниками периода собирания Руси, я был глубоко потрясен жизнеописанием царя Иоанна Грозного. Он был религиозным, набожным человеком и в то же время совершал казни, заносил имена казненных в поминальные синодики — огромные книги. Потом эти имена рассылал по монастырям. Некоторые из этих синодиков сохранились до наших дней, как важные исторические памятники. Один из таких списков-синодиков был приведен в хрестоматии. Число жертв религиозного царя доходило иногда до 4 тысяч. Братия поминала их за особые поминальные вклады, что и было одним из важнейших источников обогащения монастырей, да и церкви вообще.

Нарушая общее правило, я вынес этот сборник материалов из библиотеки, чтобы прочесть Прасковье Ивановне и убедить ее, что религия — что-то сложное и непонятное. Как это можно было убить человека, а потом молить Бога о спасении его души?

Я читал Прасковье Ивановне об Александровском монастыре, где Иоанн Грозный избрал братию — три и черные рясы, а сам лазил на колокольную звонить к заутрене, потом читал и пел на клиросе и долго, коленопреклоненно молился.

Прасковья Ивановна слушала неохотно, состава опричников, а князя Афанасия Вяземского облек в сан келаря. Братию он одел в монашеские скуфейки слезами и не находила доводов, чтобы оправдать поступки таких «правоверных» царей. И я читал ей из Ключевского: «Когда после обедни за трапезой веселая братия монахов опивались и объедались, царь за аналоем читал поучения отцов церкви и посте и воздержанни, потом обедал сам, после обеда любил говорить о законе, дремал или шел в застенки присутствовать при пытках «заподозренных».

Эти факты, да и много других, отталкивали меня от религии, но где-то глубоко в душе я сознавал, что выше религии есть Бог, есть Творец, Которого мы, люди, не знаем.

Найти правду о Боге — стало моей заветной мечтой.

БОЖИЙ ЭКЗАМЕН

В воскресенье, 22 июня 1941 года, был теплый погожий день. После небольшого тихого дождя, выпавшего ночью, утреннее небо расчистилось и заголубело. Поднимая гвалт, стаями летали воробьи.

В этот день я был в деревне у моих друзей, в семи верстах от города Новозыбкова. Я вышел на луг, к небольшой, но быстрой речушке, прихватив с собой потрепанные конспекты по новой истории. Через два дня мне предстоял последний экзамен.

К полдню погода изменилась. На горизонте появилось несколько облачков. Они плыли с запада, заметно темнея.

Я уже был на пути в деревню, когда из-за кустов выбежал мне навстречу мальчик лет семи, сын моей хозяйки.

— Дядя, война началась, война!..

— Немцы идут... Бросают бомбы... — продолжал лепетать мальчик. — Молотов сказал.

— Где же ты видел Молотова? — спросил я.

— Не видел, а слышал, по радио, в клубе. А людей там... Все село! Поди, скорей, посмотри...

Тяжелые предчувствия наполняли мое сердце. Я вошел в деревню через огороды, напрямик. У сельсовета толпилось множество народа.

— Вот они, договора эти, — выкрикивал подвыпивший колхозник. — Объегорил нас немец. Теперь Народ теснился в коридоре, под окнами. Сквозь люд-попробуй, останови его, когда он, елки-палки, уже до стоял радиоприемник. Войти туда было невозможно. Минска стругнул. Того и гляди, завтра здесь будет...

— Ты, старина, помалкивай! — крикнул кто-то

на колхозника. — Контрреволюцию не разводи.

В клубной комнате, утопавшей в табачном дыму,

Мальчик оглядывался по сторонам, будто где-то рядом, за холмами, прятался враг, готовый напасть в любую минуту.

ской гомон слышалось захлебывающееся хрипение репродуктора, свист морзянки. Завклубом подстроил волну и в окна вырвалась песня:

«Но сурово брови мы пасупим
Если враг захочет нас сломать.
Как невесту родину мы любим,
Бережем, как ласковую мать».

Вскоре я зашел к моим друзьям проститься. Хозяйка плакала: старшему сыну, Семену, посыльный принес повестку. Приказывали немедленно явиться в райвоенкомат с продуктами на три дня и парой белья.

— Выпьем, друг, на прощанье, — сказал Семен. — Припас поллитровку на всякий случай. Может в последний раз выпьем.

Его отец, лысый, рыжебородый старик с одним глазом, известный на всю округу рыбак, после второй рюмки развязал язык:

— Скажу вам, хлопцы, по секрету: жаль мне вас. Гонят народ на убой, не иначе. А что война началась — ничуть не жалею. Может быть перетрубация будет, из тюрем людей выпустят...

Старик смотрел в тарелку, наполненную свежими огурцами и луком и о чем-то думал. Из его глаза текла слеза и пряталась в густой бороде.

— Нагрешили мы много... Теперь, поди, расплата приходит.

Старик опрокинул еще одну чарку, понюхал корку хлеба.

— Посмотрим, чья возмет, кто выдюжит? А пострадать народу все равно придется, во искупление грехов, — добавил он.

— Значит, война вроде Божьего наказания? — спросил я.

— Вот, вот, так оно и есть, сынок. В точности так.

Я тепло простился с Семеном. У меня был старенький велосипед и через полчаса я был в городе.

У райвоенкомата, вдоль улицы, уже стояли подводы. Мобилизация шла полным ходом. Возле широко раскрытых ворот толпились люди с котомками за плечами и все говорили об одном: немец бомбил многие города, его дивизии быстро продвигаются на восток. Кое-где голосили женщины, в двух-трех местах завывали гармошки. Пьяные голоса совсем рядом выводили песню:

«Последний, нонешний дене...чик
Гуляю с вами я, друзья...».

Сидя на возу, рябоватая, подкрашенная молодка кричала:

— Окаянные, пожить не дали! И мово тоже забц-рают...

Во дворе военкомата строились группы новобранцев. Новые начальники выкрикивали фамилии, считали, отправляли колонны через весь город на фронт.

Продажа спиртных напитков была строго запрещена. Но люди, словно очумелые, выискивали спекулянтов, жадно набрасывались на водку.

На базарной площади, как раз напротив памятника Ленину, я встретил земляка, тракториста МТС. Он обнял меня, облобызал, прижался мокрой от слез щекой и, тяжело дыша водочным перегаром, говорил над ухом:

— Братуха, каша заварилась не на шутку... А за что идти воевать, пес их подери? За то, что отца сгноили в Соловках?..

А рядом толпа людей окружила веселого плясуна, колхозного парня. Шлепая разбитыми лаптями по мостовой (новобранцы одевались, как можно хуже), он

ухарски хлопал в ладони и под рев гармоники бросал слова:

И пить будем,
И гулять будем,
А смерть придет —
Помирать будем.

На другой день в клубе Пединститута состоялось экстренное студенческое собрание. Выступали активисты, яростно клеймили немецких захватчиков, призывали защищать родину, не щадя жизни. Местные поэты успели написать патриотические стихи, не забыв упомянуть о гениальном Сталине. Сразу после собрания начали формироваться бригады добровольцев. Записался и я.

В райвоенкомате после поверхностной медицинской комиссии мне сказали:

— Направляем вас в Воронежское Военное Училище Связи (ВВУС). Будете лейтенантом-связистом.

29 июня я был в Воронеже, на студенческой улице, в главном управлении Училища. Просмотрев мои документы, дежурный улыбнулся:

— Студент? Тут тебя промнут, как следует. Пыль выбьют...

После вольной студенческой жизни, училище с железной дисциплиной казалось мне тюрьмой. С 6 часов утра до 10 часов вечера — каждая минута — была на строгом учете. Занятия проходили по ускоренной программе, с таким расчетом, чтобы к весне сделать выпуск и отправить на фронт.

С фронта шли печальные вести. Немцы подходили к Москве.

В сентябре 1941 года немцы бомбили Воронеж, прямым попаданием взорвали авиационный завод.

Муштра, сорокакилометровые походы, тактические занятия, частые военные тревоги по ночам доводили нас до изнеможения.

Однажды, наша учебная рота была в наряде. Мне довелось патрулировать в лощине, густо поросшей ивняком, вблизи военного городка. Командование опасалось высадки десанта и каждую ночь выставляло дозоры патрулей.

Была холодная сентябрьская ночь. С полей дул сырой ветер. Непроглядная тьма слепила глаза. Со стороны города не было видно ни одного огонька: в городе соблюдалось строгое затемнение. Только в Чижевке, в пригороде Воронежа, надоедливо лаяли собаки. Там было несколько прожекторных установок. Временами они прощупывали небо косыми лучами.

О чем я только не думал в эти ночные смены?! Но больше думал о себе самом. Припоминались наставления покойной матери.

— Почему бы мне не помолиться? — пришла мне однажды мысль. И я начал упражнять себя в молитвах, повторяя «Отче наш». Иногда молитву кончал словами:

— А еще, Боже, прошу, сделай так, чтобы я не убил человека...

Этот вопрос меня больше всего беспокоил. Я не мог представить, как можно закладывать обойму в винтовку и стрелять в живых людей, даже если они враги?

В состоянии моей души, в настроении, моя молитва не делала перемен, а все таки, вспоминая мать, ее слова, мне каждый раз хотелось помолиться втихомолку. И я это делал.

В начале ноября 1941 года Училище поспешно эвакуировали в Самарканд. В пути, после бомбежки железной дороги у Борисогребска, дежурных по вагонам вызвал новый батальонный комиссар.

У раскрытых дверей штабного вагона-товарняка, в новой, не по росту форме, стоял бывший директор нашего института, кандидат исторических наук Алферьев.

После официального доклада, я назвал его по имени.

— Вот оно что? Узнаю, узнаю, милоч. Помню, как вы просили стипендию. А теперь, значит, в одних рядах... — говорил он, улыбаясь.

Алферьев пригласил меня в свой отгороженный в вагоне «кабинет» и привычно, по деловому начал:

— Видишь, в жизни получается все немножко иначе. Теперь перед нами экзамен на право жить или не жить. Да, да... Жить или не жить. Такую войну в две недели не кончают. Учить диалектику — одно, а отвоевать себе право на жизнь — другое. Это не всем удастся. Учись, милоч, прилежно, на фронте пригодится.

Прощаясь, Алферьев приложил руку к пилотке, которая неуклюже держалась на его выбритой, большой голове.

Суровая дисциплина училища связала меня не надолго. В начале 1942 года я был досрочно выпущен из училища и отправлен в Ташкент, где формировалась 69-ая дивизия.

В марте 1942 года дивизия была отправлена на фронт по «зеленой улице». Высадились в Туле. Боевая романтика рассеялась как дым, когда в разбитом поселке Косая Гора, в окрестностях Тулы, под снегами, я увидел сотни неубранных замерзших трупов.

Подвалы разрушенных домов были переполнены ранеными. Они погибли, истекая кровью, потому что им некому было оказать медицинскую помощь. Это были защитники Тулы, рабочие заводов, ополченцы, мобилизованные женщины и даже подростки в рабочей одежде.

Неописуемый ужас охватывал каждого, кто заглядывал в эти погреба. Немцы давно отступили, а трупы лежали все еще неубранными.

Из под снега виднелись разбитые немецкие автомашины, брошенные походные кухни, взорванные танки.

Однажды, в солнечный день я вышел со связистами на тактические занятия к кирпичному заводу, в 6 километрах от города. Мы, необстреленные новички, с любопытством рассматривали немецкие трофеи. Невдалеке раздался взрыв, за ним второй и третий. Взрывались мины. Оказалось, мы вышли на необозначенное минное поле. Несколько красноармейцев взлетело на воздух. Их разорвало на куски, которые невозможно было собрать. Здесь был убит один из моих лучших и душевных друзей, еврей, командир 4-ой роты, лейтенант Гитлин. А еще так недавно, несколько часов тому назад, он напевал веселую песенку и балагурил:

Весной в Берлине будем
И горе все забудем...

Ночью я не мог спать. Перед глазами стоял образ Гитлина. Сколько раз он выручал меня в Ташкенте, когда я, изрядно подвыпив, попадал в милицию. Теперь я видел, что жизнь человека — недолговечнее травы. Сегодня цветет, а завтра вянет подкопленной. Завтра это может быть со мной, с каждым. А дальше что? Вдруг обнаружится, что есть загробная жизнь? Как же быть с моими грехами?

В тот день я вытащил из чемодана мой «талисман», иконку Прасковьи Ивановны, моей квартирной хозяйки и положил ее в карман гимнастерки, рядом с комсомольским билетом.

А вскоре, в тульской бане я увидел сослуживца, члена партии, тщательно прятанного нательный крестик.

— Что это у вас такое? — спросил я его в упор.

— Да, знаете, память матери. Дорога она мне. А впрочем, говоря между нами, «пока гром не грянет, мужик не перекрестится...».

На пути в штаб он говорил мне на ухо:

— Верить или не верить в Бога — личное дело человека. Я думаю, — оправдывался сослуживец, — здесь принадлежность к партии ни причем. Вот

прикажи мне не верить, если, допустим, я верю?.. А? Что скажешь?

— Это правда, — ответил я. — Я тоже верю. Тут, брат, война. У каждого своя философия...

ДЕНЬ НА ПЕРЕДОВОЙ

ДЕНЬ 5 мая 1942 года начался для меня рано. Едва забрежил рассвет я вылез из блиндажа на свежий воздух. Осиновая роща, где мы расположились с вечера, таинственно молчала. Невдалеке проходил патруль. Внезапно роща огласилась ревом самолета. Из пике вышел немецкий самолет и сбросил две бомбы. Они взорвались на краю рощи, не причинив нам вреда.

Спать, однако, уже никому не пришлось.

— Подъем! — тянул коновод, проснувшись первым. Он спал под двуколкой, нагруженной телефонными катушками и аппаратами.

— Гости прилетели! Принимай гостинцы! — шутил он.

Бойцы вылезали из землянок неохотно. Некоторые тянулись к кухне за чаем, другие ухитрялись умываться из фляги.

Наш 120-й полк расположился во втором эшелоне, в десяти километрах от передовой, вблизи станции Барятинской, на стыке Калужской и Брянской областей. В соседней деревне Шершнево стояла на отдыхе танковая рота. В последних боях она потеряла половину своего состава и почти всю технику и теперь ожидала пополнения. Танкисты в поисках землянков пришли к нам, новичкам. Молодой кудреватый сержант со свежим шрамом на бороде, что придавало его лицу комическое выражение, отечески наставлял:

— Главное, прячь голову. В ней вся жизнь. Нет головы — нет жизни. Все остальное — чепуха, залечить можно. Меня вот прописало осколком по бороде. А два раза был в ноги ранен и ничего, за три месяца

отремонтировали и опять же сюда.

Он щедро угощал нас папиросами и спрашивал вновь подходивших бойцов:

— Землячков нету? Пскопских?..

— Да мы все тут земляки, — отозвался чей-то голос. — В земле роется. землей накроемся...

Солнце обещало погожий день. Из деревни Шершнево несло запахом цветущих садов и сырой земли. Там рыли окопы.

Я пришел на узел связи. Через минуту запищал зуммер: вызывал начштаба.

— В 10 ноль-ноль будьте готовы! Поедем на рекогносцировку.

На опушке рощи, у выхода к главной дороге, ведущей на передовую, нас встретил командир полка, майор Чигвинцев, худенький, небольшого роста, с узкой, словно побывавшей в тисках, головой. Майор был кадровик. Излагая обстановку, он чеканил слова, как автомат.

Согласно приказа командира дивизии наш полк должен был завтра к вечеру сменить сибирский разбитый полк и занять оборону.

Мы пришли к артиллерийскому наблюдательному пункту. В двух километрах лежала деревня Яковлевка, занятая немцами. Встретил нас командир дивизиона радостно.

— Заходите скорее, не маячьте на глазах! Давно вас ожидаем. Пора и вам повоевать, а нам — обмыться, отдохнуть немного.

В ожидании штабных командиров другого полка, мы вошли в блиндаж артиллеристов. Давно небритый, с потухшими глазами, испачканный землей лейтенант поминутно заглядывал в смотровую щель и передавал приказания телефонисту-наблюдателю.

Лейтенант знакомил нас с фронтовой жизнью. Он пробыл на передовой 5 месяцев бессменно, три раза получал пополнение, ничего не знающих в артиллерии

узбеков. Многие из них бежали к немцам.

Трагические случаи лейтенант умел облекать в юмористическую форму.

— Зимой мы такое устроили, — говорил он воодушевляясь. — Запрягли артиллеристы в сани, значит, клячу, натерли ей где надо перцем, положили на сани две мины и пустили этот транспорт прямо в Яковлевку, к немцам. Лошаденка была, конечно, никудышняя, нохватила так, что через пять минут оказалась вон у тех сараев... Видите?

В бинокль деревню, занятую немцами, можно было видеть как на ладони.

— И представьте себе, два фрица выскочили, как из под земли и давай бежать за клячей. Схватили они ее, а взрыва нет. Думаем, не сработал механизм. Но тут, братцы, так рвануло, что ни от клячи, ни от фрицев ничего не осталось. Вот было смеху!..

И он смеялся задористо и громко, показывая ряд пожелтевших от курения зубов.

Трудно было мне понять, как можно смеяться над коварной смертью людей и животного. Фронтовая обстановка делала сердца людей грубыми, безразличными к смерти других.

— Ну и дал же нам, немец, после этого перцу! Ух, что тут было... Весь день сажал мины, как картошку. Тогда я пять бойцов потерял, — так закончил свой рассказ лейтенант.

— А это что там, на огородах? — всматриваясь в бинокль, спросил Чигвинцев. — Немцы гусей пасут, что ли?

— Где там, гуси? Это же наши лыжники, в маскировочных халатах, — отвечал лейтенант. Там весь сибирский батальон с февраля лежит. Немцы подпустили близко, а потом всех скошили. Нарочно не убивают...

К полдню мы закончили рекогносцировку. Соблюдая правила маскировки, мы по одному выскакивали

из траншеи. За мной шел лейтенант Цин, адъютант командира полка. Внезапно Цин вскрикнул и присел:

О-о-х, — простонал он рядом, пытаясь встать. Отказалась повиноваться нога. Я разрезал ему сапог. Шальная пуля снайпера ударила ему в ногу. Подбежали другие, перенесли его в другое место, вызвали санитаров.

Забегая вперед, отмечу, что в санбат он попал только через несколько часов: шел обстрел. А в санбате двадцатилетнему лейтенанту ампутировали ногу.

Мы шли в свой полк через некошеные дуга. На каждом шагу виднелись следы войны: воронки от снарядов, стреляные гильзы, пустые консервные банки, ящики, а кое-где и холмики погребенных воинов. Мы вошли в молодой хвойный лес. Здесь стояла батальонная походная кухня. Солдаты, позванивая котелками, пристраивались в очередь. Повар, как и все повара, шутник и балагур, покрикивал на солдат:

— Не толпиться! Во всем нужна сноровка, умные, маскировка...

Повар не закончил своей песни. Внезапно раздался шум, словно летела огромная стая перепелов. Невдалеке почти одновременно взорвалось несколько мин. Все разбежалось в стороны.

Я вскочил в первое попавшееся мне укрытие —

ветхий блиндажик с тоненьким накатом. Он вместил немногих. А в это время шквал минометного огня накрывал район кухни.

— Это перебежчики!.. Они сообщили немцам где у нас кухня. в какое время раздают обед! — рычал чей-то голос в темноте.

— Предатели!..

Мины садились одна за другой совсем рядом. Люди сразу умолкли и думали о своей судьбе. За каждым взрывом — волны горячего воздуха врывались в блиндаж, осыпалась земля. Сквозь гул взрывающихся мин и вой осколков слышались душераздирающие крики раненых, но никто не пытался выйти из блиндажа. Мина ударила в столбик, стоявший как раз перед входом в блиндаж, другая — в верхушку дерева и там же разорвалась. Осколки сыпались градом, барабаны по крыше, как град. Третья мина упала совсем рядом в яму, наполненную водой, обдав грязью тех, кто сидел у входа. Мина не взорвалась.

Огневой налет также внезапно прекратился, как и начался. За две минуты немцы выпустили не меньше сотни мин. Несколько человек было убито насмерть, раненых сносили в батальонный санпункт. Мы не досчитались командира разведроты. Он был убит.

Здесь, в этот день, я впервые видел оторванные части тела и густую запекшуюся кровь на голубых и желтых лесных цветах, на траве, на тропинках, ведущих к главной дороге.

Озираясь, люди выходили из укрытий. Роща была неузнаваемой. Синий дым застилал небольшой овражек, где стояла кухня. Запах гари и сырой взрытой минами земли наполнял воздух.

Это был запах войны.

Майор Чигвинцев уехал в полк раньше, избежав обстрела. А мы с начальником штаба вырвались на главную дорогу и ускорили шаг.

В пути я думал о том, как завтра будет открыта новая страница моей жизни, жизни на передовой линии фронта. Когда и как она будет закрыта — никто не знал.

День подходил к концу. Как белый дымок стремительно бежали по небу облака. В кустах перелетали птицы, приготавливая гнезда, а по сторонам дороги стояла стеной острая щетина зеленых трав. Из травы выглядывали золотые головки одуванчиков. Густой горький запах гнили и развороченной повозками сырой земли был неприятен, но к нему надо было привыкнуть.

Огненный зрачок солнца все быстрее и быстрее катился к лесу, из которого недавно мы вышли. Навстречу нам шла группа бойцов. Их резкие, суровые и задумчивые лица казались вытесанными из серого мрака.

Каждый думал про себя одно: мы идем умирать...

АД НА ЗЕМЛЕ

Середина июня 1942 года. Прошел только один год, как началась война, а сколько перемен, сколько событий пронеслось в моей жизни за этот год! Окончание Института, Военная школа, Воронеж, Самарканд, Ташкент, Тула... и вот теперь передовая линия западного фронта.

В 2-х километрах от нас, за рекой Ужась, виднеются оборонные укрепления немцев, откатившихся от Москвы. Окопы, блиндажи, доты. Два-три раза в день немцы стреляют по нас из минометов, визжат пули снайперов и каждый день несколько человек прощаются с жизнью. Наша артиллерия молчит, не хватает снарядов. Только для пристрелки минометчики выпускают несколько снарядов. И это уже нас радует: что-то и у нас есть.

Почти каждый день ходит разведка «за языком», но возвращается с пустыми руками. Командир полка сердито ворчит.

— Я не знаю, кто передо мной стоит. Мне нужен немец! Завтра сам пойду «за языком!»

Наши перебежчики, а их число увеличивается каждый день, дают немцам точные координаты расположения наших частей, штабов, узлов связи. Огневые налеты повторяются ежедневно. Лучшие мои связисты один за другим выбывают из строя, на их место дают совершенно неподготовленных людей.

В июне 1942 года от комдива пришел секретный приказ: в ночь на 21-е два батальона нашего полка должны наступать на укрепленный рубеж немцев, отрезать две деревни Яковлевку и Лошихино, захватить пленных для получения от них сведений о противнике.

Это была так называемая разведка боем.

Вечером, перед началом наступления, на исходном рубеже старшины раздавали бойцам для храбрости спирт, а в это время шла артподготовка. Ровно час ухали наши орудия, непрерывно гудела земля, занятая немцами, их позиции вздымались клубами огня, дыма и земли.

Как только многоствольный миномет — «Катюша» — сделал третий выстрел, наши роты с криками: ура, за Родину! — пошли в наступление.

На командном пункте командира батальона И. А. Бахметьева непрерывно гудели зуммера. Наши роты перешли реку Ужать, саперы справились со своим заданием хорошо.

Бахметьев кричал в телефонную трубку победным голосом:

— Лейтенант Арутюнов? Как далеко от вас немецкие окопы? 50 метров? Тогда? Сосредотачивайся к атаке! Давай, действуй!

И в это время первая немецкая мина ударила по

вашему блиндажу. На наши головы сыпалась земля, коптилка погасла, мы оказались в крошечней тьме, звенело в ушах.

Связь с наступающими прервалась.

Я выскочил из полуразрушенного блиндажа. Немцы, будто ожившие из мертвых, били по наступающим из всех видов оружия, били по нашим тылам. Густая роща «Сердце» стонала от разрывов снарядов и за несколько минут начала просвечиваться насквозь. Появились первые раненые. Одних несли, другие ползли сами, стонали, звали санитаров, сыпали проклятия.

На узле связи, в резерве не осталось ни одного связиста. Радиист тяжело ранен.

В эти страшные, непередаваемые минуты я первый раз в жизни сознательно взмолился к Богу. Это даже не была молитва. Это был вопль: Боже, прости меня, грешника! Спаси меня. Если спасешь меня, я буду стараться быть всегда хорошим и не грешить.

Не зная истины Божьей и характера Его любви, я шел на «коммерческую сделку» с Богом: «Если сохранишь мою жизнь, я буду жить по-другому, как верующий...»

Из 140 человек, участвовавших в атаке ради того, чтобы разведать силы противника, уцелело только 30. Всего же в этом наступлении было убито значительно больше.

Шесть связистов моего подразделения остались на поле боя. Среди них Василий Стрельцов из Ташкента.

Это был тихий, честный, благородный человек. Он всех любил и его все любили. Любил его и я сыновней любовью и мы подолгу беседовали о нашей жизни, мечтали о будущем. Мне не хотелось, чтобы такой человек шел под огонь. Вечером, перед наступлением я оставил его дежурным у тылового телефона, в более безопасном месте. Но получилось иначе.

Вернувшись после неудачного наступления в свой блиндаж, я не нашел в нем Стрельцова. Вскоре мне позвонили минометчики:

— Товарищ лейтенант, возле нашей огневой убит ваш связист. Похороните...

Оказалось, что когда телефонная связь с наступающими была прервана, Стрельцов добровольно ушел на поиски повреждения линии. Прямым попаданием мины ему оторвало голову и только по осколкам телефонного аппарата минометчики узнали, что это был связист.

Остатки тела, собранные в чью-то шинель, мы похоронили под деревом, иссеченным осколками и пулями.

Похоронив Стрельцова я возвращался в свой блиндаж с удрученным сердцем. В орешнике, как и имели, напевали пули: немцы все еще продолжали обстреливать наши передовые позиции, а я шел напрямик через кусты, чтобы выбрать тихое место и помолиться Богу. Спустившись в долину, я нашел такое тихое место, пропахшее грибами, папоротником и пороховым дымом. Я присел на вывороченном бомбой дереве и говорил шепотом:

— Боже, почему погиб Стрельцов? Ведь он был лучше меня. Он был такой хороший, умный, тихий, услужливый, не пил, не курил... А я кто? Грешник. Ты сохранил меня. Спасибо. А сдержу ли я мое обещание?...

Мое сердце загорелось любовью к милующему Богу, появилось желание жить чистой, святой жизнью. Но как это осуществить? Этого не знал. Я думал о бренности нашей жизни, хотелось посвятить себя борьбе с человекоубийством, опять-таки — как?

Мой дневник распухал стихами, проникнутыми религиозным содержанием. Иногда я читал их друзьям. Слушали охотно и внимательно. Не помню никого, кто бы относился к ним скептически, хотя большинство моих слушателей были комсомольцы и даже партийные люди. Это был фронт. Это была война. Тогда никому в голову не приходило доносить на тех, кто верил в Бога. Где-то одна за другой открывались церкви.

Тогда никто мне не говорил, что стихи о Боге — мистика и уродство. Такое я слышу теперь в Америке, где тихо и богато живут наши земляки, забыв о Боге, о том, что они пережили.

Моя жизнь, однако, продолжала хромать на оба колена. В тихие минуты, когда одолевала бессонница, я прислушивался к голосу совести, старался вникать в себя, в свои недавние поступки. Вот только вчера зашел в одному комбату, а он как раз обедал и мне подал чашку разведенного водой спирта. И у меня не хватило сил отказаться. И опять был пьяным...

В моей душе я всегда различал две противоборствующие силы, два духа, два Николая. Один говорил: «Делай, чего там... Подумаешь?.. Это же война, после войны будешь жить свято. А потом это же ведь хорошо, весело, приятно...» А другой напоминал об обещаниях Богу, стыдил меня, жаловался на несправедливость, на мою негодность, упрекал меня, журил...

Печально, что победу надо мной одерживал дух с

плохой славой, мой «черный гость». Он так умело ублаживал меня, что мне ничего не оставалось, как дать ему руку и делать то, что велел он. Я был его рабом.

19 августа 1942 года, на рассвете, когда едва зарумянился восток, я сидел в полевом охранении одной роты и ожидал возвращения нашей разведки. Внезапное нападение немцев решило мою судьбу. После небольшой перестрелки мы оказались окруженными немцами. Я попал в плен.

Но на этом война для меня не окончилась. Немецкий плен был для меня таким же полем боя, как и на фронте, с той лишь разницей, что на фронте боюлись за родину, в плену — за жизнь, за котелок баланды.

Заявление Сталина, что у него «нет пленных, а только предатели», заронило в сердца пленных, в том числе и в мое, кровную обиду.

Но об этом писали и пишут другие.

ЭТО НАЗЫВАЛОСЬ ЖИЗНЬЮ

«Как мало прожито,
Как много пережито!»
Надсон.

БЫЛА дождливая холодная осень. Небо, словно больное простудой, несколько дней подряд дождило изморозью. Оно заволакивалось сплошными темно-серыми тучами и они, как ленивые медведи, медленно плыли с запада на восток.

Нам, пленным александровского лагеря лучшим временем дня был вечер, когда мы кончали дорожные работы и возвращались в деревянные, прижатые к земле бараки, окруженные колючей проволокой. Конвоиры толкали нас прикладами и поминутно орали:

— Лос!.. Лос!..

В бараках, на нарах люди ворочались, как черви, иные толпились у нагретой до красна бочки, грели воду, обжигались и круто сквернословили. У дверей всю ночь горела коптилка. Тяжелый спертый воздух, дым и гарь лезли в горло, болела голова.

Ровно в 8 часов вечера полицей трижды ударял в кусок рельса, часовой у пулемета поднимал на голову капюшон, в лагере прекращалось движение.

Пулемет черным глазом ствола смотрел на бараки, похожие на гробы. По нарушителям приказа ночью стреляли без предупреждения. Часовые, как мокрые куры, втягивали головы в плечи и расхаживали на крытых площадках.

Мир для нас не существовал. Была война, грозная, суровая бойня. Был беспощадный начальник лагеря Густав Компасс, рыжий немец с редкими, торчащими, как у кота, усами. Были молчаливые, всегда недовольные вахманы. Была жестяная банка для су-

па. Она висела на нарах у изголовья, вместе с серой тряпницей, куском портянки — слабым подобием полотенца.

В день вечера в барак заходил патруль. Он тщательно осматривал нары, считал людей, грязно ругался и гасил нашу печку. Это был рижский парень. Он знал русский язык, но нам говорил только по-немец — Нихт шпрехен!.. — подавал он команду и тут же уходил из барака.

В шесть часов утра его зычный голос вещал подъем:

— Ауфштейн!...

— Ауфштейн! — как эхо раздавалось во всех концах лагеря.

Это слово касалось моего сердца, как острый нож. Люди вскакивали с нар, бежали, спотыкаясь к кухне, на ходу протирая глаза, спешили занять очередь за чаем и супом, чтобы успеть получить добавок.

Из-за добавочной ложки мутно-жидкого супа, называемого «баландой», постоянно возникала борьба. К этому времени, как тень, появлялся оберполицей Мотт, пожилой польский немец с бесцветным лицом и мамаленькими, но быстрыми глазами. Он ходил по-петушиному гордо, подняв голову, а за ним, как маленькая шавка бегал его постоянный спутник — переводчик Шток, низенький, обезьянообразный паренек из Бессарабии.

Побежденные голодом люди забывали об элементарных принципах этики, беспощадно ругались, сквернословили, сильные обижали слабых.

Как-то я вышел после работы во двор. По лагерьной дорожке брели два пленных, поддерживая один другого. Но вдруг оба, как коршуны за добычей, бросились на землю. Один из них схватил окурки, брошенные охранником для потехи. Второй взмахнул рукой и ударил друга по голове:

— Шакал! — с обидой произнес он. — За тобой

никогда не успеешь...

Счастливый находкой друг ничего не ответил. Бережно охраняя окурок от покушения, он свернул в сторону и, воровски оглядываясь по сторонам, начал лихорадочно затягиваться.

Не один раз и я отдавал половину пайка черного, с опилками хлеба, за одну две затяжки синего табачного дыма.

Однажды мне пришлось видеть, как пленный пытался зарезать соседа только за то, что он украдкой облизал его котелок.

После завтрака (это же был и обед) подсчитывали сколько трудоспособных, сколько «филонит», сколько «завернулось». Полицаи бегали из барака в барак, проверяли нары, выгоняли в строй больных.

— Ты что развалился? Баланды обфелся, что ли? Не слышишь команды?

Но лежавший на нарах действительно команды не слышал, потому что он еще с вечера ушел в иной мир, где нет войн, нет лагерей, нет пленных, где все свободны.

Перед строем пленных оберполицай Мотт давал волю своему деспотизму. Нарушение лагерной дисциплины одним пленным несло за собой наказание для всех. Виновник попадал потом в немилость всего лагеря.

Однажды с лагерной кухни кто-то утащил несколько кочанов капусты. Взволнованный Мотт бегал перед строем с налитыми кровью глазами и орал:

— Кто утащил капусту? Выйди вперед!

Все стояли опустив головы, не двигаясь с места.

— Молчите?.. Ищите капусту по всему лагерю! Даю пять минут!..

Все разбежались в стороны. Люди знали, что Мотт не умеет шутить. Молодой парень как-то замедлил. Мотт ударил его кулаком в лицо. Тот, закрывая рука

ми голову, упал на землю. Другой полицей добил его сапогом.

— Становись!..

Началось нечто ужасное, особенно для больных — десятиминутная гимнастика. Обессиленные люди, едва двигавшие ногами, исполняли команду:

— Раз, два, три! Вдох — выдох!..

Мотт стоял в стороне, сложа руки на груди и ту по смотрел на все, что происходило во дворе лагеря. В его серых, бесцветных глазах застыло торжество победителя.

— Взять лопаты! — подал он команду и направился в лагерную канцелярию.

Приготовления к работе закончились в несколько минут. Нас строили по четыре, разбивали на группы по роду работы и отправляли на дорожные работы километрах в трех от лагеря.

До сих пор я не забыл эту дорогу, асфальт Варшавки, покрытый гололедицей, как алюминиевой коркой. От Рославля до линии фронта непрерывно снова ли машины, ревели грузовики, на прицепах грохотали пушки. На жерла стволов были надеты брезентовые колпаки. Солдаты кутались в маскировочные палатки, сидели в кузовах машин, сосали трубки. Треща и дымясь проносились мотоциклы. А по сторонам дороги, на болотистой почве чахли березовые рощицы, на пригорках рыжел мох, пестрели пеньки, обколотые для костров.

Дальше к горизонту виднелись лоскуты черной озимой пашни, неуклюжие силуэты труб — остатки сожженных деревьев.

На пути к работе, бывало, некоторые падали. Слабых подгоняли палками, а безнадежных пристреливали с дороги в канаву.

Там мы плакали и молились Богу, призывали Его в свидетели человеческой жестокости. Конвоиры были для нас большой загадкой: трудно было пове—

рять, что этих людей родила мать.

Мы были плохо одеты, на ногах — ботинки с деревянной подошвой и только у новичков все еще держались солдатские сапоги.

Все попытки местного населения облегчить нашу судьбу, помочь нам строго наказывались. Люди это знали и всячески нас сторонились. Во всем сказывалась политика фюрера уничтожение пленных, истребление нации.

Так немцы делали своих врагов, отважных, непримиримых партизан, отряды которых в то время составлялись большей частью из бежавших из лагерей пленных.

Голод и наступающая зима действовали угрожающе. Смерть каждый день косила наши ряды, но они же почти каждый день, как обычное правило, пополнялись за счет новичков. Специальная команда санитаров из полицаев каждое утро проверяла нары. Умерших хоронили за бараками.

Однажды сосед по нарам вошел в барак и начал рассказывать с обыкновенным лагерным безразличием:

— Я, значит, иду по нужде, смотрю, а они несут грузина... Помнишь, что песню о Сталине пел? Комик такой... Несут его к черным воротам, в общую яму, а он стонет и тихо просит: «Братцы, что же вы делаете?.. Я же еще живой»...

«А кто лучше знает — ты или доктор? — ответили «санитары» со смешком. И унесли, гады»...

Этот рассказ взволновал многих, но жаловаться было некому.

Мы знали, что в яму часто относили полуживых людей, если на них была обувь или крепкая одежда. Обувь и одежда становились достоянием могильщиков.

Другой сосед из «догорающих» слушал этот рассказ и на его желтом, как воск, лице плавало подобие улыбки. Потом он начал:

— Так оно и есть. Помните у Крылова про стари

ка и смерть? Правдиво сказано. Умирать никто не хочет. Ты умри сегодня, а я завтра...

Мы прислушивались к жалобам соседа, а он почти шепотом рассказывал:

— Бедный старик вот так, как я обессилел. В лесу это было. Собрал он вязанку дров, а поднять не может. Жизнь утомила. Что делать? Он и говорит:

«Эх, кабы и смерть пришла...» А она, смерть—то, не за горами. Повернул голову, а она рядом, за плечами... Старик, увидев смерть, говорит ей: «Нет, я звал тебя не во гнев, а чтобы помогала мне поднять вязанку...»

В глубоких глазах соседа таяли слезы и это без слов говорило о его неугасимой жажде жить, увидеть весну, солнце, свободу, родной край, жену, детей.

Кто—то спросил:

— А что, огонек, умирать—то страшно?

— Не то, что страшно, а вот боюсь, что будет после смерти?..

Он замолк и больше нам не сказал ни слова. Говорить ему было тяжело. Дотянул он как раз до Рождества. О его смерти мы не говорили два дня, что бы получить на него пайку черного мерзлого хлеба.

Прошла морозная зима. Прошли весна и лето 1943 года. Немного нас выжило из тех, кого водили немцы ремонтировать «Варшавку». Война продолжалась, но жизнь пленных несколько улучшилась. Это улучшение приписывалось влиянию генерала А. Власова. Его «Открытое письмо» ходило у нас по рукам. Пленные относились к нему по-разному: некоторые называли его предателем, другие, не скрывая, говорили:

— Наконец-то нашелся добрый человек! Может немцев образумит...

Иногда у нас возникали горячие споры, но каждый раз побеждали сторонники Власова.

Наш лагерь незаметно превращался в рабочие роты.

Немцы отступали.

По узкой проселочной дороге тихо, почти бесшумно двигались колонны немецких батальонов. Хмурые солдаты изредка переговаривались между собой. Ночью дрожали в Десне отражения звезд, полусонно вздыхала раненая земля, пустые и мертвые поля наводили на душу тяжелые мысли.

Немцы вели нас с собой, как даровую рабочую силу. Они хорошо знали, что мы их ненавидим и они не раз, бывало, в присутствии нас проклинали войну, ругали свое начальство и делили с нами свои сигареты.

Почти каждую ночь нас заставляли рыть окопы, но советская армия наступала так быстро, что этими окопами немцам почти никогда не приходилось пользоваться. Иногда, не дав закончить начатого дела, нас перегоняли дальше на запад.

В одну из таких ночей мне нездоровилось. Друзья помогали мне выкопать окопную норму.

— Крепись, парень, крепись, — говорил мне Алексей Алексеич Ложкин, бывший командир роты. Он скрыл от немцев свое звание и чудом выбрался из штрафного лагеря. Это был коренастый, широкоплечий здоровяк с зоркими глазами, ловок и вынослив.

Бывало Ложкин присядет на корточки у костра и начнет философствовать:

— Жизнь, что медяк: с одной стороны орел, а повернешь — решка. Был капитан Ложкин, а теперь блошкин, а придет время — опять буду Алексей Алексеевич.

В ту ночь, выбрасывая землю из моего окопа, он тихо мне говорил:

— Нам бы только выбраться за Десну, а там и махнуть можно. Только не к своим. К своим попадешь, в регулярную, гляди, хуже будет. Я это уже знаю, старый воробей. Допросами изведут. А потом и шлепнуть могут. На то она война. Разбираться некогда.

Когда проходили патрули — надзиратели, я напрягал последние силы и бросал землю чаще и сноровистей. Грунт был твердый, лопата глухо звенела и отскакивала.

После полуночи, когда темнота становилась особенно густой, над нами появлялись самолеты. Таков был распорядок каждой ночи.

— Ребята, опять начинается, — шептались по рядам.

— За ударную работу нам «Отец народов» гостинцы прислал. Вот уж, батюшка, заботится...

— Да, видно, нас он сегодня премирует.

Вспыхивали ослепительно яркие ракеты, рассыпались веером и, угасая, медленно падали на землю. В такие минуты Ложкин ложился первым на дно окопа и лежал не двигаясь до тех пор, пока кружились самолеты.

Как-то мы его спросили:

— Ты что же, Алексеич, на головы лезешь? Смерти боишься?

— Ха, смерти боишься! Чего ее бояться? Смерти я не боюсь, но хочу узнать, кто войну выиграет: Сталин или Гитлер?

— Да разве ты не видишь, что Гитлер уже погорел?

— Нет, не вижу. О неизвестном ничего известного сказать нельзя. Если американцы не откроют второй фронт, то немцы еще нажмут...

Низко, чуть ли не цепляясь за деревья, самолеты шарили над шоссе. Мы рассматривали их черные движущиеся силуэты в небе и было до боли жалко,

что над нами так близко не враги, а наши родные братья и они, подобно нам, желают одного — конца войны, мирной, счастливой жизни.

Над дорогой раздавались глухие взрывы. На шоссе слышалось замешательство, доносилось ржание лошадей, властные окрики офицеров.

Появление самолетов было для меня всегда желанным. Мне хотелось лежать в окопах до утра, лежать на пахучей холодной земле, как в могиле, только бы не брать снова лопату в мозолистые руки, не долбить сухую, непокорную землю.

— Ну, что летаешь? Садись-ка здесь на поле, поговорим по душам, — шутил Петя Купцов, весельчак с быстрыми глазами, бывший шофер такси, умело очищавший карманы пьяных пассажиров.

Когда мы его осуждали за эти грязные дела, он обычно оправдывался:

— Да я же «распрягал» только партийных...

— А почему ты знаешь, кто партийный, а кто нет? На носу не написано, — спрашивали его.

— У них, партийных, всегда денюга водилась. А у нашего брата-то что? Гулькин нос. Нет, своего брата я не трогал.

Самолеты, закончив свое дело, улетали на восток. Словно из под земли выскакивал высокий сухой ефрейтор и подавал команду:

— Штейт ауф! Бери лопату!..

И мы опять принимались за работу до рассвета.

Однажды нас привели в опустевшую деревушку. Догорало несколько изб. Жители, боясь приближения фронта, бежали в леса. По улице растерянно бегали солдаты. Нас покормили остатками солдатского супа, разбавленного водой. Так всегда повара выходили из положения, когда не хватало супа. Потом нас загнали во двор школы.

С несколькими друзьями я зашел в школьную

пристройку. Опустевшая комната еще хранила в себе теплый жилой запах. Рыжая кошка дико металась по скамейкам, вглядываясь в наши лица синими глазами. На полу лежали книги, никому ненужное тряпье, порывшиеся ученические тетради.

Петя Купцов рыскал по углам в поисках съедобного, Ложкин и двое других исследовали печь и нашли там горшок вчерашних щей, а меня сразу захватили книги. Просматривая книги, я нашел старый порывшийся томик в коленкоровом переплете с надписью на первой странице:

НОВЫЙ ЗАВЕТ ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА.

Внизу страницы было обозначено: «Британское Библейское Общество», 1931 г.

Как мог попасть Новый Завет в Россию, изданный в 1931 году за границей? Остается загадкой.

Это была первая моя встреча со Словом Божиим. Я прихватил этот томик с собой.

Нас поспешно перегнали к реке для ремонта

поврежденного моста, но как только мы закончили работу, из темного неба вынырнули 2 самолета. Едва успели мы разбежаться, как раздались два оглушительных взрыва. От моста осталось только воспоминание. В наших рядах недосчитали 3-х человек, в том числе и Ложкина.

Евангелие я читал каждый день. Друзья часто на привалах отзывали меня в сторону и говорили:

— Прочти нам что-нибудь из Евангелия.

Когда я читал, они снимали шапки и молчаливо слушали:

— «Я есть Путь, Истина и Жизнь». «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные и Я успокою вас».

— Вот такого нам вождя надо, чтобы он был правдивым, честным, как Христос. За такого и умереть не жалко, — вносили друзья комментарии.

Много вопросов возникало в моей голове и найти на них ответ было не легко. Иногда думал: почему Христос, будучи Сыном Божиим, дал Себя добровольно распять? Ведь человек от этого не стал лучше?

Я берег это Евангелие, как великое сокровище и потерял его в день «Платлингской репатриации». Оно ушло с моими вещами в СССР.

В ЯНВАРЕ 1943 ГОДА...

КТО из жителей средней России не любил январского утра? С каждой минутой светлеет темно-голубое

неба, восток озаряется румянцем, чистое поле искрится серебром. Сухой воздух насыщен морозом, иногда перехватывает дыхание, но это все не пугает. Вы сидите в санях-розвальнях на сухом душистом сене в полушубке, пахнущем овчиной, в валенках и теплых рукавицах. Лошадь бежит охотно по укатанной дороге, вас слегка заносит на ухабах, поют полозя, поскрипывают туго натянутые гужи хомута, позвонивают оглобли, а в это время из-за леса величественно поднимается красное, как пурпур, солнце. Тишина утра наполняет ваше сердце невыразимой радостью и вам хочется петь о бескрайних просторах родины, о людях, любящих жизнь и свободу, о забытой тройке.

Так думал я ранним январским утром 1943 года в строю рабочей роты на пути из поселка Красный Луч в деревню Бучино, на Смоленщине.

Рабочая рота была составлена немцами из военнопленных, из тех, кто попал в плен совсем недавно, в ком еще не только теплилась жизнь, но кто мог орудовать лопатой, очищать дороги от снежных заносов, строить мосты, рыть окопы.

Немцы отступали. Ранним утром отчетливо слышны были разрывы снарядов. Била дальнобойная артиллерия. Советские дивизии шли в наступление.

От романтики зимнего январского утра остались те же поля, тот же снег и то же солнце, но не было ни полушубка, ни валенок, ни теплых рукавиц, не было саней — розвальней. Нас вели по равнине, занесенной снегом, умышленно минуя большие леса, где подстерегали немцев партизаны.

Рота жила сегодняшним днем. «День прожил и слава Богу» — говорили перед сном. Не знаю, верили кто из нас в победу немцев, но и в победу Сталина — тоже не верили. Всех нас объединяло одно желание — выжить до весны, а весна «свое покажет».

Холодный восточный ветер валил нас с ног, заби-

вал дороги поземкой. Колючая снежная пыль набивалась за воротник, мороз хватал за уши, за щеки, за нос. От усталости стягивало ноги и клонило ко сну.

Первую остановку нам дали в поселке с десятком занесенных снегом изб. Стояли они пригорюнившись у обрыва и маленькими промерзшими окошками сиротливо глядели в мир. У разрушенного сарая толпились серые, полусогбенные люди. Это немцы искали затишья. Наши конвоиры поочередно ходили в избы греться, а нам разрешили разложить костер.

Близился полдень. Серое снежное небо светлело, ветер гнал тучи быстрее, казалось, они стали легче и воздушнее. Изредка проглядывало солнце. Костер долго трещал и дымился, таял снег. Но вскоре, поглощая дым, разгорелся хворост, огонь охватил смолистые жерди. Из-за места у костра возникали споры и нам пришлось установить очередь для обогрева. В воздухе висели бранные слова: ругали Сталина, Гитлера, все на свете.

— В лес бы податься — говорил мне над ухом высокий, неуклюжий охотник-сибиряк Ильинский.

Я полюбил Ильинского и привязался к нему, как к отцу. И он не скрывал от меня своих планов. В начале войны он каким-то образом попал в Москву, отсюда в ополчение. Вскоре оказался в плену, а затем в рабочей роте. Он был наичестнейший из всей нашей братии. Только ему мы доверяли самое ответственное дело, от которого зависела наша жизнь — делить паек: булку черного с опилками хлеба на 6-7 человек. И он это делал безукоризненно точно, как никто другой.

Я не ответил на вопрос Ильинского и он продолжал:

— Мне-то нипочем, до весны вытяну, а вот ты, молодчик, загнешься...

В разговор вступил Паша Кудинов, стройный, молодцеватый парень, бывший беспризорник. Это был не утомленный рассказчик, отчаянный картежник и талап-

тливый музыкант. Его маленькая голова под расплывшейся, как гриб, пилоткой пряталась от холода в плечи, слегка рыжеватое лицо его на морозе краснело:

— Правда, братва, не жизнь, а жестянка... В тюрьме было лучше: бывало «сидор» получишь и плюй в потолок, а тут вкалывай день и ночь. И, главное, для кого?..

— Терпи, казак, атаманом будешь, — отозвался бывший танкист, Антон Шпак, находчивый и смелый парень с рассеченной щекой. Он хорошо говорил по-немецки, но скрывал это от других и мы знали, что не сегодня — завтра, при первом случае, Антон от нас уйдет. Он, пожалуй, один из всех нас был настроен просоветски. В тряпках, которыми обматывал ноги, он прятал орден Красного Знамени. Антона мы побаивались.

— Им, думаешь, хорошо? — продолжал далее Ильинский, указывая глазами на сгорбившегося конвоира. Он стоял в стороне в зимней шинели с капюшоном и усердно сосал трубку. — Смотри, как он съезжился?..

Паша Кудинов тем временем усердно хлопотал у костра, прикрывая жаром несколько картошек и тут же про себя напевал известную песенку:

Жди меня и я вернусь,
Только очень жди...
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара.
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.

Он закончил песню и моргнул мне глазом:

— А теперь подзакусим, подзарядимся...

В это время у костра появился фельдфебель Балай, немец из Польши. Он был вершителем наших судеб, гроза роты, бесконтрольный начальник, имевший право судить и миловать на месте.

— Это что такое? Кто делал огонь? — крикнул он, толкнув ногой Кудинова. Суковатая палка Балая ударила его по спине. Он упал на колени, но сразу же поднялся во весь рост и прямо в упор смотрел в раскосые глаза Балая.

— Строиться! Становись по четыре! — командовал Балай, переходя на немецкий язык.

— Бегом, марш!

— Ложись!

— Встать! Бегом, марш!

Балай долго гонял нас по глубокому снегу. Усталым хриплым голосом он подавал одну команду за другой, а потом подошел к костру и разбросал горящие головешки.

К вечеру нас привели в деревню Бучино и разместили на ночлег на краю села в нескольких избах.

Хозяйка встретила нас приветливо, как родных сыновей:

— Соколики родимые, присаживайтесь кто где может. Хатенка у меня малая, да теплая. Обогрейтесь, сердешные...

Видно, не впервые за время войны ее избу наполняли русские солдаты и в каждом она видела близкого и родного.

— Чем же вас угостить? — спрашивала она себя, суетясь в избе. — Чайку, что ли нагреть?

— Не откажемся. Грейте чай, мамаша, — распорядился Ильинский, которого мы звали старостой. Он сам был не моложе нашей хозяйки.

Было уже темно, когда немец-ефрейтор принес нам скудный паек. Он переписал наши имена и напомнил, что завтра, на рассвете, мы должны быть готовы к работе.

Когда немец ушел, наша хозяйка, Елена Петровна, начала:

— Нехристи они, окаянные. Обещали дать свобо-

ду, а хозяйничают над нами, как хотят...

— Повременить надо, — утешал хозяйку староста. Он пил третью кружку чаю, пот крупными каплями собирался на его высоком, чистом лбу. Возвращаясь к той же теме заметил:

— Добьемся мы освобождения своею собственной рукой... От Гитлера добра не ждем.

Этим временем Кудинов настраивал мандалину. Он носил ее в дорожном мешке, отпустив струны, и каждый раз, при первом случае, ее настраивал и подавал команду:

— Отставить, господа-товарищи! Пусть Молотов занимается политикой, а ~~мы~~ начнем нашу программу. Первым номером даю попури на мотивы braveго солдата Швейки.

— Верно, это будет лучше. Надо отвести душу — раздавались голоса.

Кудинов играл на мандолине превосходно. Мы не раз принимались ему в полголоса подпевать, а хозяйка сморкалась в углу, выплакивая свое горе.

Вспоминая об этом, я думаю: откуда у нас, голодных, утомленных, бесправных, обиженных судьбой людей брались эти песни? Трудно жить русской душе без песни. Мы не знали песен о радостях жизни, о немеркнущем счастье, о надежде на доброе будущее. Наши песни наполнялись безысходной грустью:

Вдоль по улице метелица метет,
А меня тоска-кручинушка гнетет.
Может завтра на дороге где-нибудь
Пуля вражья продырявит мою грудь.

Усевшись на хозяйском ящике, поближе к печке, Кудинов встряхивал давно нестриженным чубом и старательно выводил новую мелодию, а ему подпевали все, включая узбека Салимова. Над столом едва мерцала лампадка. Страшные тени двигались по серым пропотевшим стенам.

После песни Кудинов еще раз подстроил мандали-

ну и перешел на плясовую. На середину избы вышел Антон Шпак. Было до слез смешно и жалко смотреть на его разбитые до абсолютной негодности ботинки, стянутые веревкой, на его широкие не по росту маскировочные брюки — остатки формы танкиста. Он забавно приседал, пробовал отбивать чечетку, но вскоре камнем опустился на скамейку.

--- Уходил, парень!

— Кишка коротка! — раздавались голоса из разных углов избы.

— На баланде не уйдешь, — оправдывался Шпак. — Вот дай булку хлеба, да кусок сала, тогда посмотришь, сколько я сделаю оборотов.

Веселая атмосфера наполняла избу. Казалось, ее стены раздвинулись шире и лампочка начала мигать веселее и ярче.

— Предоставляется слово нашему заслуженному поэту, — объявил Кудинов и несколько раз хлопнул в ладони. Это относилось ко мне.

Я тогда писал много стихов. Это были слабенькие стихи, но их все любили, потому что я не отходил от близкой всем темы: о нашей безрадостной жизни, о наших переживаниях.

Зима проходит, как бывало,

Мороз с метелями не спорит.
Моих друзей уже не стало,
Да и меня не станет скоро.

Друзья говорили:

— Ты пиши, ничего не пропускай. Только правду пиши. После войны будем читать твою книгу.

Я любил также читать стихи Есенина, Гумилева, Клюева. На этот раз припомнились мне стихи Ильи Садофьева:

«Не смотрю на жизнь я с подоконника,
Не таюсь в потемках воровских.
У ворот пиликает гармоника,
Задавиться впору от тоски.
Я и сам ночным носился кречетом
И шарахал свистом стариков...».

В этот момент порывисто открылась дверь. Размахивая пистолетом, в избу вошел Балай. Он был пьян. Его покрасневшие глаза смотрели на нас с през-

рением и решимостью.

— Штильгештанден! — гаркнул он во весь голос и сделал шаг ко мне.

— Партизан! Я знаю все! Вот когда ты мне попался!..

Все замерли в ожидании, что будет дальше. Казалось было слышно, как стучали наши сердца. За окном ветер постучал ставнями и умолк.

Балай прищурил глаз и направил на меня тяжелый бельгийский пистолет.

Сознание, что в эту минуту, на этом месте, в этой глухой деревне, занесенной снегами кончается моя жизнь так бессмысленно и так рано, наполнило мое сердце болью, глаза застилала муть, качалась изба, качались люди, мигающая лампа и Балай с направленным на меня пистолетом.

И здесь я снова всей душой взмолился к Всевышнему: Боже, я погибаю безвозвратно. Спаси и помилуй меня, грешника...

Балай выстрелил.

В моих глазах вспыхнул огонь и так в них остановился. Едким пороховым дымом ударило в горло. Я напрягал усилие, чтобы понять куда мне попала пуля, но как ни было странно, я нигде не ощущал боли.

Только сердце, словно придавленное тяжелым камнем, отзывалось тупой болью, что-то мешало дышать.

Первой вскрикнула хозяйка и застонала.

Балай попрежнему стоял передо мною и синий полог дыма тихо колыхался над его головой. Черное дымящееся дуло пистолета все еще смотрело на меня угрожающе.

— Партизан! Думал, мы ничего о тебе не знаем? — орал Балай.

Но в это время произошло нечто особенное.

Антон, стоявший в нескольких шагах от Балая, вдруг кинулся на него коршуном, схватил его за руку.

Один за другим раздались еще два выстрела. Изаба застигалась дымом, на потолке горели обои.

— Ишь ты, герой! — приговаривал Антон, скручивая Балаю руки. — Мы тебя тут разделаем...

Я стоял все в том же положении, не находя сил сдвинуться с места. Хозяйка стонала громче и чаще. Балая сбили с ног, ремнем скрутили ему руки. Наконец я нашел силы и подошел к хозяйке. Она истекала кровью и тихо, сквозь стон молилась:

— Прибери меня, грешную, Господи...

Она открыла глаза и увидела меня, перевязывающим ее руку..

— Слава Тебе, Господи, сохранил Ты ему жизнь...

Пуля прошла ей через предплечье, повредив кость.

Кто-то убежал в комендатуру. А Балай лежал связанным, бился головой о пол и неистово кричал охрипшим пьяным голосом:

— Проклятые Иваны! Развязать, приказываю!..

Антон положил пистолет Балая на стол и спокойно сказал:

— Что будет, то будет, а работа чистая...

Вскоре избу окружила жандармерия. До утра мы были под арестом. Немцы развязали Балая и посадили его в сани. Через несколько минут два санитары увезли Елену Петровну.

— Я рада, — сказала она дрожа, — что так кончилось. Бог мою молитву услышал. Я за тебя, соколик, молилась. Молодой ты. А мне все равно. Смерти я не боюсь, там лучше будет...

Всю ночь я не спал. Думал, как дорога жизнь человека и как дешевой делают ее люди. Заглянув свои-

ми очами в лицо смерти, я увидел, что умереть не готов, что я не могу сказать, как сказала Елена Петровна:

— Смерти я не боюсь. Там лучше будет...

Внутреннее чутье мне подсказывало, что это «там» — не миф, а реальность и смерть — это не просто уничтожение. Иначе, чего было бы ее бояться?

Утром, после короткого допроса в комендатуре, меня, Антона Шпака и Пашу Кудинова отправили в штрафной лагерь. Прощаясь с нами, Ильинский обнял меня по отцовски, прослезился и сказал над ухом:

— Сынок, держись Кудинова. С ним не пропадешь.

Мое сердце говорило мне другое: держись Бога, с Ним не пропадешь...

И это была правда.

ПУТИ — ДОРОГИ

«Эх, дороги...
Пыль, да туман,
Холода, тревоги,
Да степной бурьян.
Знать не можешь
Доли своей:
Может крылья сложишь
Посреди степей»
(Из фронтовой песни)

Немало во время войны довелось мне ходить по дорогам России. Ходил в строю действующей советской армии, ходил в колоннах военнопленных, ходил с лопатой в руках в рабочем батальоне. Но с тех пор, когда в душу мою запала вера в Бога, вера менее горчичного зерна, вера слабая, часто отвлеченная, я помнил, что надо мною невидимое Божье око, Его святой покров.

Когда в моей дорожной сумке оказалось Евангелие, я читал его неизменно каждый день, делился мыслями с близкими друзьями, иногда спорил, сомневался, искал.

На дорогах, где холода, тревоги, да степной бурьян, тогда не пелась веселая, бесшабашная песня. Не

до веселых песен тогда было, а скорее до слез.

Долгое время постоянным моим спутником был инженер-конструктор Н., человек лет пятидесяти, с черной козлиной бородкой и большими, умными глазами, тихий, скромный, почти незаметный среди пестрой братии пленных. Останавливаясь на ночлег, мы искали тихий уголок, чтобы поговорить о Боге, о спасении души, о религии вообще. Говорили также и о войне, назначали сроки ее окончания, но никогда не говорили о наших буднях. Не любил этого инженер.

-- Положись, друг, на Бога, -- наставлял он меня по-отечески. -- Он знает, как тебя спасти, как вывести на свободу.

Инженер был человек глубоковерующий, искренний и честный и меня всегда удивляло, как он мог со своим мировоззрением работать в Москве, на крупных заводах и правительственных стройках.

Мои материалистические взгляды на жизнь рушились с каждым днем. Мне очень хотелось, чтобы идеал социалистического общества брал свои корни не у Маркса, а в учении Христа, в Его заповеди любви к Богу и ближнему. А это общество, мечтающее о построении коммунизма на началах равноправия, отвергает божественность Христа, преследует Его исповедников.

Я понял, что попытки советского правительства обосновать коллектив на взаимном понимании долга и сотрудничества людей наталкиваются и будут наталкиваться на подводные камни человеческой жадности, эгоизма и жестокости. Не с сердца, не с души ли надо начинать строить новое общество? Отвергая Бога, коммунизм показал свое абсолютное бессилие исправить испорченный характер человека, его греховную природу.

Евангельское учение привлекало меня своей простотой, неподражаемой мудростью, своей жизненностью, практической стороной. Это учение показывало мне самого, мою ничтожность и неспособность жить правильной жизнью без помощи Всевышнего. Я чувствовал, что для полноты разумной жизни во мне чего-то не хватало, тем более не хватает теперь, когда я в неволе, в плену у врага. И снова возникал вопрос: откуда ведет начало мир? Каково мое место

на земле? Зачем я должен жить и страдать? Не лучше ли покончить с собой, как это сделали некоторые?

В разрешении этих вопросов пришел мне на помощь инженер Н. Он знал мои трудности и не упускал случая, чтобы утешить меня, наставить, подсказать.

То, что я изучал за студенческим столом несколько лет, здесь на полях смоленщины и Белоруссии сама жизнь подвергла строгому пересмотру. Если материалисты предложили мне принять на веру учение о материи, что она не имеет ни начала, ни конца во времени и в пространстве, но всегда была, есть и будет, почему я, — думалось мне, — не могу, наконец, по примеру инженера Н. принять близко к сердцу учение о Боге, что Он вечен, не имеет ни начала ни конца, но был, есть и будет?

«Вначале была материя» — учили меня в школе. Но откуда взялась материя? — мне не дали ответа. А если не знаете, — размышлял я, — откуда взялась материя, если не можете мне это объяснить, я имею полное право признать Бога Творца, имею основание верить в Него.

Меня, далее, учили, что все произошло из уже существовавшей материи, вследствие воздействия на нее ей присущей энергии. Но что вызвало материю из инертного состояния, что дало ей первый толчок к движению? — мне не дали ответа.

Свет Евангелия обнаруживал пустоту моих материалистических взглядов на начало всего сущего. Если все натуралисты и дарвинисты признают, что все живое происходит только от живого, то как же мог появиться первый зародыш? Мне вспомнились журнальные статьи о живой клетке. Я их когда-то вырезывал, собирал, наклеивал, но они мне ничего не дали. Как известно, опыты по созданию живой клетки до сих пор не дали положительных результатов.

Наконец, я задумался, как объяснить происхождение мысли? Если мысль — выделение мозга, как желчь — выделение печени, тогда мысль должна быть материей. В то же время, всем нам известно, что мысль, как и наше сознание — явление сугубо духовное.

Так с каждым днем, часто на глазах у смерти, я приобретал уверенность в бытии Бога, в бытии Твор-

на всего существующего.

Однако этой веры, этого признания Бога оказалось мало, очень мало для того, чтобы найти объяснение переживаемым тогда событиям. Даже инженер Н. со своим философским мышлением, часто пожимал плечами и, пряча от меня свои глаза, говорил как бы про себя:

— Не все нам постижимо. А это еще раз доказывает, что есть Вселенский Ум, есть мысль и цели выше нашего понятия.

Больше всего меня тревожили страдания невинных людей. Тревожили страдания детей. Как-то, холодной осенью, к концу пасмурного короткого дня я шел в деревню Говяжья Слобода (Брянская обл.), шел украдкой, по-заячьи, по-партизански пустынной, почти непроезжей дорогой. Сырой ветер, как бездомник рыскал по кустам, бежал мне навстречу, мешал идти. Неожиданно у дороги я заметил трех детей, пригорюнившихся под кустом у холмика свежей земли. Это была могила их матери. Ее убили немцы за связь с партизанами. Старшей девочке было не более семи лет. Лица детей посинели от холода. Как испуганные зайчата они прижимались один к другому и рассеянно смотрели на меня.

Я спросил у старшей, стараясь быть ласковым:

— Детки, что случилось? Почему вы здесь сидите? Идите домой...

— У нас нет дома, — тихо, едва слышно, проговорила девочка и начала всхлипывать. Ее плечики вздергивались, дрожали руки. Двое младших детей выглядели настолько ослабевшими, что уже не могли плакать.

— Немцы взорвали нашу землянку, — испуганно прошептала девочка.

— Где же ваша мама? — спросил я.

— Застрелили... — проговорила средняя и указала мне рукой на холмик земли.

— Вставайте, я отведу вас в деревню, — настаивал я. Ведь в Слободе теперь немцев нет.

Дети молчали.

— Что же вы будете делать?

— Мы умрем здесь вместе с мамой... — ответила старшая сквозь крупные слезы.

Вид этих детей настолько тронул мое сердце, что я не мог удержаться, чтобы не возвысить голос:

— Боже, за что же эти дети должны страдать?!

Старшая девочка, очевидно чувствуя ответственность за младших сестер, еще громче расплакалась и начала просить:

— Дядя, не оставляй нас. Мы пойдем с тобой...

Они не знали, что дядя тоже не имел где преклонить голову.

Этот случай никак не укладывался в моем сознании рядом с верой в живого и справедливого Бога, каким мне открывало Его Евангелие.

Пусть уже страдают грешники — я понимаю — это по заслугам. Но дети, дети?...

Год спустя, во время отступления немцев, на окраине станции Чаусы (В Белоруссии) я встретил женщину. Она сидела на улице вблизи сожженного, все еще дымящегося домика. На руках у нее лежал мальчик лет пяти, умерший от ранения осколком. В руке прикрывшей ребенка, женщина держала измятую, окровавленную шапку мужа. Я не решался подойти к ней с вопросом. Все-равно, ничем не мог ей помочь. Горе женщины было так велико, что она сидела словно в иступлении и, не смыкая глаз, дико смотрела на окровавленную шапку своего мужа.

Люди подходили, на минуту останавливались и снова уходили. Невдалеке рвались снаряды дальнбой-

ной советской артиллерии, на полях горели копны только что убранной ржи, дым застилал улицы. Некоторые рассказывали:

— Ее мужа немцы застрелили. Говорят толкнул одного грабителя. А теперь вот жене одна шапка осталась, все немцы решили...

И невольно вставал тот же вопрос:

— Господи, за что?..

Вспоминаю бедную старушку, дочь которой зверски убили пьяные солдаты. Она стояла на коленях, подняв руки к небу и кричала в пустоту:

— Люди, люди, куда вы дели мое счастье? Где моя Наташа?..

Женщина сошла с ума.

А потом позднее, уже перед окончанием войны, на улице Берлина после ужасной бомбежки я вышел из бомбоубежища на Ангальтерштрассе и то, что я увидел, показалось мне адом. Горели разбитые дома и никто не пытался их гасить. Едкий, отравляющий дым захватывал дыхание. На столбах висели оборванные провода, лежали перевернутые трамваи, бежали люди. А во всей этой сумятице, на тротуаре трехлетняя девочка теребила маму:

— Мути, мути... — плакала она, — штейт ауф, мути!...

Из-под серой блузы матери сочилась алая кровь. Она была смертельно ранена.

— Господи, Боже, за что же страдают дети? В чем их вина? Как же мне верить в Твое милосердие, в Твою любовь к человеку?

Однажды перед моими глазами очередь из автомата, почти в упор, из-за угла был смертельно ранен мой приятель и земляк И. Орлов. Когда я к нему подбежал, чтобы оказать помощь, он своими руками судорожно засовывал кишки в живот и почти без сознания говорил:

— Ну, вот и все... Отвоевал. За что убили? — сам не знаю... И свои же, русские...

— Напиши дочери, что папа...

Договорить ему не пришлось. Он моментально потерял сознание.

И снова напрашивался один и тот же вопрос:

— Господи, за что все это?

С таким вопросом, огромным и многозначущим я ходил долго. Спрашивал, как об этом думают другие. Одни говорили: «Бог тут не причем, если люди сами это делают». Другие говорили: «Бог это допускает, чтобы люди выявили зло и, наконец, сами поняли, что без Него мир сам себя истребит». А некоторые недоверчиво качали головой: «Где там Бог» Если бы Он был, то давно бы спалил проклятую землю».

Мое Евангелие, которое я бережно хранил, как-то начинало терять свою привлекательность. Читал я его реже, часто к случаю и больше по просьбе соседей.

Позднее, когда мое изношенное, но памятное Евангелие ушло на родину (вместе с вещами репатриантов), я случайно приобрел Библию. Читал ее подряд с захватывающим интересом, хотя многое в ней было непонятно. Благо за колючей проволокой я имел много времени. Когда читал пророчество Исайи об Израиле, меня тронули Божьи слова:

«Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство?» (Ис. 1:25).

И здесь мелькнула у меня мысль: не может ли быть и сегодня так, что миллионны людей, считая себя христианами, упорствуют и не покоряются Богу? Бог, желая их пробудить и приблизить к Себе, допускает трудности, лишения, войны. Не может ли быть что за непослушание отцов, приходится страдать детям? Отцам стоит обо этом подумать.

Отец наказывает своих непослушных детей ради их же блага, ради вразумления, а может быть ради их же спасения. Наказывает потому, что их любит. О как часто непокорные дети остаются непокорными, несмотря на увещание и наказание отца? Не так ли бывает и с нами по отношению к Богу?

Только оказавшись в тяжелых обстоятельствах, пробудилась и моя душа, воззвала к Богу за помощью. А дай мне благоденствие, да хорошую жизнь, я и за сто лет о моем Создателе не вспомню. Такова наша греховная природа. Не случайно родилась и живет в народе поговорка: «Как тревога, так до Бога».

Как-то в американском журнале я прочел заметку о жизни проповедника Х. в Абиссинии. Однажды он молился так:

«Дорогой Иисус, пошли нам больше скорбей. Когда наша страна была оккупирована, а король был в изгнании, когда не имели для детей хлеба, Ты знаешь, Господи, как много людей приходило в подвал на молитву. Каждую ночь были желающие креститься во имя Твое. А теперь война прошла. Король наш вернулся. И церкви наши пусты, люди отвергают Твое Слово, Твою любовь... Господи, ради спасения многих душ, пошли нам больше скорбей...»

Не в этом ли есть ответ на мой вопрос: «За что, Господи?...»

Помню, что и мое чтение Евангелия не всегда было вызвано исканием истины, хлеба жизни. Я часто читал Евангелие для плоти, страха ради.

Великую истину сказал мне Господь через апостола Павла: «Никто не ищет Бога». И я не искал Его. Я искал то, что Бог дает: благополучие, счастье, удачу. Часто мое внимание останавливалось на 7-й гл. Послания Римлянам. В последней ее части я видел картину моих переживаний, как будто все сказано обо мне: «Не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти?»

Иногда я брал записную книжку и с твердым решением делал такую запись: «Сегодня, такого-то числа, я оставляю всякий известный мне грех и буду жить чистой жизнью, как учит Евангелие». Но уже через несколько дней, не находя в себе силы сопротивляться влечению греха, я с болью в сердце вырывал эту страницу. Тогда приходили мысли о нежизненности Евангелия, будто не я, а оно, Евангелие, виновато в моих неудачах. Приходили и сомнения: может быть Бог — это только пассивная сила, а человек — животное, продукт многовековой эволюции? Но становилось стыдно за себя, за нелепые мысли. Нет, я верил в Бога, в Его творческую силу, в Евангелие, а в то же самое время оставался погибшим грешником.

Впереди ожидали другие, более глубокие переживания, полное и абсолютное разочарование в самом себе, а за всем этим — новая жизнь во Христе Иисусе.

ЦЕРКОВЬ И ЛЮДИ

24 февраля 1946 года — памятный день русских невозвращенцев. В этот день возле небольшого баварского городка Платлинга разыгралась небывалая в истории трагедия. В этот день американское командование оккупационной армии в Гормании по приказу из Вашингтона, насильно выдало 550 бывших офицеров красной армии советскому правительству на расправу.

Об этом уже написано немало книг, очерков и воспоминаний. Уцелевшие будут помнить всю жизнь, как рано утром в бараки ворвались солдаты «Первой Христианской Дивизии» с красными крестами на рукавах. Пуская в ход дубинки, они молниеносно подняли весь лагерь на ноги и выгнали всех во двор. От солдат несло водочным перегаром, они неистово кричали, ругались и беспощадно били.

Нас построили в ряды под усиленным конвоем, полураздетых, с поднятыми руками. Происходил тщательный обыск. Искали, главным образом, бритвенные ножи, которыми люди могли вскрыть себе вены.

Холодный ветер пронизывал насквозь, мокрый снег падал мне за шею и ледяными каплями стекал по спине.

Кто были эти люди, в числе которых оказался и я?

Эти люди не были преступниками перед своим народом. Многие из них не сделали ни одного выстрела за всю войну, многие, как и я, были освобождены из нацистских лагерей. Под тяжестью невыносимой пленной жизни многие из этих людей изменили своему правительству и это было их «тягчайшее преступление».

В этот день исполнились мои тяжелые предчувствия. В этом событии я увидел суды Божьи, суды справедливые, заслуженные. Теперь мне ничего не оставалось делать, как снова обратиться к Богу с раскаянием, с молитвой, снова просить у Него защиты и милости, просить спасения. Я любил молитву Ефрема Сирина: «Господи, Владыко живота моего...» Но эта молитва не отражала нужд текущего момента и я молился молитвой мытаря: «Боже, будь милостив ко мне, грешному» или просто своими словами: Боже, сохрани меня от репатриации, спаси ради жены, которая остается одна, несчастной...

Проходили страшные минуты, отмеченные поэтом Кудашевым:

«Из вскрытого горла текущая кровь
Кричит безглагольной струей
И снятый с петли, возвращается вновь
К веревке, что манит петлею...»

К концу дня пришел ответ на мою молитву. В последнюю минуту, уже перед раскрытым вагоном совершилось чудо.

5 человек со вскрытыми венами и один — с перерезанным горлом были в последние минуты сняты с грузовика. Им нужна была скорая помощь.

Через несколько часов я лежал на больничной койке. Сердце переполнялось благодарностью к Всевышнему. Как все это произошло — тяжело вспомнить, но и забыть невозможно.

На другой день ко мне пришел католический монах. Он дал мне медальон с изображением Девы Марии, как «верный пропуск в Царство Небесное». Чуткий и внимательный к духовным нуждам монах исполнил мою просьбу и пригласил православного священника. У него я исповедался, принял и исполнил Таинство Причащения. Но все это принесло мне то-

лько временное облегчение. Внешне я как будто готов был встретить смерть, а в душе не имел ни мира, ни покоя, ни прощения «всем и вся».

Через 3 недели меня перевезли в огромный регенсбургский лагерь, оттуда чудом мне удалось убежать. Я оказался на свободе.

В первое же воскресенье я пошел в церковь, чтобы возблагодарить моего Избавителя. За последние гроши я купил несколько свечей и с благодарением поставил их перед святыми угодниками. С тех пор я стал ревностным и примерным прихожанином. Еще раз обещал Богу постоянно читать Библию, молиться и уходить от всякого зла. Но оставаясь верным этому обещанию, я вместе с тем оставался верен и моему «Злому гостю». Он владел моими желаниями, мыслями, чувствами и потому скоро, очень скоро я оказался на широкой дороге греховной жизни.

А это еще больше влекло меня к церкви, побуждало искать победу над грехом, победу над самим собой.

Я читал духовную литературу и старался придерживаться наставлений отцов православной церкви и русских подвижников благочестия:

«Раз два становитесь до обеда, раза два после обеда, всякий раз творя сто молитв Иисусовых с поклонами... Молитву Иисусову повторяйте 5-10 раз и более. А то 33 раза по числу лет пребывания Господа на земле. Или прямо возьми 24 молитовки Златоустовы. Когда язык навывкнет, оно все будет читаться само собой». (О молитве Иисусовой Святителя Феофана». Изд. Мюнхен, 1947, стр. 6-7).

Действительно, прав Святитель: язык мой приобрел навык и все читалось именно. как говорит Феофан «самой собой». Но что это давало моей больной душе, больному сердцу? Мне не трудно было разгадать, что бездушная форма заученных молитв, молитв чужих, не может соединить меня с Богом. После молитв, которые отходя ко сну, я усердно прочитывал на коленях в унынии и сомнении.

Только через два с половиной года Господь мне открыл, что не Богу нужны наши молитвы, а нам самим, только молитвы живые, искренние, сердечные. А такой молитвой может быть молитва не заученная, а из души исходящая. Я также увидел, что можно чи-

тать Евангелие ежедневно и все 24 молитвы Златоустовы и все еще оставаться во грехах, то-есть, погибшим человеком. Богу нужны не наши молитвы, а наше сердце, мы сами. А мое сердце все еще было для Бога закрыто.

Однажды, в великую, предпасхальную субботу, я поехал в церковь Святителя Николая с куличом и традиционным яичком для освящения. Весь день я провел в посте и это давало мне моральное подкрепление, настраивало на праздничный, духовный лад.

Небольшой зал церкви был переполнен людьми. В обычные службы пустая, на сей раз церковь небывало наполнялась народом. Люди толпились в коридоре, стояли на улице, прохаживались в саду. Я стоял у стены, перед образом Спасителя и слушал чудесное исполнение хором пасхальных песнопений. Чувство умиления наполняло сердце, захватывало всю душу, а пробужденная совесть осуждала меня за мою неблагодарность перед моим Богом, за мою постыдную и недостойную христианина жизнь. Тяжелый камень тоски и обреченности давил мою грудь, хотелось плакать.

Церковный хор, состоявший, главным образом, из профессиональных певцов, пел трогательно и умиленно, пел о торжестве Жизни над смертью, Правды над ложью. Через полуткрытую боковую дверь я видел всех поющих. На раскрашенных лицах женщин разливались улыбки. Во время ектении одни переговаривались, другие сдержанно смеялись. А когда священник произнес: «Твоя от Твоих, Тебе приносяще, о всех и за вся», пожилой регент привычно взмахнул палочкой и хор запел:

«Тебе поем, Тебе благословим...»

Но здесь случилась беда. Тенор оборвал свой голос и вывел фальшивую ноту. Нервное лицо регента нахмурилось, отображая ужас и злобу. Это вызвало смех непоющей партии, некоторые ехидно улыбались, перемаргивались.

По всему было видно, что поющие не переживали то, о чем пели их уста. Их трогательное пение звало к небу, к чистой и святой жизни, а сами они, как и я, жили во грехах, в русле земных интересов.

Я испугался, увидев в себе лживого религиозника, показного формалиста и хотелось плюнуть в свою

собственную душу, чтобы она не обманывала ни себя ни других людей.

Во время крестного хода вокруг храма все запели: «Воскресение Твое Христе Спасе...» А где же наше воскресение, где мое воскресение? — думал я. Долго ли мы, христиане, будем жить в этой гнилой атмосфере эмигрантской жизни, где кругом бесконечные сплетни, доносы, где идет бойкая торговля своей совестью?

В шествии вокруг храма рядом со мной был доктор В. Это был молодой, но религиозный человек, отстаивавший службы от начала до конца. Мы вместе, в одно время, переживали страшные дни войны.

Мы стали в длинную очередь, приложились ко кресту, а после доктор В. сказал:

— Ну, а теперь ко мне. Вместе разговеемся... Вспомним наши скитания...

Так как трамвайное движение еще не начиналось, я решил часок провести у доктора. Он жил в богатом немецком особняке. Там же жил и настоятель прихода, отец Х.

Мы поднялись на второй этаж. Стол был накрыт вероятно с вечера. На столе стояла бутылка водки. Традиционный завтрак начался освященным яичком и куличом, но здесь сразу же, доктор налил стаканы.

В коридоре кто-то мерно, взад и вперед расхаживал, как часовой. Доктор встал и закрыл дверь на крючок.

— Это отец Х. — пояснил он. У него, браток, обоняние ищейки. На рюмку, как муха на мед...

Жена доктора, гостеприимная и добродушная женщина, заметила:

— Вы знаете, вчера с вечера, перед службой, мой муж давал отцу Х. хороший совет: не пить до утра. Так вот, все-таки, не удержался. А теперь, слышите, ходит возле дверей, как на часах. Ждет приглашения.

— Но, но... никаких приглашений, — сказал доктор в полголоса.

— Как? — удивленно воскликнул я. Во рту у меня оставался непережеванным кусок ветчины. Разве отец Х. перед службой позволил себе выпивать? Разве он не постился?..

— Он постится, когда спит, — заметила жена доктора.

Доктор увидел, что об этом следовало бы молчать, но теперь было уже поздно. Он старался поправить ошибку жены:

— Отец Х. не придает этому особого значения. Он — человек верующий, но реалист. Я таких люблю. Выпить до церковной службы — это ведь сути не меняет.

— Значит, эти руки, которые я благоговейно целовал, прикладываясь ко кресту, недавно держали стакан с дьявольским лекарством, — сказал я и резким движением руки отодвинул от себя стакан.

— Нет, нет, друг, так дело не пойдет. Выпить-то выпьешь. Но вот что сначала послушай: я рос при церкви, все знают. Скажу правду, что большинству священников, служить в церкви, как бухгалтеру на щетах щелкать. Профессия, понимаешь? Волноваться тут нечего. Ведь каждый баран за свою ногу вешается. Каждый за себя перед Богом ответит. Ты ведь молился не священнику, а Богу? Что тебе до того, что священник перед службой малость клюнул? Может быть ему это для голоса положено?..

— Но ведь пьянство же грех? Кто этого не знает? — возражал я.

— Ну, а где написано? Разве в Кане Галилейской Христос не претворил воду в вино? — Первосортное...

На самом деле, на этот вопрос я не находил ответа.

— А потом, — продолжал доктор — ты подойди к этому вопросу с медицинской точки зрения. Я, как доктор, смею тебя заверить, что алкоголь — наилучшее дезинфицирующее средство. А наши желудки, время от времени нуждаются в дезинфекции. Подумай только, что мы с тобой ели в плену?.. Конечно, алкоголь вреден, когда его употребляют сверх меры, — закончил доктор,, поставив передо мной полный стакан.

— По русскому обычаю, по православному... Пропустим по одной, а там веселее будет.

Мое волнение не улеглось и я готов был выйти из-за стола, от искушения. Ведь совсем недавно я давал себе зарок больше не прикасаться к рюмке. Доктор заметил мое намерение, схватил меня за руку и, став на пути к двери, произнес:

— Ты обижаешь меня. Так дело не пойдет. Ты

должен выпить или отказаться от меня, как от друга.

Я выпил.

После первого, довольно вместительного стакана, стало веселее. Казалось, я стал другим человеком. А этот, другой человек, забыл лекцию доктора о пользе и о вреде алкоголя. Этот, другой человек, пожелал выпить одну и еще одну. На столе появилась вторая бутылка.

— А где же мера? — спрашивала жена доктора у мужа. С которого стакана можно считать, что алкоголь вреден?

— У пьющих об этом не спрашивают, — отвечал муж развязным языком. — Немцы пьют пока стакан начинает двоиться перед глазами, а мы, православный народ, пьем, пока ничего уже не видим...

— А все-таки, мои друзья, пить водку священнику — большой грех, — настаивал я, окончательно охмелев. — Другое дело — мы, простые, смертные... Где нам устоять от искушения. Но и я, поверьте, пью последний раз. Хватит!..

— Последняя у попа жинка... — шутила жена доктора. — Посмотрим, какая это будет последняя...

— Пей друг! В заповедях об этом ничего не написано, — возбужденно выкрикивал доктор.

На дворе было уже светло. Через раскрытые настежь окна тянуло свежестью. Из сада доносилось радостное птичье пенье, величающее Творца.

— Давай, мой друг-страдалец, споем твою любимую песню, — сказал доктор уже несвязным, ломаным языком. Он положил мне на плечо руку и, тупо вглядываясь в стену, тихо запел своим звучным баритоном. Я нагнул голову, закрыл глаза, чтобы жена доктора не видела слез и подхватил слова:

«Жена найдет себе другого,
А мать сыночка никогда-а-а...»

ИЩУЩИИ НАХОДИТ

«Ко Мне обратитесь и будете спасены».
(Ис. 45:22).

7-го августа 1948 года, в тихий, послеобеденный час, я услышал осторожный стук в дверь.

— Пожалуйста, войдите!

В комнату вошел коренастый мужчина лет пятидесяти с ясным и прямым взглядом, с мягкой, привлекающей улыбкой на круглом, чисто выбритом лице. Он снял шляпу, затем роговые очки и, протирая их, спросил:

— Скажите, пожалуйста, вас интересует духовная литература? Я имею вам кое-что предложить.

Медленно открывая зашнурованную сумку, гость продолжал:

— Это ценное слово, хлеб для души. Читающий не пожалеет...

В тот вечер я сидел до позднего часа и читал предложенные мне книжки. Казалось, посетитель знал мои сокровенные мысли, мои недоуменные вопросы и в этих книжках я нашел ответ. В них я нашел убедительные доводы в пользу живой, спасающей веры по

Евангелию. Особое впечатление произвела на меня брошюра Л. Д. Муди. «Покаяние и примирение». Автор писал о переживаниях веющего человека, которые мне не были известны. Я сверял тексты в моей Библии и удивлялся, что до сих пор их не замечал, хотя и читал Библию. В сердце проник стих: «Верующий в Меня не судится, а не верующий уже осужден». А кто же, собственно, я? Верующий или не верующий?

Этот вопрос неотступно следовал за мною и я желал найти на него точный ответ.

Жене не нравилось мое увлечение духовными вопросами, они брали много времени. Волнуясь, она не раз повторяла:

— Не к добру это дело...

— Я должен проверить себя по слову Божьему и узнать, какой же я верующий? Вот из Евангелия я узнал, что и «бесы веруют», и знают что Бог есть, знают также что Христос умер за грешников и воскрес, а что толку, если бесы Богу противятся? Может и я, просто лицемер. Обмануть себя можно легко. И называть себя можно как угодно, а вот я вижу, апостолы говорят иначе: «Испытывайте самих себя, в веру ли вы?» — оправдывался я перед женой.

На следующий день, возвратившись с работы, я встретил в моей комнате вчерашнего знакомого.

— Ну; как книги? — спросил он, вступая первым в разговор. — Понравились?

— Такие книги не могут нравиться или не нравиться. С ними можно согласиться или не согласиться, — ответил я.

— И как же, согласились?

— Почти! Но у меня в связи с этим возникли вопросы.

— А мы их разберем если хотите. Библия на них ответит, а Бог поможет уяснить. Ведь Бог все предусмотрел и ничего не упустил из того, что нам нужно знать о спасении души.

Прежде чем начать беседу, он открыл Евангелие и прочел: «Без Меня не можете делать ничего». — Так сказал Христос, — добавил он. Поэтому, прежде, чем начать беседу, хорошо было бы помолиться.

Я охотно согласился и хотел выйти из-за стола, чтобы стать перед иконой, что сиротливо висела в

углу комнаты, но мой знакомый, встав, уже начал молиться:

— ...Боже, Духом Святым открой наш ум к разумлению Писания...

Сердечность и простота его молитвы произвела на меня невыразимое впечатление. Я почувствовал, как молитва расположила мое сердце к принятию евангельских истин.

И все-таки, наша беседа не была вполне мирной. На многие вопросы мы имели разные взгляды.

— Согласиться, что такие люди, как преподобный Серафим, подвижник Саровский, или Иоанн Кронштадтский, непогрешимые святые, вдруг, способны были ошибиться и заблуждаться? Нет! Этого я никак не могу допустить, — возражал я.

— Что же для вас авторитетнее: человек, пусть даже святой или Бог? Предания людей или Евангелие Христа, Слово Божие? — спрашивал знакомый.

— Конечно, Евангелие!

— Тогда послушайте еще раз, что говорит Евангелие! Он читал тексты и целые главы, отвечающие ясно и определенно на все мои вопросы. Но ни убедительность Слова Божия, ни наглядные примеры, приводимые собеседником, не могли рассеять укоренившегося мнения об иконопочитании, о молитвах за умерших, о церковных формах и обрядах.

— Это остатки иудейства и язычества! Человеческие выдумки! — утвердительно настаивал знакомый.

— В новозаветной, первоапостольской церкви мы этого ничего не находим. Вот Евангелие, вот Деяния Апостолов! Найдите мне хотя одно основание и я немедленно соглашусь с вашими доводами, откажусь от своих убеждений...

Действительно, мне было о чем подумать. Я признавал Евангелие, как Божье откровение и в то же время ему не доверял. Пришло сомнение в достоверности происхождения так называемого «нерукотворенного образа» Иисуса Христа. Не нашел я в Евангелии истории о том, как Иисус Христос при восхождении на Голгофу вытер пот с лица и на полотенце отпечатался Его образ.

— На самом деле, — думал я, — почему же ни один евангелист не упоминает об этом? Разве это ма-

ловажный факт? Разве такое событие могло быть незамеченным учениками? Разумно ли, поэтому, основывать верование на преданиях и сказаниях человеческих, пренебрегая Писанием? Не об этом ли говорил Христос иерусалимским книжникам и фарисеям: «Зачем вы преступаете заповедь Божию ради предания вашего?» И еще: «Вы устранили заповедь Божию преданием вашим». «Хорошо ли, вы отменяете заповедь Божию, чтобы соблюсти свое предание?» Не лучше ли поверить слову Евангелия и принять его так, как оно написано? А сколько таких преданий живет в народе! Не отсюда ли все наши заблуждения и ошибки? — думал я.

Интерес к Евангелию возрастал у меня с каждым днем. Теперь я читал его не страха ради, а ради хлеба жизни, читал с каким-то особенным желанием, как будто в первый раз, чтобы проникнуть в сокровенный смысл простых Христовых изречений. Вот Он Небесный Учитель, говорит самарянке у колодца Иаковлева: «Настанет время и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе: Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине».

Так проходила неделя. Рождались новые вопросы, новые сомнения.

Вечером 13 августа, мой новый знакомый посетил меня снова. На этот раз, мы говорили о роли православия в русской государственности. Этот вопрос удерживал меня от принятия Истины.

— Нельзя же не признать факты, что православие способствовало собиранию Руси, укреплению и росту русского государства. Как же теперь можно от него отречься? — спрашивал я собеседника. — Это наши исторические корни...

— Правда! — отвечал он спокойно. Факты сами за себя говорят. Религия связывает людей воедино, тем более христианская. Она играла положительную роль в утверждении национального самосознания русского народа. Но есть и другие факты. Спустя тысячелетие это же православие сыграло немаловажную роль в разложении этого же государства. А как? Отходом от истины Христовой. Вспомните, что народ говорил о священнослужителях? И это были не анек-

доты, а горькая правда! Разве своею жизнью духовенство не отвергало учения Христа? Не отсюда ли пошли ростки безбожия?

— Америка, например, обошлась без православия, — продолжал собеседник, — а смотрите, какой прочный фундамент заложен! Свободолюбивый, справедливый, истинно евангельский...

Эти и подобные им высказывания обижали мои патриотические чувства и настраивали меня против собеседника.

— Я ценю славные исторические страницы моей Родины, а они связаны с верой моих предков, — горячился я, чтобы закончить разговор.

— Почему вы говорите о «славных» страницах только? А куда девать «бесславные» страницы? А они есть и их немало... Их не вычеркнешь. А потом, если «славная» вера предков не дает лично мне нужной силы, чтобы побеждать грех, если не приносит мира душе, не дает уверенности в спасении, тогда — для чего она мне нужна? — закончил знакомый прощаясь со мной в коридоре.

Эти слова легли в основу моих размышлений.

Однако, я заранее уже решил, что взгляды евангелистов хотя хороши и правильны, сами по себе, но для меня лично никак не подходит. Я молодой человек. А у них извольте: выпить — грех, закурить — грех, кинотеатр — грех. Не для меня это...

Был поздний час, а впечатление от последней беседы меня не покидало. Думалось, неужели тот путь, которым я теперь иду, не приведет меня к спасению? Совесть мне подсказывала, что Бог не может удовлетвориться моей греховной жизнью, да и жизнью всех моих единомышленников. Уж слишком много мы любим и делаем то, что противно Богу и что противоречит духу Евангелия. В воскресенье утром зайдешь в церковь, перекрестишь лоб, а вечером сидишь у патефона, за рюмкой водки с бесшабашной песней, будто и нет Христа и не было Голгофы, будто все так и надо. Где же христианский идеал? Где святая жизнь, где цель, где подвиг?

В тот вечер мне ничто другое не шло в голову. Мой собеседник, — думал я, — не пустобай, не «уговорщик». Он не подслащивал своих слов. Он поставил передо мной весьма серьезные вопросы и я дол-

жен разрешить их во что бы то ни стало.

Я лег спать, но мысли продолжали работать в том же направлении.

— Неужели, эта маленькая кучка людей, называющих себя евангелистами, стоит на истинном пути, а подавляющее большинство людей ошибаются?

Мне припомнились слова Христа, прочитанные вечером: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими, потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их».

Значит, согласно Писания, истина будет принята немногими людьми и подлинных последователей Христа будет немного. А большинство — кто они? — Духовные мертвецы? Лицемеры? Безбожники? Значит, мое заключение, что правда определяется большинством, в корне противоречит словам Христа: «немногие находят...»

Потом мне припомнилась молитва собеседника. Он, евангелист, благодарил Бога за спасение своей души от гибели и за вечную жизнь, которую он получил во Христа и имеет ее уже сейчас.

— Вот это я никак бы не мог сказать в моих молитвах. Как можно говорить о том, что я спасен, когда я в этом не уверен? Значит о том, что Бог простил и принял меня было бы для меня ценнее всего на свете. Но возможно ли это? Нет, я не могу остановиться на полпути. Я иду дальше. Я буду искать полной истины и не успокоюсь, пока не найду ее, — твердо решил я в душе.

Было далеко за полночь, когда я снова поднялся с кровати, подошел к иконе и пал на колени:

«Да воскреснет Бог и расточатся врази Его» — читал я шепотом молитвы. «Верую во Единого Бога, Отца Вседержителя...»

Жена проснулась и с горечью сказала:

— Ну, милый дружок, довольно!.. Завтра твоему «пророку» дверей не открою... Нечего мутить тебе голову!

— Спи спокойно, — ответил я. — «Пророк» завтра к нам не придет. Я сам к нему пойду. Он порядочный, умный человек. Вопрос, который он пробудил в моей душе, очень серьезный, решать его надо и тебе и мне.

Бессонная ночь казалась долгой и томительной.

Вот и августовское утро, солнечное и красивое. Через открытое окно врывается ветерок, доносится щебетание птичек. Суббота. Мне не нужно идти на работу. Но и это меня не радует. Я решил направиться к старому и близкому другу, человеку бывалому, рассудительному, честному и обо всем ему рассказать. Ему я всегда доверял, с его мнением считался. Но этого не довелось мне сделать.

Друг мой жил на окраине города, в тиши вишневых садов, верстах в пятнадцать от моей квартиры, и я поехал к нему на велосипеде. У моста дорога шла в гору и я слез с велосипеда. Взад и вперед сновали машины, противно дребезжали неуклюжие мюнхенские трамваи. Город, как разрытый муравейник, шумел, гудел и суетился. Разбитые и полуразбитые дома, обгоревшие сады, камнем выложенные берега Изара, шум водопада — неприглядные картины чужого города еще более навевали грустные думы о моем прошлом, безысходном настоящем и неизвестном будущем. Вспомнил родную деревню и тоской наполнилось сердце. Русские люди-односельчане, простые, отзывчивые земляки, где вы сегодня? Знаете ли вы, что я жив, да, жив, да что толку? Вот и в войне уцелел, а почему я так несчастен? А что такое счастье? В чем оно заключается? Сегодня счастлив, а завтра — беда. Да был ли я счастлив, живя на Родине?

В эту минуту я увидел на тротуаре окуроч с концом, окрашенным губной помадой. Нестерпимо захотелось курить, мутило в голове. Несколько дней прошло с тех пор, как я решил (не первый раз) покончить с курением, но вот... Как удержать себя от соблазна? Затянуться бы разок, чуточку... На душе легче стало бы.

Осмотревшись кругом, я нагнулся и поднял окуроч. Началась знакомая уже мне борьба двух духов. Я видел в себе самом два человека, противостоящих один другому. Кто из них победит? На чью стану я сторону?

Этот, как будто бы незначительный случай, открывал предо мною великую истину. Ища спички по всем карманам, я разговаривал сам с собой:

— Тряпка ты, а не человек... Решаешь мировые проблемы, а свою личную, маленькую проблему не

можешь решить. Говоришь, мелочь? А людей не постеснялся, поднял окурок. Говоришь, у меня сила воли... А вот прикуриваешь и будешь наслаждаться окурком какой-то, может быть больной, уличной девы...

К счастью, спичек в кармане не оказалось.

— Врешь, сказал я сам себе и притом так громко, что мне самому стало неловко.

— Не обманывай сам себя и не говори, что ты — человек, верующий в Бога Всемогущего, — упрекал я сам себя. Что же это, вера твоих предков не помогает тебе одержать победу над такой мелочью, как табак? А что же тогда говорить о другом, более серьезном? Зачем нужна тебе такая вера? Жить и постоянно грешить можно и без веры.

В этот момент я изменил свои планы. Решил поехать на евангельское собрание. Адрес был в кармане. По дороге я растирал пальцами окурок так медленно, будто совершал над ним казнь. Табак с бумагой крошились и падали на мостовую.

К четырем часам я был во дворе молитвенного дома. Из серого, придавленного к земле здания, доносилось стройное пение:

«Я слышу голос Твой,
Зовет меня к Тебе, —
Омыться кровию святой,
Пролитой на кресте».

— Не меня ли зовет этот Голос? Зовет ко кресту Христову, зовет к вере, к новой жизни? Не покончить ли здесь с моим душевным разладом? — спрашивал я себя.

А когда я открыл двери и сел на последнюю скамейку, в душе началось прежнее брение двух духов. Один говорил: «Беги отсюда. Зачем ты здесь? Кто поймет тебя и кто поможет?» А другой: «Куда пойдешь? Спешить некуда. Посиди, да послушай. Что ты теряешь?».

И я остался на собрании.

Проповедь, пение, молитвы — все показалось мне необыкновенным. Особое, волнующее впечатление произвели на меня молитвы верующих: тихие, сердечные, простые, сдержанные.

После собрания меня приветствовали как хорошего знакомого, хотя я никого не знал. Чувствовалось, что у меня чего-то нехватает, чтобы петь вместе с этими людьми:

«Лучший Ты мне дал удел,
Чаять я его не смел».

О каком лучшем уделе они пели?? О какой радости они говорили, когда кругом житейский развал, опасности репатриаций, страшная, вопиющая нужда?

Ко мне подошел мой знакомый и, безмятежно улыбаясь, сказал:

— Рад вас видеть! Как дела, друг?

Заметив на моем лице отпечаток внутренних переживаний, спросил:

— Не заедем ли сегодня ко мне?

Я согласился.

Час спустя мы сидели в его уютной маленькой комнатке.

— Господь обещал быть там, где двое или трое собраны во Имя Его. Он так сказал и мы ворим, что это так. Он будет сегодня с нами, потому что тема нашей беседы — Его Слово, Евангелие, — начал знакомый.

После краткой молитвы, он предложил мне прочитать вслух 3-ю главу Евангелия от Иоанна, где описана встреча Христа с Никодимом.

«Рожденное от плоти есть плоть; а рожденное от Духа есть дух. Должно вам родиться свыше».

Я читал эти слова раньше, но никогда мои мысли не были захвачены ими так проникновенно и глубоко, как в этот день. Теперь я видел в них верный ключ к познанию Божьей истины о спасении.

«Должно вам родиться свыше» — слова Христа, сказанные Никодиму, звучали для меня в то время непостижимой тайной. Я знал, что самого необходимого — рождения свыше — во мне не произошло. А что это значит? Не потому ли после сожаления о содеянных грехах, я так скоро возвращался к ним снова?

Мы разговаривали на эту тему долго. За окном был летний вечер, тихий, теплый, ласковый. Тишина располагала к раздумью, беседа не утомляла.

— Теперь нам осталось поблагодарить Бога за Его Слово, из которого мы учились, получали настав-

ление. Согласны? — спросил друг.

— Да, мне есть за что благодарить, — ответил я.

Он стал на колени первым. Его примеру последовал и я.

Прочувственная молитва моего друга, казалось, поднимала меня от земли. О, как хотелось и мне молиться! А что я мог сказать Богу, невидимо присутствующему с нами? Он так много для меня сделал, оберегал жизнь, заботился о моей семье, а я попрежнему живу во грехах, попрежнему Его оскорбляю...

Как наяву, предо мной предстала Голгофа, а на ней крест и Христос, распятый за меня, за мои грехи... Ведь за меня и ради меня страдал Христос...

— Господи, Иисусе Христе! Прости! — воскликнул я.

Первый раз в моей жизни я оставил в стороне заученные молитвы. Теперь молилось мое сердце.

Из-под закрытых век слезы нашли себе дорогу, в горле остановился какой-то ком. Я чувствовал, что Христос здесь, со мною рядом. И слова молитвы, рождаясь в душе, горячим потоком лились сами:

— Я пришел к Тебе, Господи, такой как есть. Я убедился, что ничего во мне нет доброго. Смилюсь надо мною, Боже, возьми меня и спаси меня от грехов моих, которые я ненавижу. Я не хочу больше грешить. Прости и возроди, как Ты говорил Никодиму. Или погуби на этом месте. Иначе я не хочу жить...

Не помню всех слов, с которыми я обратился ко Христу в тот вечер, 14 августа 1948 года, но одно помню хорошо: Бог ответил мне, на том же месте.

От сердца отвалился тяжелый камень. Будто стопудовая ноша спала с моих плеч и радость, настоящая, живая, невыразимая наполнила все мое существо.

— Господи, благодарю Тебя! К Твоим ногам приношу мое сердце! Ты видишь, оно полно теперь радости!..

После молитвы я встал с новыми чувствами, новыми мыслями, новыми желаниями и целями.

Мой друг, а теперь и дорогой брат в Господе, улыбаясь сказал мне сквозь слезы радости:

— Ангелы ликуют в эту минуту! Пастырь радуется

ся, когда заблудшая овечка возвращается в Его стадо.

— Да, брат, долго пропадал я и вот теперь нашелся, -- сказал я, припоминая евангельскую притчу о блудном сыне.

НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Послевоенный Мюнхен был похож на разрушенный муравейник. Разрушенными были его стройность, его архитектура, его красота, но жизнь от этого не замерла, а наоборот --- стала более активной.

Возвращаясь домой на велосипеде, я видел этот город другими глазами. Все люди мне казались хорошими, милыми, добрыми. И уцелевшие от пожара деревья казались райским насаждением.

Слишком беден мой писательский язык, чтобы найти точные слова, которые бы верно выразили то, что творилось у меня на душе.

Мне хотелось петь те гимны, которые я слышал впервые на молитвенном собрании несколько часов назад. Слов я не помнил. Начал их складывать сам и тут же напевать:

О Боже, о Боже, могу я
Пропеть для Тебя аллилуя.
Сегодня явил Ты мне милость
И счастье, как солнце, открылось.

В душе рождались строчки новых стихов, которые я не мог записать, потому что ехал на велосипеде. Я поглядывал на небо, полное изумрудных звезд, всей грудью вдыхал свежий вечерний воздух и думал о том, как это понимать, что Всемогуший Бог, знающий име на всем небесным светилам, управляющий бесконечной вселенной, открыл мне Себя. Свою любовь, **дал** мне прощение.

Кто я? Червь. И Бог не забыл обо мне, грешнике и теперь Его око наблюдает за мной, незримая **лесница** Его ведет меня, охраняет мою жизнь.

Это чудное небо, эта богатая земля с ее **богатыми** садами, лугами, реками, садами, этот чудный воздух — все для меня, для человека. А для кого же человек? Сам для себя? Когда же человек поймет свое назначение?

— Отныне я буду жить только с Богом и только для Бога. В этом цель и смысл жизни, — так размышлял я на пути к дому.

Рядом, у мостовой, на одной из главных улиц миллионного города лежали груды кирпича и мусора, остатки больших домов. Все это — плоды рук человеческих, когда ими пользуется не Бог, а сатана. Совсем недавно здесь возвышались красивые дома, а сегодня — руины с неприятным сырым, известковым запахом. Несмотря на вечерний час, люди, как неприкаянные сновали по бедно освещенным улицам города. У театра толпилась очередь. Из раскрытых дверей пивных доносились гортанные звуки американской речи. Там веселились солдаты оккупационной армии. Вблизи прохаживались уличные женщины. Вот и парк. В нем много обгорелых деревьев без листьев, с почерневшими стволами. Они выглядели чахоточными: на отдельных ветках настойчиво пробивалась к жизни молодая зелень Сырой воздух парка напоминал кладбище. У главной аллеи электрические лампочки бросали бледножелтый свет, скупо освещая небольшую платформу с рядами столов. На пригорке, где было больше света, расположился оркестр.

По шумной, многолюдной улице я ехал тихо. Мрачные картины вечера отталкивали меня от земли. Хотелось тишины, уединения. Как из под земли, вырос лысый желтолицый дирижер. Он взмахнул палочкой и барабанщик дробно застучал по барабану. Немцы, желая угодить американцам, приспосабливались к джазу. Завыли саксофоны, заревели трубы. Потом все оборвалось, только тромбонист продолжал выводить низкую замирающую ноту, всхлипывая, как раненый зверь.

Я готов был закрыть уши, чтобы не слышать этих страшных, будто предсмертных завываний. Мое сердце желало иных мелодий, иной музыки, иных звуков, в которых бы отражалась тихая святая, небесная радость. Я увидел, что христианская радость, радость в Господе не имеет ничего общего с мирской, языческой, радостью. Я теперь смотрел на танцующую публику с отвращением и жалостью.

Между мной и миром легла непроходимая пропасть.

В ту минуту мне очень хотелось громко крикнуть, крикнуть так, чтобы слышала вся эта шумная улица, весь город, весь мир:

— Люди, люди! Добрые, хорошие люди, уцелевшие в страшной, кровопролитной бойне! Что же вы делаете? Давно ли вы прятались в бомбоубежищах, дрожали от страха, судорожно крестились, призывали на помощь Христа и всех святых? А что же вы делаете сегодня? Теперь, значит, и Бог не нужен? Или нужна снова война, чтобы вы подняли очи к небу? Братья-люди! Добрые, хорошие люди! Мы уцелели. Так воздадим же славу Богу. Возрадуемся и возвеселимся сердцем, душою. Возблагодарим Его за спасение. Христос жив. Крест, на котором распяли Его люди, пуст. Он спас меня сегодня. Он спасает каждого, кто к Нему приходит с раскаянием. Так перестаньте же шаркать ногами по пыльным полам. Перестаньте под визг джаза трястись, как в лихорадке. Призовите Имя Иисуса в это доброе время так же искренне, как это мы делали в бомбоубежищах. Христос даст иную радость. Он даст новую песню. У оркестра будет новый репертуар...

Но люди меня не слышат. Джаз участил барабанную дробь, а басовая труба ухала попрежнему, словно мне отвечала:

— Нет, нет, нет...

И вот тогда родилось в моей душе желание пойти из дома в дом, из деревни в деревню, из города в город и рассказать всем о Евангелии, о Христе, о Его божественной любви к бедному, несчастному человеку, о Его страданиях на кресте за грехи мира.

— Я пойду, расскажу, как Он нашел меня, как Он простил меня, как сделал меня счастливым, — говорил я сам с собой.

Но в это время по следам шла другая мысль:

— Как ты пойдешь? Ты это не можешь. У тебя жена и ребенок. Кто же им даст кусок хлеба?..

В это мгновение на серой асфальтовой дорожке, перед моим велосипедом я увидел булку хлеба...

О, чудо! Как просто Бог может отвечать на наши вопросы!

Я остановил велосипед, взял хлеб и здесь же, на улице, не обращая внимания на случайных прохожих, возблагодарил Господа:

— Мой добрый Пастырь, если этот хлеб послан Тобою, как ответ на мои мысли, я отдаю себя еще раз в Твои руки и прошу: содейлай меня свидетелем Твоим и вложи в уста мои Твое Слово... Я пойду, Господь,

на Твое дело, только Ты будь всегда со мною.

Теперь, много лет спустя, я свидетельствую о Его верности. Он был со мной, был впереди меня. Он будет и впредь со мной, если только я буду с Ним. Он не оставит, не покинет свое чадо, если чадо не оставит, не покинет Его.

С особым, непередаваемым чувством радости открыл я двери моей комнаты. Жена сидела у открытого окна грустная, взволнованная, недовольная.

— Опять пьяный? — встретила она меня вопросом. — Утром стоял на коленях перед иконами, а вечером кланяешься Бахусу? И тебе не стыдно? «От великого до смешного один шаг».

— Нет, дорогая, — сказал я, положив на стол булку хлеба. На этот раз ты ошиблась. Видишь этот хлеб? Это не простой хлеб, а небесный. Бог послал. И я теперь не тот... Того Николая, что ты знала утром, нет. Он умер...

Большое окно нашей комнаты выходило на широкую улицу, усаженную вековыми деревьями. За окном было тихо и свежо. Я смотрел на задорожный сад новыми глазами. Сердце наполнялось молитвой к моему Спасителю. И прежде, чем начать рассказ жене, я предложил помолиться. И я склонил колени перед открытым окном и молился моими простыми, незаучеными словами. Рядом стала жена. Мой маленький сынок, видно, недоумевал что случилось с папой и по примеру родителей, стал также на колени. Это была наша первая семейная молитва за четыре года нашей совместной супружеской жизни.

Я благодарил Бога за Его дар спасения, за любовь, за прощение. Молился я и о жене, моей верной спутнице, чтобы Господь открыл ей свое спасение. Это, видно, ее смущало больше всего. После молитвы она выразила сомнение в здравии моего ума и плакала.

— Правильно, правильно, подруга, — говорил я, радуясь. Верно, я стал «ненормальным» для мира. Но зато я теперь стал нормальным для Бога. Так всегда бывает. Иначе и быть не могло. Значит, я на правильном пути...

Потом я объявил войну предметам явного непотребства и нечистоты (Гал. 5:19). Я выбросил в окно серебряный портсигар, пепельницу и все запасы табака, дорогого «продукта» в то, послевоенное время.

Выбросил я и все водочные рюмки. Я знал, что они мне больше не будут нужны. Выбросил я завалявшиеся карты и многое другое, что связывало меня и господствовало надо мною многие годы.

Видно, все это нравилось жене и она, улыбаясь сквозь слезы, сказала:

--- Дай Бог, чтобы это было навсегда!..

Да, это было навсегда. навеки веков.

КРЕЩЕНИЕ

«Крещением должен Я креститься».
Господь.

Утром я проснулся раньше обыкновенного. События вчерашнего дня стояли в моей памяти отчетливо и ясно. Как никогда ранее я ощущал близость Господа и потому мне хотелось молиться. Молитва приносила мне особую радость.

В воскресенье утром, по обыкновению, я пошел в православный храм. Меня не привлекали ни кадильницы, ни иконы, ни восковые свечи, ни бархатный голос дьякона, ни золотые одежды священника, Нет, меня влекло к живым людям, чтобы делиться радостью спасения. Ведь так, казалось, просто поверить и принять живого Христа в сердце, поверить в Него, как личного Спасителя. Ведь это всем доступно. Главное, мне хотелось поговорить с митрополитом Анастасием. Службу «отстоял» я непринужденно. Но обрядовая сторона богослужения, как никогда раньше, казалась мне далекой и непонятной.

После богослужения у дверей храма, там, где продавались свечи, шла бойкая торговля сигаретами. Когда я заметил, что торговля сигаретами при храме, дело не хорошее, староста церкви мне возразил:

— А ты кто такой? Баптист, что ли?..

Аудиенции с митрополитом Анастасием я так и не дождался. Он был очень занят. Утешался надеждой, что через знакомого священника В. мне удастся поделиться моими переживаниями со всем приходом.

В тот же день, после обеда, я был на евангельском богослужении. Большой зал молитвенного дома наполнился новыми для меня людьми. Это меня не смущало,

так как в каждом я видел теперь моего брата, одно-
верца. Трогательно и задушевно пел хор, пел так, как
всегда поют наши русские люди, вкладывая в песню
все сердце, всего себя. Меня особенно захватил духов-
ный гимн, слова и напев которого как нельзя лучше
отражали мои переживания:

О, Господь, Спаситель мой,
Льну к Тебе я всей душой.
Я хочу с Тобою жить,
Я хочу в Тебе пребыть.
О, пребудь во мне Ты Сам,
По Твоим ведем путям,
Будь мне Пастырем-Царем,
Будь для сердца все во всем.
Без Тебя я был в цепях,
А с Тобой освобожден.
Без Тебя тонул в волнах,
А с Тобою я спасен.
Без Тебя я был покрыт,
Как проказою, грехом,
А с Тобою я омыт,
Убелен Твоим ручьем.

Этот гимн переполнял мое сердце невыразимой
радостью до краев. Ведь это моя песня, мои слова. С
той поры этот гимн стал моим любимым до сего дня.
И даже теперь, когда в глубокую полночь я пишу это
свидетельство, до меня доносится звучание этих слов
откуда-то издалека и мое сердце радостно им подпе-
вает:

Без Тебя в душе царит
Роковой печали гнет,
А с Тобой и в дни невзгод
Сердце радостью горит.

Беликое счастье — иметь в сердце живого спасаю-
щего Бога!

Помню, как выходил я рано на работу. На безлюд-
ной улице еще царила тишина. Во многих домах еще
не зажигались огни, но голубой рассвет красил восток
нежными светозарными красками. — В том краю моя
родина, мой народ, мои родители, — представлял я се-
бе. — Ах, если бы можно было поехать к ним, расска-
зать им о Христе, о Божьем пути спасения! Они бы

поверили! Они бы не усумнились, как другие, в моей искренности. Но по условиям времени это невозможно. И я знал, что мне остается одно: молиться. И каждое утро, по пути к первому утреннему трамваю, я заходил в парк, становился на колени и возносил мою молитву Господу о Родине. С той поры молитва о Родине, о моих родных и близких, стала частью моей жизни. На эти молитвы я имею уже много ответов.

В парке, на коленях перед Господом, я получал духовное и физическое подкрепление на весь трудовой день.

А работа была у меня каторжная, тяжелая, непосильная. Я подносил строительный материал для кладки кирпичных домов. Только таким путем, во время безработицы в Германии, я мог зарабатывать на дневной хлеб для моей семьи. Когда я уставал, я пел песни о любви Христовой на свой особенный неподражаемый мотив, пел тихо, для себя, но Бог слышал эти песни и давал мне все новые и новые слова, которые печатались после во многих христианских журналах. Песня от души, хвала Богу — лучшее средство побеждать усталость.

А вечером, неизменно, ко мне приходил мой недалекий сосед, брат по вере, Митя Терешкевич. Он вытаскивал из кармана маленькую губную гармошку, бережно вытирал ее платком и вкладывал ее в свои большие рубы так, что гармошки почти не было видно и начинал мастерски, с большим умением наигрывать новые, никогда мной не слышанные мелодии евангельских гимнов. Это был простой, доверчивый, как дитя, почти неграмотный брат, Но через него Господь посылал мне богатые благословения.

— Эх, браток, если бы ты знал, как я люблю Иисуса... — говорил он мне, прерывая свою искусную игру. — Никого у меня нет ближе, как Он. Когда я был на родине пастухом, меня и за человека никто не считал, а теперь Сам Бог меня Своим сыном величает. Давай, брат, помолимся...

— Татусько мий, поблагослови моего брата Миколая. Ты знаешь, Боже, как я его люблю...

Брат Митя молился и плакал святыми слезами. Плакал и я. Теперь я знал, что у меня есть братья, есть сестры, что на земле я не одинок.

Искренняя, простая и сердечная молитва брата Ми-

ти Терешкевича (он всегда молился по украински) за-
жигала и меня небесным огнем. Исчезала усталость и
мы молились и пели, обыкновенно, до полуночи.

Молиться Христу, когда чувствуешь Его близость
вовсе не утомительно и не скучно, как могло мне ка-
заться раньше. Наоборот, в живой молитве — сила,
радость и утешение. А это как раз мне и нужно было,
нужно и теперь.

Прежние друзья меня не узнавали. Да я и сам се-
бя не узнавал. Уже на следующий день я не мог тер-
петь табачного дыма. Когда по привычке входил в пос-
ледний, курящий вагон трамвая, меня мучило от ды-
ма баварских сигар и я при первом же случае перехо-
дил в следующий вагон. Когда прежние друзья мне
настойчиво предлагали закурить (что не всегда быва-
ло раньше при дорогой цене на сигары), я отвечал:

— Сигарета — это атомная бомба. Не просите, я
не закурю...

— Ну, ну, посмотрим, что ты запоешь через не-
дельку, — говорили недоверчивые друзья.

Еще острее и чувствительней проявилось во мне
отношение к алкоголю, в постыдном рабстве которого
я был многие годы. Неприятный спиртной запах и по-
ныне вызывает у меня тошноту и отвращение.

Евангелие, теперь казалось мне в ином свете. При-
ходилось только удивляться, как это раньше я этого
не замечал. В 7-й и 8-й главах послания ап. Павел к
Римлянам я видел мои собственные переживания. Бог
освобождает кающихся рабов греха и дает им святую
свободу. «Если Сын освободит вас, то истинно свобод-
ны будете» (Иоанна 8:36) — закрепил эту истину на-
веки мой Небесный Учитель.

К моему свидетельству об исцелении и спасении
люди относились подозрительно и осторожно. Прис-
матривались к моей жизни, к моим поступкам. Некото-
рые уже называли меня евангелистом, другие — баптис-
том. Я имел радость и мир с Господом и этими пере-
живаниями мне хотелось делиться с другими. К сожа-
лению, многие меня не понимали. Одни слушали с не-
доумением, другие недоверчиво качали головой и ухо-
дили.

«Угорел человек», «продался баптистам», — слы-
шал я от многих.

Каждый день один за другим оставляли меня друзья. Доктор В. близкий мне человек, расценивал мой поступок, как безумие, или как измену своей родине, своему народу, самому себе.

Жена знакомого художника К., знавшая хорошо мою прошлую жизнь, во время беседы заявила:

— Ты распял Бога, который тебя спасал, Почему ты оставил курить? Почему отказываешься с нами выпить? Думаешь, ты лучше нас?.. Изменник ты. А я православной родилась, православной и умру...

— Разве вы православная? — спросил я. — За два с лишним года я ни разу не видел вас в церкви. Как же это?

— Ну и что ж? Я не молюсь и в церковь не хожу. Лицемерить не умею. Для меня Христос — это миф, а все равно я православная. Мою веру и за миллион не продам. А деньги нужны, очень нужны. А вот ты продался... И еще вот сидишь, не плачешь, а улыбаешься...

Большое подкрепление от Господа я получил через живые, убедительные и глубокие по содержанию проповеди Иоанна Марка (Галустьянца). Он первый натолкнул меня на мысль о вступлении в завет с Господом через водное крещение. Ведь это Его заповедь. Это побуждало меня еще раз внимательно прочесть Новый Завет. Я убедился, что в плане Божьем детокрещение не было предусмотрено. В Библии нет для этого оснований. Единственное сомнительное место — событие в доме Корнилия по описанию Луки, стало мне ясным, когда я выписал из Евангелия все слова, относящиеся к крещению. Что может быть авторитетнее простой заповеди Христа: «Идите, научите все народы». И только потом уже идет речь о крещении (Матф. 28:29). Для меня это был серьезный вопрос: что важнее — научить, а потом крестить или сначала крестить, а потом научить? Очевидно, крещению должна предшествовать вера.

Апостол Петр подтверждает эту истину, когда говорит о крещении, как об обещании Богу доброй совести (Петр. 3:21). Да и сама логика подсказывала мне, что надо сначала научить, а потом крестить. Крещение — волевой акт, вполне сознательное дело.

Даже в евангельских церквях, где практикуется крещение только взрослых, бывает много случаев, осо-

бенно в последнее время, когда вступающие в завет с Господом через водное крещение, делают это не вполне сознательно, не с полным сердцем, оставаясь невозрожденными от Слова и Духа Святого. Эти люди потом отпадают и этим самым они причиняют колоссальный ущерб церкви Христа. Что же после этого говорить о детях, о малолетних, о тех, кто еще не вступил в полосу сознательной духовной жизни, кто еще не вкусил греха, не узнал как он горек и ядовит? О них сказал Христос: «Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное» (Матф. 19:14).

Мысль о крещении преследовала меня неотступно в течение нескольких месяцев. Окончательно она созрела после одного случая.

Однажды, меня пригласили к обеду в православную семью. Это были влиятельные в православных кругах люди. Случайно, в назначенное время хозяйки не оказалось дома. Ее больной сын лежал на кровати и я начал с ним беседу. Он охотно слушал мое свидетельство об искании истины, делился своими переживаниями. Тем временем, в комнату вошли два пожилых господина, очевидно, приглашенные. Они вступили в разговор и сразу перешли на духовную тему. Один из них, бывший полковник царской армии, человек весьма начитанный, оказался знатоком Библии, другой — членом православного Совета в Германии и видным политическим деятелем. Бледное, худое лицо его носило черты благородства, совершенно другое впечатление производили его глаза, тупо и зло глядевшие из под толстых век.

Он вежливо попросил разрешения закурить. Жадно затягиваясь, курил одну папироску за другой, присматривался ко мне и о чем-то думал.

Говорили долго. Мой собеседник предлагал мне вопросы. Я охотно на них отвечал, что мне было известно, указывая на Писание, как на единственный Божий авторитет и терпеливо выслушивал моего нервного оппонента.

Это был настоящий диспут в присутствии двух слушателей.

— Бог предусмотрел пытливость человеческого ума и потому на все жизненные вопросы Он дал ответ в Писании, — сказал я в заключение.

Мой знакомый протестовал:

— Вы плохо знаете церковную историю. Вы не знаете творцов литургии. Если бы это знали, вы убедились бы, насколько дополнено и расширено понятие «Священное Писание».

— Например? — спросил я.

— Вот вы говорите о крещении, что детокрещение — большая ошибка. А святой Киприан, епископ Карфагенский, еще в третьем веке в своих творениях писал о необходимости крещения детей. А вы это отвергаете...

— Друг мой, — ответил я, — святой Киприан не является автором Священного Писания. Ведь его письма не вошли в канон Нового Завета...

— Как? Это было повеление свыше. И мы так делаем, — настаивал собеседник.

— Слушайте, что говорит Слово Божие о тех, кто его извращает и дополняет, — заметил я.

Здесь я имел неосторожность открыть Евангелие и громко прочесть:

«Но если бы даже мы, или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема» (Гал. 1:8—9).

Следующий стих послания апостола Павла к Галатам я уже не мог прочесть. До сих пор молчавший бледнолицый гость стал вдруг красным, как кровь. В его глазах запылала дикая злоба.

— Ах, вот оно что!.. Ты — массон! Вон отсюда! — крикнул полным голосом взволнованный гость и одним толчком руки открыл мне двери. Из его уст неудержимо сыпались бранные слова. Да никто и не пытался его удерживать. Трудно было верить, что **эти** слова извергает один из духовных православных вождей — член Синода.

Я имел право протестовать, так как он не был хозяином квартиры, а только гостем. Но я предпочел оставить дом.

Обиженный и оскорбленный я шел по улице большого чужого города и мысленно молился. Вспомнились слова Христа: «Меня гнали и вас будут гнать». «Ученик не больше учителя». «В мире будете иметь скорбь, но мужайтесь: Я победил мир».

Это меня утешало.

Теперь я понял, что с православием мне не по пути. В только что происшедшем я видел не что иное, как фараоновское ожесточение, наступление врага моей души. Это не разочаровало меня, а наоборот укрепляло в вере, что Христос — мой Пастырь, Он со мной и я с Ним. При всем моем желании я уже не мог оставаться в православной церкви.

Я твердо решил просить братьев принять меня в евангельскую общину и во что бы то ни стало скорее вступить в завет с Господом через водное крещение, по Его заповеди.

Вскоре состоялась желанная встреча с моим хорошим знакомым священником В. Мы говорили долго, просто и непринужденно, как старые друзья. Читали отдельные места Евангелия, рассуждали. Только к концу беседы начали обнаруживаться наши разногласия, когда я сказал:

— Отец В., вы мне простите, но я буду обращаться к вам, как к старшему брату. Вот, видите, написано — и я прочел текст Евангелия: «И Отцом себе не называйте никого на земле, ибо Один у вас Отец, Который на небесах. Вы же все братья». Ведь это Христос сказал, — подтвердил я.

Отец В. улыбнулся, посмотрел на меня своими умными проникновенными глазами и сказал:

— Ишь, ты дружок, куда заехал... Знаю, куда метишь. Учить меня собираешься. Да я это Евангелие

наизусть знаю. Зубы на нем проел. А ты внимательней прочти. О ком там говорится? Христос ведет речь о книжниках и фарисеях. Вот к ним это и относится. Не о нас, а о них это было сказано...

Я недостаточно знал Евангелие, чтобы сразу же опровергнуть доводы священника. А это так легко было сделать. Стоило только прочесть первый стих этой, 23-й главы Матфея: «Тогда Иисус начал говорить народу и ученикам Своим», чтобы увидеть для кого это было сказано.

Когда же через несколько минут я сказал, что из Евангелия видно, что ни апостолы, ни пресвитера первоапостольской церкви не одевались в особые одежды, в которые вы вот теперь одеваетесь, отец В. начал заметно волноваться. Он нетерпеливо взял из моих рук Библию и без особых затруднений отыскал 28-ю главу книги Исход.

— Возьми, читай. Хорошо читай, — предложил он мне.

И я читал, как Моисей призвал Аарона и его сыновей и повелел им быть священниками. Моисей здесь же дал подробное указание какова должна быть одежда священника.

Я возразил:

— Но это же относится только к иудейским ветхозаветным священникам. Это ведь все были прообразы нового времени. Эти одежды могли одевать только из колена Левина. А почему же вы не обрезываетесь?

— Мы не иудеи, — отвечал отец В.

— А как же со священническими одеждами? — настаивал я.

— Вот это, что ты прочел, к нам относится. Мы и шьем одежды по этим размерам, как сказал Моисей, — отвечал отец В. смущенно и заметно краснея.

— Отложим нашу беседу до другого случая, — добавил он и по отцовски положил руку на мое плечо.

Отец В. долго смотрел куда-то в сторону. Видно было, что он напряженно думал. Потом, не поворачивая головы тихо, с грустью сказал:

— Если ты оставляешь нас по побуждениям души, да благословит тебя Господь.

— Но вы-то? — сказал я. — Вы же несете ответственность перед Богом, сознательно оставаясь на

ложном пути.

— Да, да... Наша церковь нуждается в значительной реконструкции, — говорит он, не меняя тона. Нам надо реформироваться. И чем скорее, тем лучше. Но ведь я маленький человек. Что я могу сделать? Лишить себя куса хлеба. Это все.

С отцом В. мы простились по-братски, друзьями. Три года спустя я встретил его снова. Он направлялся в Америку, но его по неизвестной причине задерживала комиссия. Это его очень удручало. Мы рады были встрече. Я предложил помолиться и отец В. охотно согласился. После молитвы по впалым щекам отца В. прокатились две крупных, как бриллианты, слезы.

На прощание мы расцеловались.

28-го ноября 1948 года был воскресный день. Обыкновенное в эти дни дождливое утро в Баварии сменилось солнечным, погожим днем. Казалось, солнце вместе со мною радовалось празднику моей души.

В этот день девять душ вступало в завет через водное крещение, в том числе я и моя жена.

На это необычайное торжество собралось множество народа. Пришли некоторые мои друзья и знакомые.

Я глубоко сознавал, что это событие единственное неповторимое в моей жизни.

Медленно входил я в воду. Сердце наполнялось радостью, что теперь я могу открыто, при множестве свидетелей сказать мое «да» моему Спасителю.

— Брат Николай, веришь ли ты, что Христос вознес твои грехи на крест? — громко и отчетливо, но с армянским акцентом, спросил меня брат Иоанн Марк.

— Верю! — ответил я.

— По вере твоей, во Имя Отца, Сына и Святого Духа, крещу тебя, — произнес брат и энергично погрузил меня в воду.

— Аминь.

— Аминь, — повторил я брату Марку вслед.

— Аминь, — чудным хором пропело святое воинство на небесах.

ПОСЛЕДНИЙ ЗОВ

13 ноября 1950 года в широких пасмурных коридорах бременской казармы стояла длинная молчаливая очередь. В ней были русские, украинцы, поляки, чехи, латыши, эстонцы — люди «двунадесяти языков».

В конце огромного коридора, за длинным столом сидели члены проверочной комиссии по переселению в США.

Это была последняя проверка документов. Сразу же выдавали номера на пароход.

До этого люди были уже не раз тщательно опрошены и проверены, были сосчитаны зубы, исследована кровь, взяты оттиски пальцев, рентгеновские снимки легких, выявлено родство, национальность и прочее. Назавтра предстояла погрузка на пароход.

У выхода из казармы было расставлено несколько небольших столиков, а на них лежали аккуратно сложенные стопки брошюр и Новых Заветов на разных языках.

Группа верующих евангельского исповедания, в числе которой был и я, предлагала эту литературу каждому.

Запасы литературы подходили к концу. На столе уже почти ничего не оставалось и я скорбел, что так мало мы имели в запасе книг Священного Писания.

Проталкивая локтями очередь, к нашим столам настойчиво пробирался ксенз. Он был взволнован. Покрасневшее круглое, лоснящееся блеском его лицо, искрящиеся гневом глаза, дрожащие выхоленные пухленькие руки — все говорило о том, что ксензу не нравилось наше служение. Он решительным шагом подошел ко мне и, размахивая Евангелием, надрывно выкрикивал:

— Кто разрешил вам раздавать людям московскую пропаганду?

— Это Евангелие Господа нашего Иисуса Христа, — ответил я. — Отпечатано в Лондоне. Смотрите.

Я открыл ему титульную страницу Евангелия, но ксенз смотреть на нее не захотел.

— Безбожники! — выкрикивал его петушиный голос.

— Не угашая своего пыла, ксенз вел допрос:

— Кто разрешил вам раздавать московскую пропаганду?

— Начальник лагеря, — ответил я.

— Хорошо, — спокойно сказал полицейский, стоявший за спиной ксенза. — Мы узнаем.

Маленький, толстенький, крикливый ксенз повернулся кругом, словно по команде и, мелькая белоснежным накрахмаленным воротничком на толстой шее, затерялся в толпе.

Больше я его не встречал.

Через минуту к нашему столу подошел стройный черноволосый парень. Он небрежно бросил на стол Евангелие, которое мы дали ему несколько минут назад. Парень недовольно пробурчал:

— Фанатики... Дурманите людям головы. Возьмите!..

Я посмотрел на молодого парня с красивыми темными глазами и мне стало его жалко. Хотелось сказать ему во след:

— Вернись, возьми с собой эту спасающую книгу. Она будет тебе нужна.

Утром в барачных общежитиях загорелись огни раньше обыкновенного. Люди готовились к отправке на пароход. В коридорах стояли шум и оживительный говор. Настроение у людей было веселым: впереди мерещилась желанная и долгожданная богатая Америка.

Собираясь в далекий путь, люди проверяли свой ручной багаж и тут же ненужное выбрасывали в бочки, расставленные в коридорах.

Среди старой поношенной обуви, разбитых чашек, закопченных кастрюль и котелков, среди прочего домашнего скарба я видел выброшенные людьми Новые Заветы, полученные от нас накануне.

На сердце было тяжело от сознания, что многие славяне непочтительны к Слову Божию, к Евангелию. Они хранят месячные запасы мыла и яичного порошка, хранят затасканные колоды карт, с которыми прошли по многим лагерям, а вот для Евангелия в их чемоданах не нашлось места.

В коридоре я поднял несколько Евангелий на русском языке. Они лежали в углу, возле бочки, среди мусора. Эти книги я взял с собой на пароход.

Во дворе лагеря меня встретил знакомый литератор:

— Ну, как дружище? Отплываем? По морям, по волнам... — говорил он потряхивая мою руку.

Когда мы вместе стояли в очереди на погрузку в грузовик, литератор заметил у меня пакет с книгами и спросил:

— А это что у вас? Небось, уже словарями обзавелись?

— Это Новые Заветы. Хотите, я подарю вам одну книгу.

— Евангелие? Не стоит. Скучная книга, **как** и все выдумки.

— Читали?

— Когда-то читал. А в Бога я-то, конечно, верю, — поправился литератор.

— Откуда же мы знаем о Боге, если не из Писания? — спросил я.

— А что нужно знать о Боге? Бога надо признавать и это все, что требуется от порядочных людей.

В вагоне, на пути к пароходу, я попробовал продолжать разговор с литератором о Боге, но **он** каждый раз уклонялся от этой темы.

14 ноября, ровно в полночь, пароход «Генерал Тейлор» внезапно вздрогнул и глухо загудел. Спустя несколько минут наши подвесные кровати заметно качнулись. Пароход отшвартовался и взял курс на Америку.

На рассвете, когда пароход был вблизи берегов Англии, поднялся сильный ветер. Шел крупный дождь. Пароход отчаянно качало. Меня начало тошнить и я с трудом поднялся на палубу. На ступеньках лестниц сидело множество пассажиров с белыми мешочками наготове, которыми нас не забыли снабдить в Бремене на случай рвоты.

Густой порывистый ветер не давал открыть двери на палубу, а когда мы их все таки открыли, пред нами предстали стеною беловерхие волны. Они били в судно, бросая его, как щепку. Лицо обжигали соленые брызги.

Я стоял на палубе, держась за канат, протянутый для безопасности. На востоке прояснялось темное небо.

— Осторожно, — крикнули мне два матроса по-английски.

гибаясь, они спешно несли носилки. Их голоса тонули в шуме бушующей стихии.

Я последовал за матросами. У кормы, держась за канат, стояло несколько пассажиров и эмиграционный чиновник. На полу неподвижно лежал человек. Дождь хлестал по его мокрому, обращенному к небу, его рот был полуоткрыт, словно он хотел что-то сказать. Мокрый ветер безжалостно трепал его густые черные волосы.

Я подошел ближе и взглянул на его лицо как раз в тот момент, когда матросы укладывали его на носилки. Это был тот молодой парень, который два дня тому назад в Бремене бросил на стол Евангелие и гневно мне сказал:

— Фанатики!..

К обеду всем стала известна история смерти молодого человека. Он страдал морской болезнью. Друзья ему посоветовали выйти на палубу. На палубе он не устоял под напором ветра и упал навзничь. Он ударился головой о железную решетку. Матросы нашли его мертвым.

Днем я несколько раз выходил на палубу. Мокрый морской ветер обдавал мое лицо свежестью. Над океаном ярко сверкала голубая чаша неба. Две тучки, обгоняя одна другую, быстро плыли по небу. Украшенные золотистыми лучами солнца, они были несказанно красивы. И я думал: не оторвались ли эти тучки от огромной стены облаков где-нибудь над Брянском? И теперь ветер несет их к берегам Флориды. Им, тучкам, не нужно ни виз, ни билетов, ни аффидевитов. Границ тоже не существует.

В это время ко мне подошел литератор.

— Пойдем в столовую, — сказал он. — Подзарядимся, а потом будем мечтать.

Литератор о морской болезни не имел представления. Он ел с таким аппетитом, будто пришел на пароход из 1933-го голодного года.

Когда начался разговор о роковой смерти молодого пассажира, я сказал ему:

— Вот вам тема для рассказа. Парня ожидала в Чикаго невеста. Планы были готовы, но Бог сказал: «Нет». Всему пришел конец. А только два дня тому назад, Господь звал его через Евангелие и он не принял этот зов.

— Я не люблю такие темы, — пробурчал литератор, очищая тарелку куском белого и мягкого, как ва-

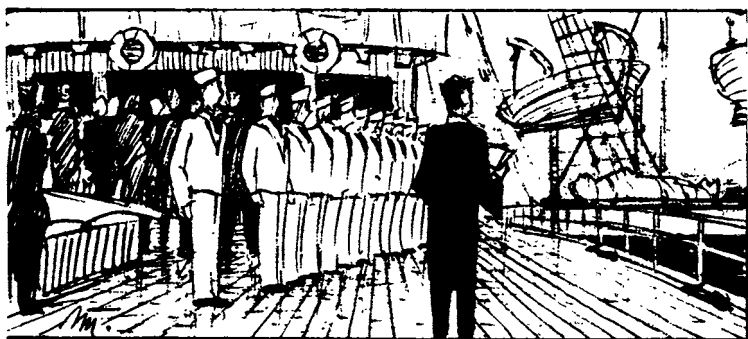
та, американского хлеба.

После обеда мы снова поднялись на палубу. Ветер дул умеренно. Неугомонно кричали прожорливые чайки. У бортов стояли толпы любопытных пассажиров. На палубе внезапно появились матросы, одетые в парадную форму. Пароход перешел на тихие обороты и вскоре остановился.

— Что это значит? — спросил я у знакомого?

— Разве вы не знаете? Будут хоронить того человека, что поскользнулся на палубе...

Тело, зашитое в белый мешок, матросы подняли на палубу на носилках. Два матроса привязывали к мешку цементную глыбу, другие укрепляли на борту доску для спуска тела. Вскоре пришел молодой капеллан. Личный состав карабля выстроился в ряды. На палубе установилась непривычная кладбищенская тишина. Капеллан открыл Евангелие и начал читать по-английски:

«Блажен и свят, имеющий участие в воскресении первом: над ним смерть вторая не имеет власти... Тогда отдало море мертвых в нем, и смерть и ад отдали мертвых, которые были в них; и судим был каждый по делам своим».

Я стоял у борта рядом с литератором. Он весь был погружен в раздумье и на его высоком лбу обозначались густые линии складок. Наклонив голову, он посмотрел за борт. Несмотря на безветрие, там кипел океан. Изредка поскрипывали снасти.

Окончив чтение, капеллан говорил о воскресении мертвых. Затем раздалась команда капитана. Над умер-

шим склонили американский многозвездный флаг. Под действием груза белый мешок бесшумно скользнул по доске и бесследно исчез в пучине океана.

Тотчас загудели машины. Набирая скорость, пароход взял свой курс. Над пароходом плакали чайки, бросались в его пенистый след, выискивая добычу и снова взмывали в небо.

Поздно вечером в толпе, бесцельно снующей по палубе, я заметил литератора.

— Вы знаете, — сказал он, — после этого случая, что я был свидетелем, у меня вдруг пропал интерес к политике.

— Почему? — спросил я.

— Жизнь наша уж больно коротка. Мир не переделаешь, жизни не хватит, а вот о своей душе подумывать надо.

— Это верно, — согласился я. Бог вам в помощь.

— Кстати, нет ли у вас лишнего Евангелия? — смущенно спросил меня литератор.

— Надо бы кое-что там посмотреть, а я, знаете, не прихватил с собой...

И он охотно принял от меня Новый Завет, который я нашел в бременской казарме.

В Нью Орлеане мы расстались друзьями.

ИВАН СЛЕДОПЫТ

Поэма

Братья,
Следует
Всем покаяться!..

Выпал дождик на луга,
На шелка отавы.
За селом ребячий гам
Всколыхнул дубравы.

Васильковые поля —
Синие узоры.
Пела русская земля,
Реки и озера.

Рощи, пашни и луга,
Большаки, тропинки.
Сена свежего стога
Будто на картинке.

Солнце красило леса,
Теплоту даруя.
Голубые небеса
Пели аллилуя.

Там и я когда-то жил,
Слушал голос звонкий.
Там я первый стих сложил
О родной сторонке.

Там я пас коней в ночном.
Хлюпали копыта...

.

Вот отсюда мы начнем
Сказ про Следопыта.

Он ровесником был мне,
Да и вам, быть может.
И не раз, не два во сне
Он меня тревожил.

— Ты сложи, — он говорил
В назиданье песню.
Я с тобою вместе жил,
Все тебе известно.

Жребий всем нам свыше дан
И родные дали.
Ваня, Ванечка, Иван —
Так мальчишку звали.

С крыш он падал много раз
И с деревьев падал.
Подобьет, бывало, глаз —
Будто так и надо.

Слов соседа старика
Ваня не забудет:
— Пусть он падает пока,
Значит, крепче будет.

Ване было хорошо:
Лес, луга и речка...
Так девятый год пришел
На его крылечко.

Школа, школа! Первый день.
Шум в просторном классе.
На дворе ребячья звень
Мирно улеглася.

На уроке долог час,
Перерыв короток.
Шли войною класс на класс,
Рота шла на роту.

А учитель в стороне
Говорил, вздыхая:
«Значит, скоро быть войне,
Коль игра такая.»

Ваня спрашивать любил
Сызмальства о многом:
Кто до нас на свете жил?
Видел ли кто Бога?

Хмуря брови, старый дед
Объяснялся просто:
— Мы пришли на этот свет
Как бы, значит, в гости.

— Что, да как? Зачем, когда? —
Я, сынок, не знаю...
У тебя, знать, борода
Будет вот такая.

— Создал мир великий Бог,
А людей — для рая.
Много в жизни есть дорог,
Но одна — прямая.

Слушал Ваня — настеж рот —
Новый мира житель...
— Дед, а нам наоборот
Говорил учитель.

Дед с тревогою не раз
Речь иную слышал.
«Из Москвы, значит, указ
Против Бога вышел...»

Говорил дед сам с собой,
Почесав затылок:
— Что-то Ваня, внучек мой,
Стал уж больно пылок.

Дед любил поговорить
Неподдельным тоном:
«При царе, Ванюша, жить
Было не легко нам».

«Я батрачил у людей,
Знатных и богатых.
Так и жил твой дед Фаддей
Без коня, без хаты.

Много видел на веку
И скорбей, и плача,
Только Бог мне, старику,
Жизнь переиначил.»

Все слова его вместить
Внук не мог, хоть тресни.
Ване некогда грустить,
Если рядом песни.

2.

Дремотный вечер сел на огород,
В садах давно покрыла тень дорожки.
У клуба под гамонику поет
Герой села, комсомолист Тимошка.

Разносит ветер песню по кустам,
Ее поют задористо и смело,
Что нету Бога, не было Христа
И вообще пустое это дело.

У магазина очереди хвост
Обвил стену и завернул за угол:
Из города в село доставлен холст
И чертокожа, черная, как уголь.

Луна светила лучше фонарей,
В тени, под липой, собирались девки.
А по селу смелее и бодрей
Кололи воздух новые припевки.

«Небывалую победу
Новый строй для нас принес.
Не послушались мы деда,
Записались в колхоз.

«Наша жизнь теперь иная,
Нет буржуев и попов.
Пусть от края и до края
Вьется флаг большевиков.

«Край советский нынче волең,
Строим школы и мосты.
Мы с церковных колоколен
Сбросим на землю кресты.

«Комсомол шагает в ногу
Год за годом, день за днем.
Что молиться? И без Бога
Каким-нибудь мы проживем».

**
*

И не поют в селе колокола,
Попов угнали далеко, на стройки.
Им тоже за минувшие дела
Пришлось платить народу неустойки.

Веками люди жили, как в ночи
И о спасеньи ничего не знали.
Обряды, мощи, стружки, кирпичи
Откроют людям Истину едва ли.

Но дед Фаддей умел иначе жить,
Не поклонялся мертвому ваалу.
Оставил пить, ругаться и курить,
И все село сектантом деда звало.

И внук любил послушать старика,
Его наказания в памяти слагая.
И так проходит через все века
Евангельская Истина благая.

Эту песню давно мы не пели,
Я на память ее приберег.
Загрустили зеленые ели
По обочинам снежных дорог.

По утрам, когда топят печки
И мороз по душе молодым,
К небесам, словно синие свечки,
Поднимался над крышами дым.

Над тропами играла пороша,
Заметала проложенный след.
Под тяжелой житейскою ношей
Нивсегда спотыкнулся и дед.

Он кряхтел на согретой лежанке,
Отживая последние дни.
От былой молодецкой осанки
Только кости остались одни.

Наше сердце не любит разлуки,
Каждый год
Под рождественский звон,
Сыновья приходили и внуки
К старику на семейный поклон.

Он однажды спокойно и строго
Им прощальное слово сказал.
Внук Ванюша стоял у порога,
На щеке серебрилась слеза.

О дети, мои дети,
Пришел и мой конец.
Теперь на этом свете
Я больше не жилец.

Я прожил сто четыре —
Уже не малый срок...
Я много видел в мире
И вам даю урок:

Сыны мои и внуки,
Слаба земная нить...
Отдайтесь Богу в руки,
Он будет вас хранить.

Спаситель, Бог наш, вечен,
Хоть Он теперь не зрим.
Я жду счастливой встречи
С Наставником моим.

Так верьте, верьте в Бога,
Вам то-ж Спаситель дан.
Ведет моя дорога
В Небесный Ханаан.

3.

Жизнь попрежнему текла,
Как течет сегодня,
Но немногих привлекла
Благодать Господня.

В деревнях гармонь опять
Заливлась рьяно.
Приглашали подпевать
Песенки Демьяна.

Надрывалась песней грудь.
Флаг над клубом алый.
Отвергая Божий путь,
Молодежь гуляла.

Что пророки? Наш Ильич
Заповеди дал нам.
И гремел партийный клич
Над страной органом.

Ваню в клубе не видать, —
Там бывал он редко.
Он с отличием, на пять,
Кончил семилетку.

Ну, а дальше? Мать, отец
Могут ли перечить?
— Ваня, парень молодец, —
Шли такие речи.

Так прошло 16 лет, —
Время быстро мчится.
На рабочий факультет
Он ушел учиться.

— Ты, там, Ваня, не зевай, —
Говорили люди.

— Все, как следует узнай,
Долго ли так будет?

— Почему велик заем,
А гвоздей так мало?
Мы встречать тебя придем
Прямо на вокзале.

Он не раз нужду встречал,
Но терпел без стона.
Днем учился, по ночам
Разгружал вагоны

На село писал, что мог,
Утешал словами:
«Ваш я, братцы, видит Бог
Дружбу между нами.»

Он писал им про заем,
Так, мол, все и этак..
Дескать, лучше заживем
После пятилеток.

4.

Третий год к концу пришел
Юности кипучей.
Все бы было хорошо,
Если бы не случай.

Как-то раннею порой —
Ване телеграмма:
«Приезжай скорей домой,
Умирает мама...»

Как иглой кольнуло в грудь,
Душу боль связала.
Следопытов сразу в путь
С первого вокзала.

Как на крыльях поезд нес
К Старым Хатам ближе.
В голове один вопрос:
Маму я увижу ль?

Поезд стал. Угрюм перрон.
Дорогие, где вы?
На душе — тревожный звон,
Грустные напевы.

Ваня шел к закату дня,
Словно гнали сзади.
Вот изба. В слезах родня,
Тети все и дяди.

На кровати желтый лик,
Близкое, родное...
И не вымолвит язык
Слово иль другое.

— Сын мой, сын, — сказала мать,
— Ты ли это? Ты ли?...
Но сыночка ей обнять
Не хватало силы.

Ваня к матери припал
И всплакнул немного.
— Мой сынок, еще ты мал...
Не забудь о Боге.

— Он Один тебя поймет,
Он Один поможет...
А лицо у мамы — лед,
Руки мамы — тоже.

Расставанья горек час,
Каждый знает это.

Смерть охотится на нас
И зимой, и летом.

Кто терял отца, иль мать,
Дочку или сына,
Тот, конечно, будет знать,
Как горька кручина.

Сердце выплачет не раз
Капли слез горячих.
Смерть диктует свой указ,
Не поможешь плачем.

Но для тех, кто ждал и ждет
Чудо воскресенья,
Смерть есть только переход
В Божии владенья.

Над землей висел туман,
Словно жизни горечь.
Звали мальчика Иван,
А теперь — Петрович.

На лице пушок густой
Незаметно вырос.
Ведь не скажешь: «Эй, постой,
Время, подожди нас!»

Дни пришли и дни ушли,
Дни, как свечи тают.
И чего-то для души
Парню не хватает.

У него один вопрос
Не давал покоя:
Кто на землю жизнь принес,
Кто весь мир устроил?

Коль материя слепа,
То и люди слепы.
Не с того ли жизнь не та,
Что была при НЭПЕ?

Не поэтому ли нас
Грех сосет до боли?
Мы воюем класс на класс,
Как бывало в школе.

Что и как — узнать нельзя
В лекционном зале.
Следопытова друзья
Следопытом звали.

Видел он: науки свет
В массы проникает,
Но чего-то все же нет —
Правды не хватает.

Следопыт любил базар,
Там бывал, как дома:
Хлеб, картофель на возах,
Сено и солома.

На базаре говор, смех,
Топят в водке души.
Следопытов был из тех,
Кто любил послушать.

Как-то в ярмарочный день,
Будто всех созвали,
Люди разных деревень
Были на базаре.

Кто купить, а кто продать —
Есть нужда такая.
И повозкам не видать
Ни конца, ни края.

Следопыт проходит ряд,
Где людей потоки.
О каком-то говорят
Старике — пророке.

Он беседует с толпой
О возврате к Богу.
За белесой бородой
Спрятана тревога.

— Ты скажи нам старина, —
Спрашивали люди, —
Скоро будет ли война,
Что на свете будет?

«Расскажи нам, кто ты, чей? —
Мы с тобой поплачем...»

-- Ах, родимые, зачем?
Просто... Раскулачен.

--- Не везет сегодня нам,
Царь наш больно грозен.

.....

Посмотрев по сторонам,
Дед запел сквозь слезы:

«Солнце льет теплынь
В сердце старое.
Был и внук, и сын,
Да не стало их.

Я имел свою
Хатку белую.
А теперь живу
Только верую.

Все изведано,
Так уж водится:
Что посеяно —
Жать приходится.

Знать, дела плохи, —
Не поправятся.
За свои грехи
Надо каяться.

Больше жить-то мне
Здесь не хочется.
К голубой стране
Дух возносится.

Знать душа моя
Не зароется.
Во Христе она
Успокоится.

Будет птицею
И угодницей.
Знать, милиция
Не угонится.

Бог наш ведает
Сколь нам маяться

Братья, следует
Всем покаться!..»

Слушал люд и каждый нерв
Трогал голос деда.
Но допеть милиционер
Песню так и не дал.

Вмиг притих базарный смех
И вокруг — не тесно.
Следопытов больше всех
Был затронут песней.

Он закрыл свои глаза
И слеза блеснула.
Надвигалася гроза
Над базарным гулом.

5

Пришла весна. Цветет сирень.
На сердце сладость мая.
И солнце в этот теплый день
Лучами обнимало.

В садах чижи, в садах грачи
Веселой жизнью жили.
По тротуарам москвичи
На фабрики спешили.

Качал весенний ветерок
Листвой зеленой сада.

Есть каждый день для нас урок,
Учить который надо.

И не заметил Следопыт,
Как время пробежало.
Опять экзамен предстоит,
— Профессорское жало.

Гармонь попрежнему поет
Про вечер у околиц,
Но днем и ночью напролет
Сидит Иван Петрович.

Он побледнел и похудел,
Весь мир как будто замер.
Ведь через несколько недель
Решительный экзамен.

Вставали матери слова,
В душе росла тревога.
И может быть не раз, не два
Он вспоминал о Боге.

И Бог помог. Иван был рад:
Экзамен сдал отлично.
Да вот беда — в военкомат
Потребовали лично.

Ведь не всегда бывает так,
Как мы того желаем.
В саду красноголовый мак
Прощался с теплым маем.

Пришел июнь. Вдруг, над землей
Войны взметнулся пламень.
И Бог сказал: Иван, стой,
Еще один экзамен.

Мрачнел лиловый горизонт,
Дым завивался в кольца.
И Следопытова на фронт
Угнали «добровольцем».

6

Загудели самолеты над землей,
Дни и ночи не стихает жаркий бой.

Мечут бомбы, зажигают города.
Над Россией — небывалая беда.

Силы армии немецкой велики,
В плен сдавались советские полки.

Сдали Минск, Бобруйск, Карачев, Могилев,
Сдали Гомель, Новозыбков, Рогачев.

Все бросали на съедение врагу,
Русь опять перегибалась в дугу.

За свою ли, за чужую ли вину
Люди падали от голода в плену.

Очумевшие от расовых идей,
Немцы грабили и вешали людей.

И сказал тогда обманутый народ:
— Нет, вражище, этак дело не пойдет!

— Мы намнем тебе как следует бока,
Чтобы помнилось на долгие века.

— Не свернуть тебе с дороги никуда,
Не уйдешь от справедливо суда!

В деревнях мы будем бить тебя, в лесах,

.....

И победа закачалась на весах.

По болотам, через реки, через рвы
Отступали немцы вскоре от Москвы.

Но опять они продвинулись на юг,
Над Кремлем висел попрежнему испуг.

Украину и Кавказ не удержав,
Сталин в Куйбышев со свитой убежал.

Был он ласков, был он нежен, даже мил,
Никогда он так с людьми не говорил.

— Ты, рабочий и крестьянин, друг и брат,
Ключ к победе не Москва, а Сталинград.

— Поднажмитесь, поднатужьтесь-ка, друзья,
Отступать теперь решительно нельзя.

И тогда раздался вдруг со всех сторон
Над открытыми церквями перезвон.

Под угрозой испытаний и тревог
Даже Сталину понадобился Бог.

Зазвонили, завопили неспроста:
«Помогите нам, кто верует в Христа!»

Словно море, всколыхнулася до дна
Богатейшая заморская страна.

Корабли, сверкая мачтами, поплыли,
А на них — оружие, хлеб, автомобили.

Надломились немцы, дрогнуло ура,
И для них пришла тяжелая пора.

Ну, а как Иван Петрович Следопыт?
Был он ранен, иль контужен, иль убит?

Много раз он был под яростным огнем,
Но молился кто-то Богу и о нем.

7.

Война, война,
Твой голос — гром.
Язык войны — огонь.
И не с того ли за бугром
Заплакала гармонь.

Шептали тихо старики:
«Мы знали, будет так».
Редели русские полки
От вражеских атак.

По всей стране переполох,
Земля огнем горит.
На поле битвы только о-о-х
Протяжное стоит.

Я слов сегодня не найду
О тех, кто был сражен,
Кто вспоминал тогда в бреду
И матерей, и жен.

Мы все отвагою полны
Пока не грянет гром
Пропел снаряд — и сразу мы
Ложимся кверху дном.

Там вспоминал Иван слова,
Что часто вторил дед:
«У смерти есть свои права,
У человека — нет».

Однажды ахнул Следопыт:
Втесалась пуля в бок.
Но кто от смерти защитит,
Коль не великий Бог?

И кто на помощь к нам придет
В тяжелый жизни час?

Кто нам слезу с очей отрет
И кто утешит нас?

— Услыши, Боже, помоги...
Я больше не могу...
А рядом парень без ноги
На втоптанном снегу.

Иван на помощь мать зовет,
В очах туман иль дым?
Вдруг слышит: мать его поет,
Как будто рядом с ним.

Христос не обидит,
Подумай о том,
Что он тебя видит
Под этим кустом.

Есть сила в молитве,
В сердечном прости.
Бог может и в битве
От смерти спасти.

Молись же сердечно,
Сынок мой, молись.
Бог силой предвечной
Спасет твою жизнь.

Спасительной кровью
Ты будешь омыт.

.....
Молись же сегодня,
Молись, Следопыт.

Вдруг голос замер и покой
Разлился на душе.
А здесь всего подать рукой
До вражеских траншей.

И снова командирский зык:
— За родину! Ура!
У Следопытова язык
Проглатывал слова.

«Господь, помилуй, помоги,
Дай мне на ноги встать...»
Во тьме кочующей пурги
Дороги не видать.

Утих артиллерийский гул,
Но в голове угар...

.....
Он ранен? Иль навек уснул? —
Подумал санитар.

В глазах темно и Следопыт
Понять уже не мог:
Быть может это смерть стоит,
Стоит у самых ног?

— Крепись, боец, и мы пройдем,
Крепись, мой юный брат...
И на шинели, под огнем
Его снесли в санбат.

Лежал в вагоне Следопыт,
Горела грудь от ран.
Но не был Господом забыт
Простреленный Иван.

В вагоне бред, проклятье, стон,
Мучительный недуг.
А санитарный эшелон
Вез раненых на юг.

Иван с постели не вставал
И думалось все так:
«Жизнь человека, как трава,
Иль как цветущий мак.

Жизнь, как трава: сегодня есть,
А ветер дунул — нет».

И вот он на 5 тысяч мест
Ташкентский лазарет!

Рождались мысли, словно рой,
В очах — родная мать.
Он в лазарете с медсестрой
Любил потолковать.

Прошло томительных недель
Не две, не три, а шесть.
Ему больничная постель
Успела надоесть.

Нам чудо Божье не понять:
Иван вполне здоров!

И он теперь готов обнять
Сестер и докторов.

Небесной правды вечный глас
Идет через века:
Не доктора спасают нас,
А Божия рука.

О светлый, розовый рассвет,
Я гимн тебе сложил:
Кто говорит, что Бога нет?
Я знаю: Бог мой жив!

**
*

Больничный сад дождем омыт
И снова в форме Следопыт.

В саду больничном дремлет тишь.
Куда же ты, Иван, спешишь?

«Нельзя сегодня опоздать,
Я приглашен сестрой на пять».

Война, война, а в сердце май.
Звенит по улице трамвай.

Вот он за угол повернул,
Мелькнул угрюмый саксаул.

Пустынный парк. А вот и дом.
Туда, читатель, мы войдем.

В домишке чистеньком уют
И там в полголоса поют.

О чем? Все сразу не понять
Сестра встречает, будто мать.

— Садись, наш брат, и не скучай,
Я пригласила всех на чай.

Мы все — друзья, мы все равны,
Мы все страдаем от войны.

Пристав почетно за столом,
Старик прочел один псалом.

И, познакомившись мельком,
Сел Следопыт со стариком.

Старик поведал о былом:

«И вот, вхожу я, значит, в дом.

Устал. По зимнему пути
Мне сорок верст пришлось пройти.

Вхожу я в дом, а там людей...
(А голос — будто дед Фадей).

Людей там было, как сказать,
Душ может двадцать, двадцать пять.

Уж я хотел было назад,
Мне говорят: «Постой, солдат...»

Я, значит, с фронта шел домой.
Сажусь. Мне это не впервой.

Но вижу, что-то тут не так.
Мне б самогона на пятак...
А здесь поют и стар, и мал,
Таких я песен не слышал.

Поют о горнем, о святом
И про Небесный Отчий Дом.

Хотел я встать, уйти назад,
А мне опять: «Постой, солдат».

Я говорю: ищу ночлег,
Далек мой путь и валит снег.

«Вот здесь ты будешь отдыхать», —
Мне указали на кровать.

И я остался. Кто-то встал
И внятно Библию читал.

Он говорил: «Нас любит Бог».
Понять я все тогда не мог.

Но песня тронула в груди:
«О, грешник, к Господу приходи».

И с той поры я стал не тот.
То был четырнадцатый год.

И вот уж двадцать восемь лет
В моей душе не гаснет свет.

А вот и внучка, лучших нет,
Христа познала с юных лет».

Иван взглянул. Смиренный лик
Красивой девушки поник.

Ну, а потом, как кончил дед,
Сестра устроила обед.

Иван смущен немножко был,
Но вскоре всех он полюбил.

Он за обедом слово взял
И по порядку рассказал.

О том, что жив он неспроста,
О том, что верит он в Христа.

Потом взяла гитара тон,
(У внучки голос — чистый звон).

Иван слова ее ловил,
Как будто воду жизни пил.

Он пил с Господнего стола.
Навек запомнились слова:

«Возьми меня отныне
И впереди
По жизненной долине,
Господь, води.

Не мог бы я тропюю
Твоей идти,
Но если Ты со мною,
Я тверд в пути».

Иван вернулся в лазарет,
В его глазах небесный свет.

В своем блокноте записал:
«Нашел я то, чего искал».

Там адрес вывела рука,
Писала внучка старика:

«Я каждый день и каждый час
В молитвах буду помнить Вас.

Скорей бы кончилась война...
Пишите. Зина Фомина».

8.

Ташкент устал и сладко спит.
Рассвет истречает Следопыт.

И снова день, и снова гул
И паровозный рык.
В саду шептался саксаул
И ворковал арык.

На небе таяла заря,
Просвечивала высь.
И, словно три богатыря,
Три тучи разошлись.

А как же фронт? Дела плохи.
Не виден поворот.
— Несем расплату за грехи, —
Говаривал народ.

Бог мир привел на строгий суд,
Потребовал отчет,
Но только люди не поймут,
Пока не припечет.

Был скуден карточный паек
И невелик запас.
Далек, иль может недалек
Освобожденья час?

Никто не знал, когда отбой
Труба всем протрубит.
И снова фронт, и снова в бой
Был брошен Следопыт.

Тот край, что был ему так люб
Стал жертвою огня.
А там, где был колхозный клуб,
Дымилась головня.

Знать, совершилось неспроста,
Как дед нам говорил:
За поругание Христа
Несет расплату мир.

Приказ был отдан по войскам:
Пробить на запад брешь!
А враг цеплялся тут и там,
Чтоб удержать рубеж.

Он сыпал градом пуль и мин,
Весь полк в кольце огня.
За деревушку Красный Клин
Шел бой четыре дня.

Четыре дня в огне земля,
А лес, как бритвой сбрит.

— Господь мой,
Сохрани меня, —
Молился Следопыт.

Освободить не просто так
Земли родимой пядь.
Ведь немец восемь контратак
Предпринимал опять.

Но вот прорыв! И путь открыт,
И нет бетонных стен...

А в это время Следопыт
Попал в немецкий плен.

Длинна для пленного верста,
Тяжел его урок.
Но тем, кто веруют в Христа
И плен послужит впрок.

9.

На запад гнали серый строй,
Ковром садилась пыль.
Над каждой пройденной верстой
Слезу роняла боль.

Жандармы с обликом горилл,
Как демоны в строю.
Друг, умирая, говсрил:
— Ты, Следопытов, был мне мил,
Возьми шинель мою...

Возьми... А мне уж не дойти.
Твой друг отвоевал.
Должно быть этот на пути —
Последний мой привал.

Конвой покрикивал, спеша:
«Лос, русен швайне, шнель!..
У Следопытова в ушах:
«Возьми мою шинель».

Пригнали поредевший строй
И бросили в барак.
А там опять сирены вой
И баланды черпак.

Труд на заводе был тяжел,
Солен немецкий «брот».
Так сорок третий год прошел,
Голодный, страшный год.

Сбежать бы прочь куда-нибудь,
Да стены, как гранит.
Как ни тяжел житейский путь,
Спаситель нас хринит.

Для Следопыта нольный свет
Закрыт со всех сторон.
Но каждый день Новый Завет
Читал в бараке он.

Когда кругом косила смерть,
Он верой в Бога жил.
Он каждым словом о Христе,
Как хлебом дорожил.

Так 45-й грянул год:
Атаки, бомбы, дым...
И на востоке небосвод
Стал бледно-голубым.

Угас немецкий грозный дух,
Война уже не та.
И по баракам ползал слух:
«Варшава занята».

Писали мелом на стене:
«В плену последний май!»
Сам маршал Конев на коне
Форсировал Дунай.

Конец войне. Победный пыл
Принес на запад Клей.
И он весною переплыл
Ламанш Па-де-Кале.

Подстреленный метался враг,
Был фюрер сам не свой.
И Рокоссовский поднял флаг
Над занятой Литвой.

Пришли советские войска:
В бараках веселей.

Но ветер радость расплескал
Слезами по земле.

В медалях груди,
Победный шаг.
Раскат орудий
Гудел в ушах.

Земля внимала
Той славе дней.
Восьмое мая —
Конец войне.

Всевышний бурю
Остановил.
Немецкий фюрер
Свой яд испил.

Последний раунд
Он вел, как трус.
И Ева Браун
Сказала «шлюс».

Все рады были
И ведь не зря:
Освободили
Концлагеря.

На желтом взгорке
Пред сотней глаз
Василий Теркин
Пустился в пляс.

Под гул оваций
Заныла грудь.
Репатриаций
Боялся люд.

Команда четко:
«Закрыть вагон!»
Окно — решетка
Со всех сторон.

Для вражьих классов
Пощады нет!
И первым Власов
Понес ответ.

И поезд тронул
И канул в тьму...
Пошли вагоны
На Колыму.

О, как сегодня
Душа болит.
Ведь в том вагоне
Был Следопыт.

10

Далек, далек Воркутский край.
Терпи, страдай и умирай.

Немало найдено причин
За что и почему
Иван Петрович получил
«Путевку» в Колыму.

Он не один. Их много, тех,
Что под землю спят.
Ведь в пятьдесят восьмой статье
Есть пунктов пятьдесят.

Там летом не растут цветы,
Трещит мороз зимой.
— Изменник ты! Предатель ты! —
Покрикивал конвой.

Иван молился и терпел,
Он знал: защита — Бог.
Об Иисусе гимны пел,
Какие только мог.

Ходил в строю на лесовал
Под оружейный звон.

Мороз безжалостно ковал
Природу, как в бетон.

Молчал нахмурившийся лос,
Под снегом мерзлый лист.
А здесь с ружьем наперевес
Охранник — эмведист.

Иван Петрович постарел,
Осунулся, зарос.
Он не роптал на тот удел,
Что дал ему Христос.

На кухне суп — одна вода,
Барак — холодный гроб.
И как ни тяжела судьба,
Не ляжешь сам в сугроб.

Никто страданиям не рад.
Кругом снега, да глушь.
Воркута — Гефсимандский сад
Для верующих душ.

Иван Петрович жить устал,
Работа тяжела.
Но вера в Господа Христа
Попрежнему жила.

Он был товарищ, брат и друг
Для всех, кто верой жил.
На нарах, сидя в полукруг,
Спокойно говорил:

«В страданиях плавают сердца,
Тернист наш узкий путь.
Вблизи Небесного Отца
Есть место отдохнуть».

А рядом кто-то говорит:
«Мы терпим здесь не зря.
Придет пора — шталаг сгорит,
Сгорят концлагеря».

— А ждать-то сколько?
Год иль два? —
Спросили в стороне.

.....

— У нас отняли все права...
— Мы не нужны стране.
— Вот отравить бы этих псов,
Да ружья в руки взять.
— Вокруг немало тут лесов,
Да трудно убежать.
— Позвольте, братцы, мне опять
Сказать, пока я жив.
— Придет пора, придет, как тать,
Изменится режим.
— Где революция и месть —
Неправильный итог.
— Пусть знают все,
Что правда есть,
А эта правда — Бог.

Так раздавались голоса
В бараке перед сном.
А за окном шумят леса,
И волки за окном.

А за окном горят огни
И проволоки ряд.
И так проходят ночи, дни,
И так года летят.

А за окном снегов постель,
Висит седой туман...

Об Искупителе Христе
Рассказывал Иван.

А на рассвете вновь подъем,
В лесу тяжелый труд.
В строю шептались: мы умрем,
Пока настанет суд.

Но знал и верил Следопыт:
Не стоило тужить.
Кто кровью Господа омыт,
Тот вечно будет жить!

Утро...

Подъм.

Построение.

— Стройся в колонну по шесть!

— Господи,

Дай мне терпение

Трудности все перенести.

Небо свинцовыми тучами

Солнце закрыло опять.

Господи,

Как нам наскучило

Час на проверке стоять.

Вышел походкой гусиною

Строгий начальник вперед.

— Номер такой-то, на линию —

Страж басовито орет.

Как? Неужель Следопытова?

Да.

Не свобода ли ждет?

А у охранника сытого

Наготове пулемет.

Утро туманилось раннее.

Жалко Ивана до слез.

Значит, о братском собрании

Кто-то начлагу донес.

— Ну, доходяга, рассказывай:

Сколько у вас заправил?

Мало вас в камерах газовых

Гитлер в Дахау травил!

Бросили в камеру темную.

Тело ломило от ран.

— Дай мне кончину достойную, —

Богу молился Иван.

— Ты нам очки не замазывай, —

Снова и снова допрос.

— Ну, доходяга, рассказывай,

Как тебя любит Христос?

И Следопыт не утаивал,
Все рассказал, не спеша.

У эмгебиста Катаева
Заговорила душа.

..

Года...
Тяжелые годы
Страданий и тревог.
От непосильного труда
Иван Петрович слег.

Он угасал, как уголек,
Из легких кровь струей.
— Теперь, — сказал он, — **недалек**
Желанный мой покой.

К нему пришли его друзья,
Склонились у нар.

— Запеть бы, братцы,
Да нельзя:
Услышит комиссар.

Но в сердце искренность тая,
Запели неспеша:

«Ведь мир не родина моя,
Ему чужда душа».

«Недалек, недалек
Страданиям конец.
Я слышу, вот уже зовет
На небеса Отец».

Барак молчит. Никто не спит.
Всем хочется домой.

Сказал чуть слышно Следопыт:
— Вы спойте, милые мои,
Еще про край родной.

Словами выразить нельзя,
Как слезы проглотив,
Запели братья и друзья
На сзой родной мотив:

«Последнее слово,
Последняя песня.
Пусть Истина Божья
Всем будет известна.

Мы будем молиться
Усердно и дружно.
Стране обратиться
К Спасителю нужно.

Мы верою видим
Небесные дали.
По верному следу
Мы с братом шагали.

От нас он уходит,
Сломили нажимы.
Но тысячи братьев
Останутся живы.

Они-то и скажут
Всем людям России,
Что есть избавление
В ранах Мессии.

Наш Друг, до свиданья,
Мы встретимся снова.

... ..

Последняя песня,
Последнее слово.»

Иван открыл свои глаза,
Но говорить не мог.
Стоят и братья, и друзья,
А ближе — вечный Бог.

Он тихо ноги протянул,
Был слышен мирный вздох.

А за стеною караул
Души не уберег.

ОТ АВТОРА

Теперь пришла пора и мне
Сказать немножко о себе.

Мне Следопыт по духу брат,
Когда-то был и я солдат.

И как его, в тяжелый час,
Меня Христос от смерти спас.

Его защита надо мной:
Прошла Воркута стороной.

Теперь от родины вдали
Смотрю с тоской на корабли.

Они плывут в мои края,
За ними песнь летит моя:

О люди-братья, краток час,
Господь сегодня любит вас.

И я теперь Христа молю:
Помилуй родину мою.

Веди меня с неверьем в бой,
Ты — впереди,
Я — за Тобой.

1953-65 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

ЖИЗНЬ, КАК ОНА ЕСТЬ — 5 — 252 стр.

ПОД КРОВОМ ВСЕВЫШНЕГО — 253 — 364 стр.

ИВАН СЛЕДОПЫТ — 365 — 400 стр.

**ДРУГИЕ КНИГИ Н. ВОДНЕВСКОГО, ИМЕЮЩИЕСЯ
В ПРОДАЖЕ:**

1. ХЛЕБ НАШ НАСУШНЫЙ — БЕСЕДЫ
2. ТИХИЕ ВОДЫ — СБОРНИК СТАТЕЙ.
3. МОЕ ДЫХАНИЕ — СТИХИ
4. О ЧЕМ ПОЮТ НЕБЕСА — СТИХИ.
5. БИБЛИЯ ОТВЕЧАЕТ — ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ.
6. ТАК ОТВЕЧАЕТ БИБЛИЯ — Ответы на вопросы.
7. ХОЧУ ЗНАТЬ — Ответы на вопросы.
8. ГДЕ, ПОЧЕМУ, ОТКУДА? — Ответы на вопросы.

МОЖНО ВЫПИСАТЬ ПО АДРЕСУ:

N. WADEN, 2243 — 22-nd Ave.,
SACRAMENTO, CALIF. 95822.

Цена каждой книги — 1 доллар.

ЦЕНА КНИГИ — 5 долларов.